

Священник Тимофей Алферов

Понтий Пилат

Опыт историко-художественной реконструкции

Аннотация

Десять лет пребывания Понтия Пилата в должности префекта Иудеи ознаменовались судьбоносными для античного мира событиями. Эти события отразились в Евангелии, а также в неевангельских источниках. Предлагается попытка восстановить для современного читателя картину зарождения христианства под новым углом зрения. Постараемся взглянуть на происшедшее сквозь бойницы Антониевой крепости в Иерусалиме.

Посвящается памяти М. А. Булгакова
с глубокой благодарностью за идею

Предисловие

Перед вами не роман и не повесть. Это сочинение не соблюдает, как положено, общепринятых законов такого жанра, как исторический роман. Александр Дюма предлагал романисту вешать свою картину на гвоздь истории. Это означает, что знаменитого классика поневоле стесняли рамки исторической достоверности, и он не ставил себе целью соблюсти ее в точности. Зато он в точности соблюдал законы литературного жанра, все эти завязки, кульминации, развязки, любовные линии, собирательные образы и т.д. В нашем случае этих «исторических гвоздиков» все-таки несколько, и не всякая картина, которую хочется нарисовать, на все из них может быть повешена. Жизнь сложна, она не похожа на роман, и соединить в одном сочинении историческую достоверность и литературные каноны не всегда получается.

Современный кинематограф не столь давно породил жанр художественно-документального фильма, в котором авторам более или менее удастся соединить и документальное исследование, и художественную реконструкцию, которая, конечно, получается ограниченной, охватывающей лишь отдельные эпизоды и сцены, – в отличие от обычных экранизаций на исторические темы. В литературе тоже жанр исторической реконструкции используется широко. Суть его сводится к добровольному самоограничению автора в полете художественной фантазии, в самоподчинении известным историческим фактам. Вот примерно по такому пути и попытался двинуться автор в своей книге. Ведь, с другой стороны, прав и Карамзин:

история принадлежит поэту. Четко выписанные в первоисточниках события, последовательно сменяющие друг друга, никогда не дадут полноты картины, ибо чаще всего они дают мало возможностей проникнуть во внутренний мир героев, распознать мотивацию их поступков. Потому историческая реконструкция поневоле должна быть художественной – хотя и в рамках исторического канона.

Вот так и объясняется двойное прилагательное в нашем подзаголовке. Теперь два вводных слова о нашем герое.

В христианском символе веры помимо Иисуса Христа упомянуты еще два человеческих имени: Дева Мария и Понтий Пилат. Наш герой – это человек, не раз привлекавший к себе внимание в связи с его ролью в евангельских событиях. Понятно, что префект Иудеи (так правильно произносилась его должность, о чем имеется даже древняя, откопанная археологами, надпись на камне), одной из самых отдаленных и небольших по территории провинций, не мог быть фигурой, заметной в истории сам по себе, не мог бы попасть на страницы повествований серьезных римских историков – Светония и Тацита. Однако о нем мы знаем кое-что и помимо евангельского первоисточника, благодаря хронике Иосифа Флавия.

Но и эти сведения крайне скупы и отрывочны, что оставляет место художественному вымыслу. По сути, у нас есть буквально несколько достоверных фактов из его биографии, у нас есть общий контекст римской и иудейской жизни того времени. И между отдельными точками на жизненной ленте Пилата, которые мы принимаем, доверяя Иосифу и

евангелистам, у нас остается достаточное поле для художественной «достройки» его жизнеописания, которое законами жанра разрешается заполнять самому сочинителю.

Разумеется, подлинные факты из его жития мы постараемся тщательно сохранить, давая им приоритет, причем в примечании дается ссылка на первоисточник. (Быть может, эти примечания – если ссылки тщательно прочесть – окажутся более информативными, чем сам основной текст). Там же, где ссылки нет, автор пользуется правом художественного вымысла. Достоверных и важных событий из жизни Понтия Пилата (помимо евангельского сюжета) Иосиф Флавий приводит всего лишь три. Это суть истории, во-первых, с изображениями кесаря, во-вторых, с постройкой водопровода и, наконец, в-третьих, с самарийским восстанием, поставившим точку в карьере Понтия. Автор позволил себе включить в свое повествование некоторые дополнительные подробности и религиозные мотивации. Полагаю, что имею на это право, ибо для римского читателя Иосиф в своей хронике крайне сдержан в религиозных вопросах. Он принципиально убирает за скобку всякое упоминание о мессианской идее, о Царстве Божиим. Об Иисусе он упоминает буквально сквозь зубы (если его знаменитый абзац об Иисусе, действительно, принадлежит его собственной трости). Все это, очевидно, дает автору право внести в рассказ о служении Пилата в своей должности те незначительные детали, которых у Иосифа нет совсем. Да, это остается художественным вымыслом, не более чем предположением, но, на авторский взгляд, вполне правдоподобным.

Легко заметить, что портрет нашего героя в итоге значительно отличается от того, что принят в популярной литературе и в обыденном сознании. Но с авторской точки зрения, именно такой портрет лучше соответствует тем самым скрупулезным фактам, которые у нас все-таки есть. Достаточно напомнить, что именно Понтию Пилату среди римских наместников Иудеи принадлежит самый длительный срок пребывания в должности. Жестокий и жадный, а равно и просто трусливый и малодушный человек (как обыкновенно стало принято представлять Понтия Пилата) не смог бы продержаться в этой должности рекордно длительного времени.

По-видимому, в реальной истории Понтий Пилат был личностью более сложной, а кроме того, эта личность за весь срок своего пребывания в должности (приблизительно 26-37 годы) имела массу поводов к собственному внутреннему развитию. Вызывает искреннее недоумение, почему историки не желают такой перемены в нем даже предположить. Евангельские события, словно плугом, проехали по его судьбе и карьере, а также по его семье, и потому было бы совершенно неправдоподобно полагать, будто и после распятия Иисуса Понтий восседал бы в своем кресле, как ни в чем не бывало. Это, разумеется, не означает, будто он сразу стал бы христианином, или наоборот, гонителем христиан, но в его поступках, а также в поступках близких к нему людей, должны были произойти важнейшие изменения, которые отчасти отражаются на евангельских страницах и в книге Деяний святых апостолов.

Обращаясь к описываемому времени, мы должны попасть в атмосферу трех языков: арамейского,

греческого и латыни. Наши герои говорят на трех языках, и быть может, книга выиграла бы от включения цитат на всех трех. Но ради ясности мы ограничиваемся включением лишь нескольких латинских афоризмов и не стремимся употреблять специфическую терминологию римской истории. (Без фасций и проскрипций мы стараемся обходиться для удобства того читателя, который не настолько подкован в латыни, чтобы отличать овации от овуляций, а лекторов от ликторов). Важно помнить одно: в данное время в данной местности еврей и римлянин, если смогут объясниться без переводчика, то, скорее всего, лишь на греческом языке.

Глава 1. Завещание Валерия Грата

Шел 780 год от основания Рима. Нашим счетом это соответствует 26 году так называемой нашей эры. Трибун Гней Понтий Септим сходил на берег Палестинской земли в Кесарии. Более известен он был по прозвищу Пилат, что значит дротик. Так прозвали его еще во время службы на берегах Рейна в первом легионе под предводительством Тиберия, одного из лучших римских полководцев времен Октавиана Августа. Само же прозвище дали ему, то ли за невысокий рост и сухое телосложение, то ли за редкую способность точно метать этот самый дротик в цель.

То был опытный воин, уже перешагнувший ветеранский рубеж двадцатилетней службы, принимавший участие в удачных походах на Рейне в 10-11 годах, когда после страшного поражения консула Вара в Тевтобургском лесу, именно

Тиберию выпала задача спасти положение, с чем он успешно справился, остановив и отбросив воодушевленных германцев¹. Успев повоевать в Германии, Понтий продолжил службу в самом Риме, был представлен лично новому цезарю, то есть тому же Тиберию, сменившему Августа, и наконец, получил самостоятельное назначение на руководящую должность в одну из самых отдаленных от Рима провинций.

Сам Понтий уже бывал здесь, находясь в подчинении префекта Валерия Грата, и потому постепенно вникал в местные особенности. Собственно провинцией Рима эта маленькая земля стала еще совсем недавно. До этого территория всего Израиля: Иудея, Галилея и Самария, была для Рима чем-то вроде вассального соседа. Так было в правление Августа в Риме и Ирода Великого в Палестине. Как бы союз двух правителей, каждый из которых был как бы монархом. Не вполне монархом, каждый по своим политическим причинам. Но сейчас те времена уходили, Палестина постепенно входила в состав Римской империи на правах самой настоящей провинции. Притом она еще не была самостоятельной, а входила в состав провинции Сирия.

В правление Тиберия, в десятиные и двадцатые годы, Сирия считалась провинцией относительно спокойной. Особенно на фоне постоянных и серьезных волнений в Германии, на северных Балканах, в Северной Африке и даже в Галлии и Испании. Тем не менее, именно в этой провинции был беспокойный очаг. И это было именно то место, куда был направлен Понтий Пилат.

Главной своей задачей он, конечно, видел поддержание спокойствия, что выражалось в отсутствии мятежей и правильном сборе налогов. По счастью, Тиберий, не будучи лично жадным человеком, вел умную и правильную политику налогообложения и сумел поправить финансовую систему империи, пошатнувшуюся было в последние годы правления Августа². Справедливое и приемлемое налогообложение повсюду, как водится, обычно и определяло спокойствие политическое. Такова общая схема, и Пилат ее, конечно, знал, но уже и ранее, бывая в Палестине, он замечал, что к простой схеме «налоги – мятежи» политическая жизнь здесь не сводится. В иудейской среде волнения возникали как бы ниоткуда, совсем не из-за какого-то экономического бремени, по неясным для римлянина причинам. За причинами этими следовало прозревать лишь некий религиозный фактор. Слишком уникальной была религиозность этих евреев, крайне не похожей на религии других народов, и именно она таила в себе такие опасности, которые сложно было предвидеть заранее...

В Кесарии приморской Понтия и его свиту ожидала специальная резиденция, по сути, целая приморская крепость с роскошным дворцом, отстроенная при Ироде великом, как и многие другие города Палестины.³ Здесь была главная база римского гарнизона, главная пристань в специально сооруженной искусственной гавани, служившая основным источником связи с «большой землей» Рима. Это был прекрасный комплекс античных построек, да и климат здесь был наиболее мягким и комфортным, сравнительно с более возвышенными районами Иудеи. Сам город в наименьшей

возможной степени был иудейским. Это был обычный греко-римский город с многонациональным населением. Но Понтий знал, что основная и наиболее трудная часть его служения пройдет не здесь.

Первым человеком, встретившим Понтия в его резиденции в Кесарии, был грек Гармизий,⁴ секретарь и переводчик при резиденции палестинских префектов. Он был уже преклонных лет, седой и лысеющий, но живой и подвижный, сохраняющий ум, память, а главное – знание всей местной жизни. Для правителя он был просто находкой, источником самых разных сведений о характере местного населения.

Поклонившись и представившись Понтию, он повел его по разным залам и комнатам, показывая их назначение. Главным образом, впрочем, эти сведения нужны были не самому Понтию, бывавшему здесь и ранее, а его жене, Клавдии Прокуле⁵, становившейся теперь здесь полноправной хозяйкой. Оставив ее с детьми и служанками принимать хозяйство, новый префект спешил принимать дела. В рабочем кабинете он перебирал папирусы с отчетами о передвижении денежных средств, о расположении и количестве гарнизонов, - в общем, всей той важной и интересной информацией, которая совершенно не важна нашему читателю.

Под конец всей этой разборки и приема дел, Гармизий вдруг спохватился:

- Да, вот еще Валерий просил передать своему преемнику отдельное письмо, лично и неофициально.

- Интересно, - отозвался Понтий, - давай посмотрю.

Он проверил сохранность печатей, на ходу оценил подлинность приложенного перстня, развернул и прочел следующее:

«Приветствую тебя, пока неведомый мне наследник моего служения.

Кроме всех деловых записей поделюсь с тобой самым важным своим впечатлением. Опасности поджидают тебя с двух сторон. Во-первых, крамольники и убийцы, постоянные любители мятежей. Распинай их нещадно и береги своих мытарей, которые становятся первыми жертвами этих убийц. Во-вторых, врагами твоими будут жрецы их Бога, которые вроде бы всегда выступают против мятежей, но мне думается, это лишь до тех пор, пока мятеж слаб. Невидимая опасность – их постоянная готовность к доносам в Рим, где у них тоже есть свои люди, проводники их интересов. Не верь никому из них. Друзья твои – лишь римские гарнизоны. Но помни, что какими бы ни были твои отношения с их жрецами – держи эти отношения корректными, – главное не порти отношения с их Богом. Скорее всего, жрецы не выражают его воли, и их можно наказать при необходимости. Но с их Богом ссориться не следует никогда.

Боги да хранят Цезаря и тебя.

Валерий Грат»

Понтий присел и глубоко задумался. Строго говоря, по отдельности он не увидел в этом послании ничего нового для себя. О трех указанных опасностях он уже знал или догадывался. Ни с чьими богами, он и так не стал бы портить отношения, и готов был уважать и тех богов, в существование которых несколько не верил. Но вот что побудило Валерия выделить так ярко эту общепринятую в Риме мысль:

не ссориться с чужими богами? Чем опасен именно еврейский Бог? И чем можно вызвать его гнев, если никак не трогать его храма?

В самом деле, - думал Понтий, - я же не собираюсь, как Гней Помпей входить в их святилище. Да и тот ведь вошел туда не с целью надругательства. Посмотрел и вышел, ни кодрата не взял из храмовой казны. Велел в тот же день восстановить в их храме служение⁶. Интересно, что Валерий имел в виду? Он как-то сам прогневал их бога? Все это очень странно. И самое странное – их еврейская религиозность. И бог их странен, и служители его еще страннее. Да, в этой стране все события и действия всех лиц паче всего будут иметь религиозные мотивировки и причины. Одной только правильной экономической политикой тут ничего не решить...

Тяжелые мысли Понтия развеял его ординарец, доложивший о прибытии центурионов. С этого дня именно они становились его главной опорой. Познакомившись с ними, Понтий выслушал их доклады и начал составлять себе примерную смету и расстановку своих военных сил.

В целом положение префекта имело мало степеней свободы. На провинцию с почти миллионным населением, хотя и не большую по площади, он имел всего лишь когорту римских воинов.⁷ Плюс усиление из местных сирийцев, плюс собственно еврейские воины храмовой стражи в Иерусалиме. И плюс к тому воинство четвертовластника Галилеи Ирода Антипы. Этих не римских войск было, разумеется, гораздо больше, чем своих легионеров. И эти воины были, так сказать, союзной армией на случай появления общего врага, но никак не подотчетными

Понтию силами. Насколько были они надежны? Это зависело от дальнейшей линии поведения самого префекта.

Свои войска Понтий вынужден был оставлять в главнейших опорных пунктах: Иерусалиме, самой Кесарии (приморской, где он сейчас находился), в главном галилейском городе Сепфорисе (наиболее эллинизированном). Эти точки были самыми главными. На время праздников Иерусалимский гарнизон усиливался подкреплениями из Кесарии и Галилеи. Такая система сложилась до Пилата и продолжилась после него до самой иудейской войны. Изменить в ней он ничего и не мог.

Войск было мало. И просить их было неоткуда. Римские провинции от Германии до Африки, повторим еще раз, в те годы оглашались разными мятежами. В начале царствования Тиберия в германских легионах отмечены были бунты и среди самих легионеров, требующих улучшения условий службы и своевременной отставки ветеранов с выплатой им положенного жалования⁸. В Сирии, провинции относительно спокойной, тоже не было ни единого лишнего солдата: по соседству была Парфия, уже давний и очень серьезный противник Рима, с которым по счастью в те годы не было горячей войны, но именно благодаря легионам на ее границе. Если бы захотеть расширить воинский контингент за счет наемников, то придется чем-то им платить, а значит, усиливать налоговый гнет, что опасно. Придется обходиться теми силами, что есть в наличии. А в наличии на одного римского воина приходилась чуть ли не тысяча человек местного населения, из которых две сотни легко можно было бы, как мы теперь сказали бы, поставить под штык.

Все это требовало от префекта весьма тонкой и сбалансированной политики. Ни в коем случае нельзя было спровоцировать мятеж – это смерти подобно. Но чтобы добиться этого, требовались не только уступки, но и какие-то проявления римской воинской доблести и силы, чтобы местные евреи все-таки не пытались сесть на шею, а побаивались бы римского меча. Понтий, конечно, не сомневался, что если дело дошло бы до ножей по-настоящему, то Рим прислал бы легион или два на подмогу и добился бы окончательной победы. Но дожить до нее кому-либо из его когорты практически не было шансов. Пройдет еще сорок лет, евреи действительно возьмутся за оружие, развяжут войну, которая в конце концов, окончится для них сокрушительным поражением, но первый римский гарнизон (а это был уже целый легион), евреи уничтожат полностью. Такой сюжет все римские прокураторы Иудеи просчитывали заранее. Исключение составил лишь последний из них Флор, поплатившийся за это потерей того самого легиона⁹.

Таково было, так сказать, условие задачи, поставленной Пилату самой жизнью и цезарем. Религиозный фактор включался в это условие, как дополнительное отягощение.

Внимательно выслушал Понтий центурионов, расспрашивая сведения почти о каждом из легионеров: сколько в строю, сколько больных, сколько ветеранов, приближающихся к сроку или уже перешагнувших его. Он понимал, что эти люди – его главное здесь сокровище. Свое ответное слово префект решил высказать перед всеми имеющимися в наличии воинами гарнизона.

Когда гарнизон был построен, Понтий приветствовал воинов и сказал им так:

- Римляне, вы знаете, как непроста обстановка в этой стране и сколь ответственна ваша служба. Наша задача — поддержать здесь мир и спокойствие. Помощи со стороны и подкреплений нам не пришлют. По всей империи нашим братьям по оружию приходится еще тяжелее. Вы слышали, возможно, о восстаниях в Германии, в Паннонии, в Карфагенской области¹⁰. Там случается настоящая война. Здесь же наша задача состоит в том, чтобы войны не допустить. Мы должны здесь во всем следовать примеру нашего цезаря, да хранят его боги. Я видел, как он командовал легионами в Германии и добивался существенных побед. Нас же он учил тому, чем сам владел в совершенстве: заботе о своих воинах, чтобы никакие больные и раненные не были оставлены. Он всегда умел избежать большого кровопролития, его легионы всегда несли малые потери, и за это воины очень любят его¹¹. Я, сколько в моих силах, тоже постараюсь избежать всякого кровопролития. Но это не значит, что ваша жизнь станет праздной. Наш враг — а это мятежники, постоянно подрывающие и наше спокойствие и жизнь местного населения, - коварен и опасен, ибо действует из темноты и ночью. Но в столкновении лицом к лицу он против нас слаб. Если нам придется столкнуться с ним, нам нужна только победа, причем не большой ценой. Мы можем достигнуть ее, только постоянно упражняясь в строевой подготовке, в умении действовать всеми видами нашего оружия. Только ежедневные тренировки позволят нам быть всегда страшными для врагов. Мы обязаны малой кровью (иногда и своей!) предотвращать большое

кровапролитие. Но малой должна быть и кровь наших противников. Наше силовое действие никогда не должно превышать меру закона и необходимости. Мы обязаны поддерживать закон, а это значит, что сами, соблюдая его, не имеем права отягощать население. Если закон разрешает нам возложить свою ношу на местного жителя на одну милю, - не заставляйте его нести и вторую милю. И так во всем, включая применение силы. Если, образно говоря, евреи перед нами начнут нагнать и потребуются ударить их по щеке – ударьте. Но только по одной, а дальше посмотрите. Если наглец остепенился, не надо бить его и по другой щеке. Помните урок Паннонского предводителя бунтовщиков по имени Батона. Сам цезарь спросил его, взятого в плен, зачем они стали воевать. Этот Батон ответил: потому что вы прислали надзирать за стадом не пастухов и даже не собак, а прямо волков¹⁰. Никто из вас не имеет права оказаться таким волком или собакой! Как бы вы ни относились к евреям, но спровоцировать их восстание своей жестокостью или мародерством – это преступление против всех нас, против всех своих боевых товарищей, против Рима и цезаря. Если чья-то глупость, жадность или жестокость спровоцирует большую войну, мы на ней погибнем все до единого, потому что у них всегда окажется огромное численное превосходство. Подкреплений нам не пришлют, неоткуда. Кроме того, если мы озлобим евреев, они могут составить союз против Рима с парфянами и аравийцами. Тогда гибель легионов Красса в Парфии или даже гибель трех легионов в Тевтобургском лесу покажутся мелочью перед той потерей, которая ожидает Рим. После признаний Батона цезарь внимательно следит за любыми

злоупотреблениями римлян в провинциях, все жалобы местного населения рассматриваются и меры принимаются. Мы должны быть постоянно внимательны и воздержны во всем, полностью исключить и жадность, и жестокость со своей стороны. Так подсказывает нам сама жизнь, так учит нас пример цезаря. Этого и я собираюсь требовать от вас. И для начала я прошу от вас осторожности. Один римский воин в городе или в поле уязвим для удара сзади. Гораздо менее уязвим наш строй даже перед существенно превосходящими силами врага. По этой земле мы должны передвигаться только отрядами. Всегда иметь при себе свое оружие исправным и наточенным. Наша сила во взаимной выручке. Ни один больной или раненный, потерявшийся по каким-то причинам воин не должен быть оставлен на произвол судьбы. Особая ответственность ложится на центурионов. Прошу вас не просто слушаться их, но понимать с полуслова, принимать, как отцов своих. Если при нашей малочисленности у нас не будет внутреннего единства, мы будем обречены. Я лично буду постоянно смотреть за вашими воинскими упражнениями и готов вникать во все ваши нужды. А при случае, если понадобится, в бой пойдем вместе.

Речь нового префекта была встречена гулом одобрения. Понтий чувствовал, что постепенно он начинает входить в круг своих дел и обязанностей, и надеялся, что справится с ними неплохо. Когда уже легионеры расходились по казармам, к нему обратился Корнелий¹², центурион того отряда, что квартировал непосредственно в Кесарии:

- Ваше превосходительство, главный административный центр здешней провинции находится все-таки в Иерусалиме. Там

сконцентрировано все еврейское начальство, там их синедрион, то есть совет жрецов, которому принадлежит все местное самоуправление. В общем, основные дела решаются там. Там же накапливаются и судебные дела, требующие нашего, римского решения. Сколько помню, большую часть своего времени наш префект пребывал именно там.

- Да, я слышал. Немного обустроимся здесь и через несколько дней поедем.

Так и порешили. В обычное время Корнелий со своим отрядом контролировал не только Кесарию, но и, по сути, всю приморскую часть Иудеи вплоть до египетской границы. В отсутствие префекта он держал саму резиденцию в Кесарии.

Глава 2. В Иерусалим

Поездка в Иерусалим оказалась делом не столь простым. До Иерусалима было два дневных перехода. Посередине, в Антипатриде, предполагалась остановка на ночлег. Разумеется, требовался конвой для сопровождения. Пока шли все эти приготовления, Понтий разговорился с Гармизием о местных обычаях. При их разговоре присутствовала и Клавдия, становившаяся теперь первой женщиной в городе. И если в Кесарии она освоилась быстро, как в любом греческом городе побережья, то Иерусалим, согласно предостережениям Гармизия, казался совершенно иным миром, причем, скорее враждебным, чем дружественным.

- Евреи народ особенный, даже исключительный в своем роде, - наставлял Понтия опытный грек. – Я

имею в виду набожных в их среде. Для них верность их Богу превыше всего, а главным способом угодить своему Богу они почему-то почитают гнушение всем так называемым нечистым и запрещенным. И прежде всего, в нечистых ходят все иноплеменники, особенно необрезанные, ну, то есть, в сущности все вообще не евреи. Даже те, кто говорят и думают на одном с ними языке, как например, самаряне. Порядочный еврей с такими не будет есть вместе, не будет пользоваться с ними одним жилищем, одеждой, посудой. Ему не подаришь подарка, и сам он вряд ли что-то подарит.

- И как же с ними вести переговоры, например? – спросил Понтий.

- Ну, где-то на нейтральной территории. Во дворце Ирода, например. В крайнем случае, можно и в Антониевой крепости, где-нибудь на площадке при воротах. Внутрь помещения они не войдут.

- И угостить их тоже нельзя? – поинтересовалась Клавдия, - например, вина налить?

- Нет-нет, лучше не пробовать, - заверил Гармизий. – Большую часть наших продуктов им есть нельзя. Что-то явно считается нечистым, например, свинина, а другое приготовлено, как нечистое, потому что сами же мы все для них нечисть.

- И что они все такие?

- Нет, а только особо фанатичные религиозные. Но с ними-то и придется иметь дело. Их простые люди и в пище неприхотливы, и общаться с ними можно нормально, но с раввинами и жрецами все очень сложно.

- А раввины – это кто такие? – поинтересовалась Клавдия.

- Это учителя их, - ответил Понтий, - что народ учат в синагогах.

- Да, - добавил Гармизий, - и они имеют большее влияние на народ, они входят в синедрион вместе с жрецами, и они еще глубже привержены этим своим дурацким правилам.

- Получается, если они пользуются авторитетом, то и все простые с них берут пример?

- Ну, авторитетом, пожалуй, они пользуются, - неопределенно протянул Гармизий, - только пример с них брать трудно. Это ж надо особое устройство ума иметь. Шагу не шагни, чтобы обо что-то нечистое не обмараться. Такое могут себе позволить лишь те, кому о хлебе насущном беспокоиться не требуется. При этом далеко не все священники и раввины бездельничают. Некоторые и работают. Но у них и работы тоже должны быть чистыми. Кожевенное ремесло, например, считается нечистым из-за того, что там шкуры вымачивают. Сложнейшая система, я сам в ней плохо разбираюсь¹³.

- Ну, а нам чем все это грозит? – спросил Понтий.

- Не знаю. Но просто нужно быть готовым, что они на каждом шагу будут нам говорить, что здесь этого нельзя, а там того нельзя. И всю эту дурь приходится как-то уважать.

Он чуть помолчал и добавил:

- Раньше, при Августе и Ироде со всем этим было намного проще. Ирод все-таки был царем. Он был наполовину идумеянин, его не очень уважали. Возможно, раввины и сами считали его нечистым. Но, как военачальник, он себя показал хорошо, меч в руке держал крепко, с Августом поладил очень быстро. Хотя до этого был близким другом Антония, но когда Антоний был Августом побежден,

мгновенно сумел поладить и с Августом. Так вот, при поддержке Августа Ирод всю эту еврейскую мелочную систему нечистот не уважал. Города строил с банями и театрами, - да вы сами видите, в одном из этих строений мы сейчас сидим¹⁴. И ему все это жрецы прощали, хотя и косились, а куда им деться? Он был царь. С Иродом поладить было можно. С ним можно было обедать за одним столом. А теперь все это в прошлом.

- Да, мы знаем, - сказал Понтий. – После Ирода порядочного правителя у них как-то не находилось. Сам Август еще с этим помучился. Нет порядочных правителей. Что этот Архелай, что Антипа, что Филипп. Все не того полета птицы¹⁵.

- Ну, да. Вот и пришлось разделить всю эту землю, по кусочку дать одному и другому. А я думаю, между нами, - Гармизий понизил голос, - Ирод сам виноват. Если бы он не казнил Мариамну и ее детей, у него были бы хорошие наследники. Александр и Аристокл учились в Риме, всю жизнь провели в порядочном обществе¹⁶. Кто-нибудь из них мог бы... Эх, да. Ну, что поделаешь, все в прошлом. А пока, над Галилеей Ирод Антипа, Филипп дальше еще, в Трахонитской стране, а здесь в Иерусалиме царя и нет. Вся власть у коллегии жрецов, все местное управление. Поэтому так все набито их религиозностью, что и шагу не шагнуть спокойно.

- Ладно, завтра выдвигаемся, - сказал Понтий, - посмотрим на месте.

- Только, пожалуйста, выходите без орлов, - вдруг попросил Гармизий, как бы решившись на трудное слово. – Если попыбуете внести внутрь города орла, скандал будет выше небес. Прямо на улице могут с камнями наброситься. Фанатики! Еще при Ироде

дело было, когда он медное изображение орла хотел было поставить на воротах. Ну, поставил – через несколько дней разбили и устроили мятеж с кучей убитых¹⁷. Это при Ироде-то! С тех пор никто не смеет.

- М-да. Интересно. Это уже, значит, с самого начала нас на место ставят? – возмутился Понтий.

- Ну, как угодно, но это уже традиция. То, что можно нам в Кесарии, там, в их святой земле нельзя никак. Ну, проверено это, игемон! Нельзя. Никто давно уже не пробовал, и нам не стоит.

Путешествие до Иерусалима прошло спокойно. Дорога поднималась вверх по холмистой или гористой местности. большей частью эта земля мало пригодна для сельского хозяйства – в отличие от Галилеи и Заиорданья. Вся человеческая жизнь здесь протекала вокруг оазисов. На середине пути, в конце первого дня путешественников встречал город Антипатрида, также построенный Иродом Великим и названный им в честь своего отца. Второй день пути приводил уже в сам Иерусалим.

Заходящее солнце освещало знаменитый и красивейший город того, древнего мира. Наши путники входили Яффскими воротами, что находятся в северо-западной части древнего города. Отсюда открывался вид на Храм, на дворец Ирода и Антониеву крепость. Огромные стены на крутых обрывах и над всем великолепием храмового ансамбля производили глубокое впечатление. Но на улицах города римскому отряду было крайне неудобно. Римлянам здесь никто не радовался. Многолюдство быстро исчезало по мере приближения строя воинов. А ведь нужно было

проследовать через весь город поперек его в Антониеву крепость, возвышавшуюся рядом с Храмом¹⁸. Здесь и остановились на ночлег.

Поутру нового префекта приветствовала делегация во главе с первосвященником. То был Иосиф Каиафа, поставленный еще при Валерии Грате, и остававшийся первосвященником до самых последних дней пребывания Понтия Пилата в должности. С первого же взгляда в нем угадывались целеустремленность и настойчивость.

Как и предсказывал Гармизий, встреча прошла во дворе Антониевой крепости под открытым небом, без всяких там церемоний и рукопожатий. В современном дипломатическом обиходе такие встречи называются: на ногах.

Разговор их с Понтием не коснулся никаких серьезных предметов. Иосиф владел греческим языком довольно хорошо. Обычные слова приветствия и вежливости, обычные в таких случаях пожелания и надежды на конструктивное взаимодействие, в общем, слова, не стоящие воспроизведения на бумаге. Но оба соперника при этом внимательно изучали глазами друг друга, понимая, что соперничество меж ними будет, и оно не будет легким. Оба пытались нащупать слабые места в характере друг друга. Понтий понял, что перед ним человек не слабого нрава, попятить которого будет крайне трудно.

У нас принято говорить, будто в те годы римские наместники сменяли первосвященников и таким образом будто бы могли управлять синедрионом. На самом деле, это довольно поверхностное суждение. Валерий Грат за свои десять лет пребывания в должности сменил пятерых первосвященников,

причем все они были родственниками друг другу, происходя из семьи одного и того же Аннана, которого Валерий сместил первым¹⁹. И что значит: сменил? Рекомендовал синедриону подыскать другого кандидата. Ему выставляли. Вместо известного и чем-то не угодившего человека появлялся другой, на этот раз неизвестный и, быть может, способный на еще более тяжкие досаждения римской власти. Проверить это заранее не было никакой возможности. Эти кандидаты не суть наследники престола, жизнь которых протекает у всех на виду задолго до того, как они примут трон. Каждый новый первосвященник, выдвигаемый синедрионом на утверждение римскому наместнику, это для него человек, вынырывающий из темноты. Да, у игемона была возможность сменить это шило на это мыло, но давало ли ему это реальную власть над синедрионом, состоявшим из семидесяти лиц в состоянии скрытого соперничества между ними самими? Едва ли. Про Понтия точно известно, что он первосвященника Иосифа Каиафу так и не сменил ни на кого другого за все время своего правления. За все эти десять-одиннадцать лет они так и остались, выражаясь современным языком, противостоящими партнерами.

С благословения первосвященника Понтий с женой осмотрел храмовый комплекс с высоты колоннады. Вся территория храмовых построек была обнесена этими колоннадами по периметру всего прямоугольника, а выход на них был прямым из Антониевой крепости. Таким образом, римская стража имела возможность сверху наблюдать за всем происходившим во внутренних дворах и своевременно заметить какие-либо беспорядки. А с

земли, со священной земли Сиона, внутрь двора вход необрезанным был категорически воспрещен, о чем имелись надписи при входе во двор Израиля. Надписи были составлены по-гречески и по-латыни и провозглашали нарушителя виновником собственной смерти²⁰. Увидев с колоннады одну из таких табличек и спросив о ее содержании, Понтий с мрачным юмором сказал Клавдии тихо и по-латыни, чтобы никто не слышал:

- Это, Клавдия, мы ими владеем, это мы их угнетаем и обираем. В общем, проходу не даем.

- Точно. Проходу не даем, - рассмеялась Клавдия в ответ.

В целом город, несмотря на свое внешнее благолепие и даже помпезность, произвел на римлян гнетущее впечатление. Слишком он был чужой, слишком не похож на обычные греческие и римские полисы.

- Слишком он ритуально чист для нашего здесь присутствия, - съязвила Клавдия, начавшая проситься обратно в Кесарию с первого же дня пребывания в нем. Но, конечно, одним днем ограничить свое пребывание в Иерусалиме было невозможно.

Среди прочих встреч важным было и то, что Понтий внимательно осмотрел саму Антониеву крепость и все расположение гарнизона под началом центуриона Лонгина²¹. Лонгин оказался человеком сообразительным и решительным. Он сумел добиться главного: в городе у него были свои глаза и уши. Несколько евреев, мытари и близкие к ним лица, слушали разговоры соплеменников на улицах и торжищах и при нужде давали Лонгину знать о возможных неприятностях. Это позволило ему

провести несколько удачных операций по разгону мятежников.

Смена власти царей или префектов, или даже первосвященников всегда для еврейских повстанцев служила излюбленным поводом к беспорядкам. Горючего людского материала к ним было в те годы достаточно. Вот и теперь, в ожидании прибытия Понтия в окрестностях Иерусалима некая шайка напала на местную таможеню, пытаясь перебить охрану, самих мытарей и уничтожить списки данников, столь трудно добываемые во время каждой переписи. Отряд Лонгина подоспел с небольшим опозданием, однако его людям удалось захватить бунтовщиков врасплох. Большинство из них были побиты, двое захвачены, несколько успели ускользнуть. Увидев трупы своих убитых товарищей, Лонгин не мог удержать своих воинов от того, чтобы пленных бандитов немедленно распять – ради устрашения всех местных жителей.

Но среди пленных оказались не только мятежники. Попалась там и юная жена одного из бандитов. Девушка лет пятнадцати на вид, пробывшая замужем лишь несколько месяцев. Ее брат и муж оказались в этой шайке и были уничтожены, а сама она стала добычей римлян. Лонгин взял ее в рабыни, и, поняв, что о планах мятежников она вряд ли может знать что-то существенное, на всякий случай оставил ее при центурии. Отпускать ее, видевшую самого Лонгина и его ближних, а может быть, и виновную в содействии родственникам-бунтовщикам, он не захотел. Надругаться над ней и убить? Но тут он ее пожалел. Слишком уж жалко и затравлено она выглядела. Кроме того, к своему удивлению, Лонгин увидел, что она сносно говорит по-гречески, и счел

это полезным ее качеством, которое может со временем пригодиться.

Разъяснив девушке, чего она на самом деле достойна, и от каких наказаний он ее освобождает, он предложил ей стать пока его прислугой при гарнизоне. Лонгин намеревался в дальнейшем сделать ее своим агентом в городе, но, разумеется, для начала ничего ей об этом не сказал. А теперь в разговоре с префектом упомянул всю эту историю.

- Кстати, - завершил он свой рассказ, - а может вам пригодится такая служанка? Хотя бы для служения здесь.

- Ну, давай, мы сначала на нее хотя бы посмотрим, - ответил Понтий и позвал еще свою жену.

Пред префектом предстала худая и ободранная еврейская пленница, среднего роста, черноволосая, не привлекательная на вид, с измученными затравленными глазами. Вид ее был таков, каким и должен был быть после всего с нею произошедшего.

- Как тебя зовут? – спросила Клавдия по-гречески, не зная, с чего начать и просто желая проверить, как она по-гречески говорит.

- Шломит, - ответила пленница по-арамейски и прибавила уже на более-менее сносном греческом, - я знаю, что мое имя вы не выговорите.

- Да уж, конечно, - согласилась Клавдия, - в нашем языке нет этого змеиного шипения. - Она имела в виду, что в греческом нет шипящих звуков, которых полно в арамейском и во множестве языков других народов земли. То есть, у «варваров».

- Греки передают это имя, как Саломия, - подсказал Лонгин.

- Ладно, не имеет значения, - согласилась Клавдия, - важно, что девушка по-гречески понимает.

- А что ты умеешь делать, - спросил Понтий.
- Все, что делают женщины на кухне и по хозяйству.

Понтий спросил жену по-латыни:

- Тебе пригодится такая?
- Посмотрим, - кивнула Клавдия.

Увидев согласие между супругами, Лонгин разъяснил еврейке по-гречески:

- Видишь, господа готовы оказать тебе милость и взять к себе. Подумай сама, что еще может быть для тебя лучше? Если расследовать твое соучастие в банде, тебя, вероятно, пришлось бы казнить. Оставить тебя здесь и отдать воинам? – Ты понимаешь, что с тобою будет. Отпустить тебя на волю? – Твои же родственники не поверят тебе, будут считать тебя нашей разведчицей и скорее всего, тоже убьют. Вместо всего этого тебе дается кров, кусок хлеба и работа. Пожалуйста, постарайся это оценить, быть благодарной и верной.

Шломит молча поклонилась. Клавдия добавила:

- Не мучь только меня необходимостью запоминать твое имя. Имя даю я тебе сама. Ты будешь отныне Терция, потому что ты у меня получаешься третьей служанкой. Запомни: Тер-ци-я. Слушаться будешь не только меня, но и старших служанок, Приму и Секунду. Они покажут тебе, что надо делать.

Эти две рабыни Клавдии были с нею давно, происходили они из пленниц восстания в Паннонии. Их она тоже держала только за то, что обе понимали по-гречески. Природных своих имен они тоже были лишены. Клавдия, как и муж ее, как и вообще все образованные римляне, владела греческим языком, причем не только языком торжища, но и

литературным. Прочесть Гомера она вполне могла. Такое свое языковое образование она, как и все вокруг, почитала более чем достаточным, и напрягать свои усилия относительно варварских наречий или даже варварских имен не считала приличным. Латинское имя-номер покрывало и, так сказать, обнуляло прежнюю жизнь рабыни.

Так у служанок Клавдии появилась своя рабыня.

Старшие служанки для начала заставили ее носить воду. Проблема города состояла в его возвышенном положении. Это создавало, с одной стороны, эффект неприступности – с трех сторон город штурмовать было просто невозможно, столь круты были обрывы. Но с другой стороны, как легко догадаться, город заведомо обрекался на недостаток воды. Немногие источники в нижних местах города едва-едва могли покрыть его нужды при самом экономном расходе.

Клавдии достаточно было один раз только увидеть издали обычную еврейскую микву и сосуды для ритуальных омовений. Поводов для смеха и сальных шуток на тему еврейских ритуальных очищений у нее появилось предостаточно. В самом деле, представьте себе довольно маленький бассейн, почти ванну, в которой подряд окунулись десять-двадцать человек. Окунуться можно и тридцатому, но вымыться у него уже вряд ли получится. И все эти люди при этом чрезвычайно щепетильны в вопросах ритуальной чистоты. Тут в самом деле найдется, над чем пошутить. Клавдия не была слишком избалованной, но в Кесарии все-таки имела возможность принять чистую ванну в любой день по своему желанию, и с этой точки зрения оценивала еврейскую чистоту весьма критически.

Через неделю она все-таки уговорила мужа вернуться в Кесарию. Он и сам был сыт по горло негативными впечатлениями и не желал оставаться тут надолго. Понтий понимал, что в следующий раз ему нужно быть здесь без жены. Особенно когда накопится много судебных дел, требующих его вмешательства.

- Сам посуди, Понтий, кто мы здесь? - подначивала Клавдия мужа. — Какая-то нанятая охрана. Мы здесь их рабы по наведению порядка. Их порядка, не нашего! И весь этот маскарад называется римским владычеством. Римлянину тут просто шагнуть некуда. Загнаны мы в этот каменный Антониев загон, в тюрьму какую-то, и оттуда нам просто не высунуться. Если ты можешь выйти из охраняемого помещения только под конвоем, то как тебя надо после этого назвать? Ты свободный человек в таком случае? Или все-таки пленник?

Понтий прекрасно понимал правоту жены. Но лишь частичную правоту. Другая часть правды состояла в соотношении сил. Знала об этом и Клавдия, но, как женщина властная, эмоциональная и самостоятельная, в расчет этого не принимала. К счастью, не ей предстояло принимать важные решения.

Глава 3. Изображения цезаря

В тяжелых раздумьях Понтий провел еще несколько недель в Кесарии. Кончалось лето, наступала пора целой серии еврейских праздников: новый год, день искупления, неделя шалашей. Ожидался в такие дни наплыв паломников. Нужно было вновь выдвигаться в Иерусалим с усилением

для гарнизона. Понтий хотел как-то подчеркнуть римское присутствие хотя бы в Антониевой крепости. Для этого он взял недавно привезенные по морю небольшие скульптурные изображения цезаря и решил разместить их в крепости, но так, чтобы было заметно не только изнутри, но и снаружи. С Гармизием он не советовался, зная его мнение по этому поводу, а скульптуры повелел пронести ночью в зачехленном виде.

«Наутро мы их установим, а дальше пусть думают, что хотят. Победителей не судят, в конце концов...» - думал про себя префект.

Однако все произошло совсем не так, как он предполагал.

Утром возле ворот крепости уже толпился возмущенный народ, а к обеду явилась официальная делегация. Компанию Иосифу Каиафе составили многие священники и раввины. Намерения их были самыми серьезными. Не сам Каиафа, а какой-то другой из священников четко и внятно призвал Понтия соблюдать национальные обычаи. Понтий ответил раздраженно:

- У вас вообще есть представление о том, что в чужой стране бывают посольства? В посольствах дома иностранцев. Территория посольств принадлежит этим иноземцам. Эту крепость царь Ирод построил для нас. Эта территория – единственное место в городе, которое принадлежит Риму и цезарю. Что и обозначают эти статуи. Вам понятно?

- Да, дома эти ваши, - возразил теперь сам Иосиф, - а земля Израиля неделима, она остается священной. И уж особенно – возле самого Храма. Ирод еще мог позволить себе строить бани и цирки где-нибудь в

вашей Кесарии, но поставить статуи в священном городе – никогда. Это земля святая и изображения ваши придется убрать.

- Это будет означать оскорбление самого цезаря! – возмутился Пилат. – Я, как его представитель здесь, не могу на это пойти.

- Разве сам цезарь повелел поставить здесь свои статуи? – парировал Каиафа, сохраняя внешнее спокойствие.

Это был действительно сильный аргумент, возможно, еще более сильный, чем думал сам Иосиф. Цезарь Тиберий был достаточно скромным человеком, непривычно скромным по римским понятиям, он не насаждал культа своей личности, не любил своих изображений, не хотел, чтобы ему посвящали храмы²². Знал ли это Каиафа или нет, но Понтий вдруг сообразил, что если бы цезарь оказался здесь собственной персоной, он вряд ли одобрил бы поступок своего префекта.

Однако и отступать перед еврейским напором было уже недопустимо и позорно. Пилат повелел депутации покинуть двор крепости. Воины Лонгина, сомкнув щиты, медленно, почти «вежливо», выдавили гостей за ворота. Однако акция протеста на этом и не думала заканчиваться. Перед зданием крепости образовался своего рода сидячий пикет. Протестующие не расходились, иногда проводили свой митинг, слушали ораторов, говоривших по-арамейски, иногда что-то выкрикивали хором по-гречески, требуя убрать изображения. Понаблюдав за этим пару часов, Понтий понял, что все поведение протестующих тщательно спланировано и хорошо управляется. Организаторы четко следили, чтобы никто не пытался провоцировать римлян на ответные

действия. Никто не нарушал порядка, никто не угрожал оружием. Ни один камень не был брошен в сторону крепости или в сами эти изображения. Если бы евреи это сделали, они дали бы римлянам повод законно подавить возникший бунт. А если бы римляне принялись разгонять безоружных людей, не нарушающих порядка, то мог быть и ответный бунт, и главное – обоснованный донос наверх по всем инстанциям. Понтий прекрасно понимал, что такой донос для него по-настоящему опасен.

С Понтием повели войну на истощение нервов. Красная черта обеим сторонам была известна и хорошо понятна: это кровавые или кощунственные действия. Возле нее евреи и вели свою пляску, четко соблюдая правила и не пытаясь их нарушать. На нарушение провоцировали самого Понтия или его воинов. Разумеется, римляне это тоже понимали и на провокацию не поддавались.

Так прошло несколько часов. Взаимная демонстрация друг другу крепких нервов продолжалась. Однако Понтий начал понимать, что для решения всех прочих дел, ради которых прибыл он в Иерусалим, он заперт. Никого принять в крепости он не мог, никто и не попытался бы туда пройти. Судебные дела, дела по налогам и все прочие были просто блокированы. Только по колоннадам Храма можно было еще вести дежурство, но даже усиление прислать туда по какой-либо необходимости уже не было возможности. Римляне оказывались просто в ловушке.

Наступил вечер, а евреи продолжали свой пикет. По-видимому, они готовились, сменяя друг друга, вести свою акцию бессрочно. Приходилось терять

время и ждать самим римлянам, тратя время впустую.

Не разошлись евреи и ночью. Наутро новая организованная толпа гудела перед воротами крепости. Так прошло еще три дня. Понтий начал понимать, что даже просто покинуть город у него нет теперь возможности. Ведь это можно было сделать теперь только с большим вооруженным отрядом, оставляя почти не защищенной саму крепость.

Ситуация разрешилась со стороны евреев. Опять новая депутация, больше прежней, попросилась на прием. Пилат приказал Лонгину поставить помост во внутреннем дворе близ гимнасия, за которым расположить целый манипул воинов в полном снаряжении, готовых ждать команды. После этого депутация вошла в ворота.

Речи не были долгими. Ничего нового стороны не имели сказать друг другу. Довольно скоро Понтий подал условный знак, и легионеры, словно на учениях бегом окружили еврейскую группу, сомкнули строй и обнажили мечи, оставив впрочем, неширокий проем для выхода к воротам. Понтий, тайно любуясь их стройностью и четкостью в выполнении команды, медленно, растягивая слова, повторил свое требование:

- Приказываю вам немедленно разойтись по домам и убрать всю толпу митингующих перед воротами. Кому-то еще не ясно, что будет дальше?

И вот тут произошло неожиданное. Евреи, подобно римским воинам, столь же слаженно, опустили на колени, склонили головы и обнажили шеи, а самый старший и благообразный из них сказал:

- Если тебе хочется, мы готовы погибнуть прямо здесь, на виду из Храма, пред лицом нашего Бога за отеческие законы. Но помни, что уже сегодня вечером тебя ждет в городе такое восстание и такое кровопролитие, из которого ты и сам вряд ли выйдешь живым. Наша кровь будет отомщена. И помни, что только мы еще сдерживали народ от праведного гнева, надеясь на твое благоразумие и прощая твою ошибку, сделанную по неопытности и неосторожности.

От этих слов Понтий дрогнул и переменялся в лице. Прошла минута напряженного ожидания. Лонгин внимательно глядел на своего трибуна, ожидая роковой команды. Понтию вспомнилась последняя строка записки Валерия: «не порти отношения с их Богом». Заливаясь краской позора до самых ушей, он махнул рукой и сказал уже негромко:

- Ладно. Я выполню ваше требование. Сегодня же. Уходите и уведите с площади людей.

Лязгнули мечи, влагаемые в ножны. Евреи, переглядываясь, встали с колен, как бы не веря, что казнь отменена, поклонились, и с опаской направились к выходу²³. Понтий повернулся, и, не став их ждать, быстрыми шагами вошел в свои покои. Закрыв дверь, он пал на колени перед статуэткой Марса и плакал с молитвою о прощении. Никогда в жизни он не чувствовал еще себя настолько униженным. Презирая себя, проклиная «мерзких жидов», он провел в молитве около получаса, пока наконец, успокоился и понял, что сейчас он не ошибся. Лучше личный позор, чем погром в городе, смерть друзей, возможно, и собственная смерть. Причины так погибать всем, в общем-то, не было. За свою неосторожную ошибку,

которую и сам цезарь осудил бы, губить последних римлян в этой дыре не следовало. И ведь это все не считая потерь того легиона, который придет из Сирии подавлять новый еврейский бунт. А там, глядишь, и парфяне увидят, когда целый легион уйдет с границы...

Статуи убрали внутрь крепости. Понтий велел их унести и выставить в Кесарии, против чего евреи вроде бы не возражали. Сделать это предстояло его же собственному конвою.

По городу, казалось, прошел вздох облегчения. У евреев, кажется, хватило благоразумия не выставлять радость о своей победе публично и нагло. Понтий, оправившись, занялся делами судебными. С евреями у него получалось теперь находить общий язык, несмотря на хорошо скрываемую взаимную неприязнь. Спустя два дня вечером он все-таки решился послать приглашение Каиафе для беседы с глазу на глаз. Причем на этот раз принял первосвященника во дворце Ирода.

Понтий приветствовал Каиафу, ради вежливости предложил ему какое-нибудь угощение, встретил ожидаемый отказ и, усевшись поудобнее, перешел к делу:

- Я пригласил тебя, Иосиф, для разговора не официального, а частного. Я оценил вашу ревность о своем Боге, о его законе и отеческих обычаях. Мы люди сами военные, наше дело рисковать жизнью, мы это ценим и у других людей, к какому бы народу они ни принадлежали. Если люди дорожат своей религией, это только похвально. Но скажи, Иосиф, можно ли уважать религию свою и не унижать при этом чужую?

Каиафа помедлил, очевидно, подбирая слова подипломатичнее, и начал немного издалека:

- В вопросах веры один человек не может одновременно разделять сразу несколько точек зрения. Если он каких-то богов принимает, значит, не принимаемых он уже отвергает. Вот мы признаем одного только Бога, (по-гречески он произносил слово Феос спокойно) мы служим Ему, а Он в законе своем требует от нас, чтобы мы не поклонялись никаким другим богам. Никаким и ничьим. Да, это Его воля, и это часть нашего служения Ему. Ничего изменить здесь нельзя.

- Нельзя... - эхом отозвался Понтий. – Нельзя лишь до тех пор, пока вы этой его единственности и уникальности поклоняетесь больше, чем другим его достоинствам. У всех других народов вполне схожие боги. Везде есть боги земледелия, плодородия, - это обычно, богини. Везде есть боги войны. У всех есть боги, ответственные за трясение земли, громы, дожди, за семью, и за государство, и за все прочее. Поэтому прочие народы здесь легко понимают друг друга, спокойно относятся к богам чужим, находя им соответствие в своем пантеоне. И, по сути, разница в религиях сводится к тому, кто каких богов почитает больше или меньше. И это, в принципе, исключает религиозные войны. То есть, я хотел сказать, исключает религиозный мотив в войне. Даже воюя, люди только делят меж собой земную справедливость. И это хорошо. А ваша религия нарочито всем противопоставляет саму себя. Согласись, по крайней мере, что это неправильно. Народу с этим жить опасно и не приятно. Все остальные народы смотрят на это с осуждением.

Такая ваша еврейская самоизбранность не нравится никому.

- И что теперь делать? – спросил Иосиф. – Невозможно всем понравиться. Мы не к этому стремимся. Мы знаем, мы долгим опытом убедились, что Бог один, и надо чтить Его закон. Первейшее положение закона, что нет других богов. Как чтить то, чего нет? Или нам поссориться с Богом своим? Мы уже проходили это в своей истории, больше повторять этого не хочется.

- М-да, - задумчиво сказал Понтий, куда-то в сторону, - ссориться с Ним не надо. Где-то я это уже слышал... Но ты знаешь, Иосиф, относительно других богов ты не прав. Они существуют уже только тем фактом, что люди в них верят и ради них совершают поступки, имеющие вполне ощутимые последствия. Ну вот, если хочешь, поясню тебе примером, чуточку подробнее.

В те далекие времена, когда наши предки только еще устанавливали союз между собою, нашим главным противником был Карфаген. Вам этот народ должен быть хорошо знаком. Это те самые сиропинийцы, которые жили чуть севернее от вас, и с которыми вы враждовали. А потом часть из них со своими богами и культами переселилась в Северную Африку, откуда добрались и до Италии. Правильно?

- Да-да, - охотно согласился Каиафа, - как же не помнить. Эти нечестивцы нам известны раньше, чем вам.

- Ну вот, - продолжал Понтий, - значит, вы тоже сталкивались с их богами. Так?

Лицо Иосифа исказила гримаса:

- Какие же мерзкие их боги и их религия, со всеми этими Ваалами и Молохами!

- Вот! И я тебе подтверждаю: мерзкая религия. Мы ее тоже проходили. И все эти приношения детей в жертву знаем. Это был и есть наш общий враг. Хоть где-то найдем согласие, правда? – он даже улыбнулся первосвященнику и продолжил, - но скажи: разве мы можем утверждать, что этих богов нет? Если есть горы зажаренных детских трупиков, значит, существует и этот мерзкий, Молох, ведь именно ради него все они и зажарены. Если какая-то идея существует и доходит до своих вполне ощутимых на земле воплощений и последствий, - значит, это уже какая-то реальность? Так ведь? Никакие боги, ни истинные, ни ложные равно не видимы для нас и не ощутимы. Но их наличие познается по результатам, по артефактам. Вот, если, допустим, я просто отдаю устный приказ, и он выполняется, значит, он уже есть реальность. Нельзя сказать, что это ничто. Хотя он начался, как мое слово, как моя идея, и только.

Иосиф выслушал, немного подумал и сказал:

- Ну, в таком смысле, как ты сказал, может быть, боги и существуют, как человеческая выдумка, ради которой люди творят непонятно что. Но согласись, игемон, что верить надо тому Богу, который существовал до нас, а не родился в нашем сознании. Мы верим одному Богу, который сотворил весь мир.

- Не так просто понять Бога, в котором могут причудливо соединиться и единство, и множественность. Ведь Он, как учат философы, выше нашего ума. Вот мы говорим: сенат, или если хочешь, как у вас: синедрион. Он правит людьми и представляет некое единство. С одной стороны, он вроде един, как одно общее собрание, а с другой – множество составляющих его членов. Может и Бог – это такая же сущность, такое бытие, что и не сразу

поймешь, где в нем кончается единство и начинается множественность.

- Мир создан одним великим разумом и одним же управляется. Если боги существовали бы во множественном числе, каждый делал бы что хотел, вселенная пришла бы в полное расстройство. Как в государстве, если два царя, пять царей, то и государства нет. Вместо государства идет борьба за власть до тех пор, пока в ней не выиграет один. И по-другому не бывает, - подытожил Каиафа.

- Бывает, Иосиф, бывает. Это у вас так не бывает, а у нас почти всю нашу историю так и было. Два консула правили. Триумvirаты правили. Сенат в целом правил. И получается. Так и Олимп некий небесный может нами править. Может быть, боги легче приходят к согласию, чем люди, быстрее понимают друг друга, находят лучшие решения. Почти не воюют меж собою, в отличие от людей. А мы воспринимаем это, как единую волю одного Вседержителя.

- Я соглашусь с тобою, игемон, только в том, что мы, действительно, своими жалкими усилиями ума не можем понять и познать Бога. Но дело в том, что Бог не молчал. Он открывал о себе многое разным пророкам, начиная от Моисея, от Авраама, и еще раньше. Ты, наверное, и не слышал о тех временах. И все эти пророки, слова которых хранятся в наших книгах, говорили о Боге Едином.

- Вот тоже удивил пророками! Во всех народах существуют и жрецы, и пророки свои. И полно пророков, вещавших от лица Аполлона, например, и пророчества сбывались. И не было у этих пророков никакого Единого Бога и в мыслях. Все не так просто, Иосиф. Вот, посмотри хотя бы с другой точки

на все это. Если Бог, как ты говоришь, только один, и он открылся только вам, то почему он ваш народ так низко поставил среди других? Вот ваша земля довольно маленькая, зажата всегда между могущественными соседями. Вы много веков уже не имеете самостоятельного сильного государства. Вы не смогли сплотить другие народы. Вы не могли открыть своего Бога другим людям, чтобы они в Него поверили. Напротив того, вы отгородились от всех, оцетинились копиями своих религиозных запретов. И, конечно, при таком отношении к другим людям, другим народам, вы никогда и не сможете создать приличное сильное государство. Бог ваш, похоже, его и не дает. Ты не пытался сравнить свое государственное положение с римским? – Понтий завершил свой вопрос мягко, без всякого упрека в голосе, почти дружелюбно, будучи уверен в железной крепости своего аргумента. Но ответ Иосифа все-таки последовал и не понравился Понтию.

- Видишь ли, игемон, наш Бог заботится о нашем народе хотя бы тем, что мы гораздо древнее многих соседних народов, которые поедом пожирали Израиль в свои времена, а сейчас просто исчезли. Мы древнее греков, мы древнее римлян. Мы древнее и парфян. Наши предки пережили те времена, которых ваши и не помнят. Когда греки осаждали Трою, еще только становясь одним народом, у нас уже было царство Давида, а до него была еще длинная история почти в тысячу лет. Наши предки сталкивались с такими народами, которых вы и не знаете. Кто знает, например, о хеттах? Кто из вас слышал об амаликитянах, филистимлянах? Об ассирийцах-то уже почти не слышно, их потомки растворились

среди парфян. А ведь эта огромная империя в свое время пожрала почти весь Израиль. Но вот, Израиль есть, а Ассирии нет. Даже маленьким союзником великого Рима такая страна на карте не значится.

Понтий хмурился, а Иосиф, ободрившись, заканчивал уже ораторски:

- Вот так и получается, что крупные империи почему-то не вечны. Они не просто не вечны, игемон, они даже не долговечны. Они достаточно скоро умирают. И наши пророки учат нас, что любому правителю любой страны, крупной или малой, власть дает этот самый единый и единственный Бог. И каждому государству Он отмеряет сроки его жизни. И Израиль был зернышком меж жерновов империй, которые мяли и давили его. Но вот, жернова стерты сами, а Израиль жив!

Чувствуя успех своей речи, Каиафа закончил уже с явной потерей бдительности:

- И верь мне, игемон, история Израйля еще не закончена. Бог может даровать великое царство и нам. Мы ждем этого, веря тем же пророчествам.

- Так-так, - встрепенулся Пилат, - это надо понимать как прозрачный намек на подготовку великого бунта?

- Нет-нет, - опомнился Каиафа, досадуя, что проболтался, но уже имея на случай такого вопроса проверенную идеологическую заготовку, - такие дела не делаются человеческими руками, тем более какими-то бунтовщиками и разбойниками. Тут Бог вмешается сам и сотворит то, что недоступно ни человеку, ни народу, ни какому-то другому собранию людей. Только сам. Когда захочет и если захочет.

- Вот именно: если захочет, - отрубил Понтий. – Но не раньше. А пока все-таки нам надо находить

общий язык, строить какие-то отношения. А отношения строятся с обеих сторон, взаимно, навстречу друг другу. Мы вас уважаем – вы нас уважайте.

- А мы вас и уважаем. Насколько наш Бог разрешает. Мы свой Храм во всей вселенной держим лишь в одном месте. И менору свою или звезду Давида в Рим не вносим.

- Ну, Храм может и один. Да и тот, позволь тебе заметить, созидали не еврейские архитекторы. Но у вас и в Риме синагоги были. И никто не мешал вам их украсить, как вы хотели, хоть менорами, хоть звездами.

- Да, но вот, цезарь Тиберий недавно выселил нас и оттуда²⁴!

- За ваше гнушение другими людьми. Не за что-то другое. Вы замкнуты, и никого не признаете равными себе людьми. Отрицая чужих богов, вы поневоле выдавливаете куда-то и всех других людей. Кому это может понравиться? Ну, сам подумай. Вот я бы желал, чтобы наши отношения с вами строились на основе древнего союза, заключенного еще во времена Хасмонеев против Селевкидов²⁵. А если ближе к нашим временам, то по образу отношений Августа и Ирода²⁶.

- Я тоже не против таких отношений. Но, видишь ли, сейчас римский гарнизон стоит в Иерусалиме, а не войско Ирода в Риме!

- Достопочтенный, римляне не с войной сюда пришли, - парировал Понтий, уже немного осведомленный в истории этих непростых отношений. - Мы не завоеватели, а союзники. Мы избавили вас от Селевкидов, сжигавших книги вашего закона, казнивших за обрезание и соблюдение

субботы, поставивших, наконец, статую Юпитера в ваш Храм. И это мы не сами к вам пришли, а вы нас позвали.

- Да, я помню эту историю долгой тяжбы Гиркана с Аристобулом, закончившуюся призыванием Помпея²⁷. Позорная наша страница, конечно. Но дело было ровно сто лет назад. Что ж нам теперь быть заложниками Аристобуловых грехов? Веками теперь быть вам должными?

- Ну, хорошо. Допустим, римляне уйдут, у вас тотчас начнется резня между собой за власть. Ну, это же легко даже предсказать. Тотчас и Антипа, и Филипп предъявят права на престол в Иерусалиме, правильно? Синедрион разделится. Коалиции, союзы, война, переход с одной стороны на другую. Через год депутация к Вителлию, прокуратору Сирии: ах, придите, помогите! Точь-в-точь, как тогда к Помпею послали и Гиркан, и Аристобул. Ни к какому оракулу ходить не надо. Ты же сам прекрасно понимаешь, что все пойдет именно так. Ваши дела вы давно уже сами решаете именно таким путем. Ирод ездил к Августу в Рим за короной. И Архелай туда же ездил. И Антипа. *Roma locuta, causa finita est*, - неожиданно произнес он на родном языке и тут же перевел на греческий: Рим сказал, дело закрыто.

- Увы, к сожалению, ты прав, игемон, хотя бы отчасти. Ирод здесь, хоть и великий человек, но проявил себя двойственно. Не все в его правлении можно одобрить.

- Ну, ты согласен, что он был и знаменитый полководец, и талантливый организатор? Человек и сам сильный, и судьбою отмеченный. Как правитель, он просто был находкой для вас. Ну и что? Без союза с Римом устоял бы он против аравийцев и парфян²⁸?

Которые еще и блокировались с его противниками из евреев? Ничего бы у него не вышло. Что же говорить о правителях, которые, как это всем очевидно, значительно меньше его по масштабу личности?

Увидев некоторое замешательство Иосифа, Понтий добавил:

- И ведь страну еще всю вам отстроил, начиная с вот этого Храма. И кончая этой прекрасной Кесарией, в которой мы теперь отдыхаем. И наслаждаемся с благодарностью его роскошным подарком для потомков. Подарком, размером с целый портовый город²⁹.

Иосиф пришел в себя и перегруппировал, так сказать, свои аргументы:

- Да, мы не можем отрицать все эти удобства цивилизации за Иродом. Но средства, к которым он прибегал, не всегда... м-м-м,.. не всегда были достойны Бога Израилева. Он отстроил страну, это верно. Но не иудейскую страну он построил. Вот в чем беда.

- А я считаю, это как раз не беда его, а достоинство. Вот был же человек, способный и Храм отстроить и ипподромы с банями и дворцами. Немножко вписал вас, Иудею, в мировую цивилизацию. Это ж хорошо. Вы же сами этим пользуетесь и рады.

- Не особенно-то ему и при жизни были рады. Он всем этим допустил много отступлений от Божьего закона. И ведь Бог послал ему всю эту серию семейных несчастий. И кончил он свое царствование достаточно плохо. Видишь ли, игемон, Израиль живет по законам своего Бога. Это такой же закон природы, как течение воды или падение камней вниз. Когда мы становимся совсем как все прочие народы,

равно терпимыми к любым чужим богам, незаметно и неизвестно откуда на нас приходят несчастья. Вот смотри, может быть, ты слышал эту историю. Во времена осады Трои Израильское царство было самым славным в своей истории. Правил у нас царь Соломон, строивший с соседями дружеские отношения. Он отстроил Храм, первый Храм Единого Бога, причем строили его тоже финикийские архитекторы. У него было много жен из других народов. Он и им разрешил поставить в этом святом городе свои кумирницы. И все! Сразу после его кончины царство развалилось пополам и двинулось к своему уничтожению. Закончилось все тем, что весь Израиль попал в плен, а Храм был уничтожен. Мы потомки тех евреев, что вернулись и отстроили этот Храм. Поверь, мы выучили этот урок своей истории!

- Ты хочешь сказать, что если строить с соседями, например, с нами, союзнические отношения, как это делал Ирод, вы придете к концу израильской истории? Так что ли надо понимать?

- Верно, - сказал Каиафа. - Бог вряд ли нам простит такое преступление второй раз. Именно потому, что мы прекрасно помним, как это был в первый раз.

- М-да, прямо какой-то замкнутый круг. Будучи замкнутыми, вы забиваетесь в свою щелку, вызываете к себе неприязнь всех народов. А как только отнесетесь как-то по-человечески к другим, - тут вас сразу наказывает ваш Бог, такой ревнивый, за то, что вы оказались Ему не верны. Или люди вас будут бить, или Сам Бог вас будет бить. Тоже, кстати, руками людей. Какая-то ужасная картина, согласись! Так жить ведь никакому народу невозможно.

- Никому не возможно, - кивнул Каиафа. – А вот Израиль живет именно так. Дольше вас. На тысячу лет, самое меньшее, на самом деле, еще больше. Для нас другие законы у Бога. Это и значит, что нас Он избрал.

- А может Он избрать для вас какие-то новые пути? Открыть вам, что вот теперь, время изменилось, прошло то и другое, ассирийцы кончились, Селевкиды кончились, сложились какие-то неплохие отношения с Римом, все-все это совершилось, теперь нужна какая-то иная политическая линия. То есть, религиозно-политическая. Допустим, в свое время Соломон был неправ, допустим, Ирод был не совсем прав, почти неправ, но вот жизнь идет, какое-то должно быть для вас новое решение, чтобы вывести ваш народ в человеческое пространство? Что же это за Бог такой, который избрал себе народ, лупит его со всех сторон, но никогда не добивает до конца. Отлупит, откачает, и снова бьет. Зачем Он вас избирал? Ни простору не дает, ни исчезнуть не позволяет. Пытка какая-то, а не жизнь.

- Может быть, ты отчасти прав, и Бог действительно совершит в нашей истории в недалеком будущем серьезные повороты, какие-то важные события. Но тогда мы не сможем этого не узнать.

- Да. Но может ли получиться так, что Он вам и нам что-то предложит, а мы просто не поймем и не расслышим его?

- Нет. Это вряд ли. Если Бог заговорит, это будет достаточно хорошо слышно.

- Ладно. На том и порешим. Пока будем уважать друг друга, хотя бы на том кривом уровне, как оно

само сложилось, - подытожил беседу Понтий, вставая с кресла.

Когда Каиафа ушел, Понтий спросил у Гармизия, тоже слышавшего эту беседу (на всякий случай переводчику положено было сидеть рядом):

- Скажи, Гармизий, как ты думаешь, это действительно, воля их Бога, чтобы они ошетинивались против всех людей и народов? Он действительно во все это верит, или это просто так у них положено всем не евреям такое говорить?

- Возможно, все это искренне. Я бы так рассудил, с твоего позволения. Дело не в том, что они верны своему Богу и Закону, а в том, что они, похоже совершенно серьезно полагают, будто Бог и существует только для их народа. Не просто их избрал, не просто игнорирует других людей, а вообще жизнь свою посвятил исключительно еврейскому племени.

- Тогда уж скажи: не для их народа, а для их жреческой корпорации – так ведь получается?

- Наверное. Не втянутые в строгое исполнение их закона – это, в общем, неплохие люди, с ними можно общаться. Например, тот же Ирод, коль скоро его поминали. Но вот эти, как пойдут в свой фанатизм, начнут разбирать, к чему там нельзя прикасаться, кто чистый, кто нечистый... С такими крайне тяжело.

И все же слова Каиафы о том, что Бог ведет Израиль по каким-то иным историческим законам, запали Понтию в душу. Он не находил пока, что можно на это возразить и решил спросить Гармизия и об этом:

- А это правда, что род евреев существует больше тысячи лет? И пережил соседние народы?

- Да. Это правда.

- А откуда это известно?

- Ну, из их книг, из летописей их царей.

- А ты читал? Эти книги переведены на греческий?

- Да. Почти все их книги на греческий уже переведены. И я тоже кое-что читал. Действительно, при Давиде и Соломоне они были в зените славы своего царства. Правда, размером оно и тогда было не намного больше, чем то, что теперь.

- Ну, хорошо. Дай и мне потом посмотреть, если в их книгах найдется что-то интересное.

Гармизий согласился на досугах изучать еврейские писания, чтобы по необходимости интересные места предоставить префекту.

Возвращение Понтия в Кесарию было тяжелым. Изображения Цезаря несли завернутыми, внесли в резиденцию и лишь на следующий день поставили на стенах. Клавдия встретила мужа мрачно, при людях вообще старалась не обращаться к нему. Ее скорбь и обида была глубокой и непритворной. Видно было, что «эти человеконенавистники» тяжело унизили ее мужа. Она понимала, что они запомнят эту историю и не раз ее еще перескажут, продолжая его унижать. Оставшись наедине, Клавдия не стала ругать мужа. Взгляд ее выражал все без слов. Все-таки она попросила рассказать подробности и вздрогнула, когда Понтий дошел до описания финальной сцены в претории. Она не могла себе представить такую сцену заранее (столь неправдоподобной она представлялась) и вынуждена была признать, что у Понтия не было выхода, когда ситуация дошла уже до такой точки. Она сказала только одно:

- Да, перед нами отвратительный и сильный противник. Нам будет тяжело.

- При таком соотношении сил, как теперь, очень даже тяжело. Придется с ними считаться.

- И они будут наглеть дальше и дальше. Скоро и из Кесарии затребуют убрать орлов. Потом и нас попросят на выход. Сколько ж перед ними пятиться нужно?

- Ровно столько, сколько отмеривает им четко выраженная воля цезаря. Дальше мы не отступим. Да они и сами сообразят, что это не в их интересах. Нам придется пятиться, пока у нас здесь только одна когорта. Когда здесь окажется пара легионов, тогда попятятся они.

- Дорогой мой, нам нужна хотя бы маленькая победа. Какая-то явная демонстрация силы. Где-то вы должны же звякнуть мечом перед их длинным носом, чтобы они поняли, что нечего соваться дальше.

- Ну, это уж как судьба...

- Милый, будь настороже, не пропусти эту судьбу.

Между тем приближалась зима и праздник сатурналий. Клавдия хотела сорвать свою обиду на евреев за мужа хотя бы на ком-нибудь. Лучше Терции ей найти было просто некого.

За два дня до праздника она велела Приму не давать Терции обычного ужина, а на самом праздничном ужине приставить ее для мытья ног гостям. Разгорячившись первой и второй чашей вина, Клавдия разыграла такую сцену.

- Иди сюда ко мне, Терция, деточка, - позвала она с притворной лаской. – У нас сегодня праздник, да и у вас, я слыхала, тоже. У нас рабам сегодня вольную дают или подарки дарят. Давай я тебя по такому случаю угощу. На вот, попробуй свиную косточку.

И она протянула Терции уже потрепанную кость, с которой было срезано почти все мясо. Гости дружно захохотали. Еврейка замотала головой и попятилась. Клавдия начала входить в раж:

- Да ты не стесняйся, ты же хочешь кушать. Все равно же на кухню унесешь, и пока никто не видит, поделишь косточку с собаками. Кто там из вас первый укусит, а?

Хохот нарастал, по раскрасневшимся щекам Терции покатались слезы, но она не двинулась с места. Клавдия начала сердиться.

- Иди сюда, говорю, бери и ешь!

Терция молчала и мотала головой.

Тут Клавдия, вскочив, сама схватила ее за руку и шмякнула костью прямо по губам:

- Противная жидовка! Ешь, пока я еще добрая!

И она несколько раз ткнула ее костью в лицо. Из губы Терции выступила кровь, но она по-прежнему не разжала губ и не произнесла ни слова.

- Не едите, говоришь, свиней, - заходилась Клавдия все дальше, - сами лучше не будьте свиньями, - и сможете с удовольствием их кушать.

И, видно насытившись своей местью не по адресу, Клавдия развернула Терцию так, что та упала на коленку:

- Уйди, неблагодарная с глаз моих, чтоб я тебя сегодня не видела.

Когда убегающая под общий гогот служанка оказалась уже у самых дверей, Клавдия громко вскрикнула:

- Стой, несчастная, погляди на меня!

Та обернулась, и госпожа сказала медленно и отчетливо:

- Смотри, если ты вздумаешь сбежать, найдем, и вот что с тобой сделаем. – Клавдия скрестила в воздухе два указательных пальца под прямым углом. От этого жеста Терция вздрогнула всем телом, и переменялась в лице. Ей довелось в жизни видеть, как распинают людей на крестах, причем ближайших родственников, и ужас ее был совершенно непритворным. Дрожание ее тоже не скрылось от гостей и вызвало новую порцию хохота в адрес убегавшей еврейки.

Улучив минуту, Понтий сказал жене наедине:

- Послушай, Клавдия, не надо так себя вести с нею. Еврейка может тебя зарезать, отравить, затаить злобу на многие годы. Ты же хочешь от нее слышать всякие слухи и сплетни, что они там говорят между собой. Она станет тебе все время врать. Она вполне может быть орудием любого заговора. Поверь, чтобы отомстить тебе, она, в конце концов, и на крест пойдет. Ты, наверное, еще плохо знаешь этих людей. Наоборот, нам нужны верные слуги из понимающих их змеиный язык, чтобы они были нашими ушами по ту сторону этих стен. Больше так не делай никогда. Испортила весь замысел Лонгина.

Клавдия даже сквозь винную пелену поняла правоту мужа и свою ошибку:

- Ой, да, ты, наверное, прав. Клянусь Минервой, больше не буду.

- И хорошо. И вообще-то, вспомни, пожалуйста, какой сегодня день. Разве так подобает сегодня римской матроне говорить со своей рабыней? Даже с еврейкой. Хотя бы не прогневай Сатурна.

Отрезвившись, Клавдия притихла. До этого она совершенно не брала в голову такую возможность, как месть этой хрупкой еврейки. Сама она была

женщина не то, чтобы полная, но дородная, сильная. Эту полуголодную девчонку могла бы свалить на пол одним ударом. Но теперь, когда возможность получить какую-то гадость исподтишка стала достаточно вероятной, она впервые оробела. Ну, допустим, с ножом еврейка не подкрадется. Хотя кто ж за ней уследит? А если яд? А если детям что-то сделает? И что теперь так и жить в страхе? А с другой стороны, чем загладить обиду? Прощения что ли просить у рабыни? У еврейки? У прощенной преступницы? – Фу, ужас! Но какую-то поблажку ей все-таки придется дать. А может, лучше вообще пока отправить ее в Иерусалим? Пусть там у Лонгина на кухне поработает. Здесь и Прима с Секундой сами справятся.

Так она и решила. Терцию отправили с первым же конвоем, не объясняя Лонгину ничего про тот праздничный пир.

Глава 4. В Галилее

Между тем пока зимовали в Кесарии, наслаждаясь мягким климатом и с содроганием вспоминая болота Германии, Понтий прослышал о деятельности сопредельных правителей. Оказалось, что они по примеру их великого начальника династии вовсе не бездействуют. Ирод Филипп в своих владениях основал город Кесарию, которую стали именовать Филипповой, чтобы не путать с приморской, где квартировал сейчас Понтий. Его брат Ирод Антипа, тетрарх Галилеи, шаг за шагом довольно быстро отстраивал новый город на берегу Галилейского

озера, назвав его в честь цезаря Тибериадой, а еще до этого, при Августе, обнес Сепфорис, красивейший город Галилеи, новыми стенами. Кроме того, и Антипа, и его брат Филипп основали каждый по городу с одним и тем же названием Юлиада – в честь дочери Августа³⁰. (Если бы они только знали, как эта женщина опозорит своего отца и мужа – нынешнего цезаря Тиберия, и как они оба к ней отнесутся! Но, впрочем, это уже не наша история).

Раздумывая о таких масштабных стройках с их подхалимскими названиями, Понтий стал понимать, что ему тоже надо бы ознаменовать свое правление некими свершениями, каким-то солидным строительством. Глядя на помпезный город своего пребывания – Иродову Кесарию, восхищаясь ее роскошью, он в то же время не хотел бы в чем-либо повторять ее помпезность. В самом деле, одно дело – искусственная гавань, которую заложил Ирод в Кесарии, построив морскую дамбу. Да, это нужное, необходимейшее строительство, хотя и очень дорогостоящее. Огромные цельные глыбы были затоплены в море, чтобы рассечь волны и дать убежище кораблям на таком побережье, где удобной гавани нет вплоть до Тира и Сидона. И совсем другое дело – помпезный дворец, в котором Понтий занял лишь небольшую часть, оставив большую часть резиденции пустующей на случай приема царственных особ. В личной жизни Понтий и даже Клавдия, несмотря на ее властные замашки, привыкли к скромности, сказывалась старая германская школа выживания, да и личный пример цезаря Тиберия. Поэтому помпезной стройки Пилат предпочел бы избежать, а вместо этого построить нечто, действительно необходимое. Подсказку

подала ему жена, сама не ведая того, точнее ее довольно грубые насмешки над еврейскими миквами. Как только она ни обзывала эти «вонючие лоханки» и всех купающихся в них! Кроме того, ее чуткий нос в первую же прогулку по колоннадам Храма уловил запах застоявшейся жертвенной крови, во множестве проливаемой в пределах святилища, что также послужило поводом к насмешкам над «этой вонючей скотобойней» - хотя ведь любые храмы в те времена были местом забоя скота. Но Клавдию тошнило от соседства с Храмом в Антониевой крепости, когда приходилось там бывать, особенно в праздники, когда и требовалось там римское присутствие, а число закалаемых в Храме жертв удваивалось, утраивалось и удесятерялось. Дворец Ирода или более скромный дворец Хасмонеев были в этом отношении предпочтительнее, поскольку отстояли от Храма подальше, но Антониева крепость была намного безопаснее.

Решение напрашивалось само собою. Понтий понял, чем облагодетельствовать этот город, столь неприветливый к нему и его семье. Нужно было построить водопровод. Дать достаточное количество воды и жителям для питья, и Храму со всеми его служителями, со всеми этими миквами и ритуальными омовениями. Римляне знали, как это делается, и умели эти водопроводы строить, начиная с самого Вечного Города. В следующий свой приезд в Иерусалим Понтий пригласил первых лиц синедриона и обсудил с ними это предложение. Священники согласились на это с большим удовлетворением, и тотчас постановили начать разведку местности, откуда воду можно было бы провести в город, и каких это потребует затрат.

По весне Понтий с Клавдией был приглашен к Антипе в новый город Тибериаду, и принят с царским великолепием. И пир, и положенное угощение, и прогулки на лодках по Галилейскому озеру - все производило прекрасное впечатление. Ирод Антипа был четвертовластником уже достаточно долго, он вполне вжился в роль царя. Он пользовался благосклонностью цезаря Тиберия, и в отличие от своего соправителя Филиппа, никуда не выезжавшего со своей тетрархии, бывал и в Риме на приеме императора. Понятно, что на его масштабные стройки там находились жертвователи. Но на этом фоне и возникло одно неприятное обстоятельство, омрачившее все его царствование, до сих пор вроде вполне благополучное.

В один прекрасный день галилеяне увидели своего царя под ручку с царицей, но не своей, а с соседней. С Иродиадой, внучкой Ирода великого, бывшей прежде замужем за Филиппом. Неожиданность и демонстративность ситуации не могли не вызвать в народе толков, тем более, что собственная жена Антипы Марьям³¹ непосредственно перед этим таинственно исчезла. Она была дочерью царя Аравийского Ареты. Вдруг, совершенно неожиданно, пока Антипа совершал поездку в Рим, она отпросилась у него через гонцов съездить в Махерон, крепость на границе с владениями ее отца, а там, очевидно по сговору с местными жителями, нелегально пересекла границу. Вскоре после этого Ирод возвращается и представляет обществу свою молодую жену, всем известную жену своего собственного брата. Надо думать, что картинка такого любовного параллелограмма, в котором яркой

молнией замкнулась диагональ, получилась уж слишком шокирующей. Поэтому в беседе с Антипой наедине Понтий не смог пройти мимо этой истории, когда о ней разговор зашел сам собою. Не испытывая к царю ничего негативного, Пилат почувствовал необходимость предупредить его по-дружески.

- Ваше величество, - префект соблюдал этикет в обращении и субординацию, - ваш новый брак вызывает в обществе различные критические толки, и к тому же может внести очень неприятный раздор между соправителями областей. Все это настолько неожиданно, что... Ну, согласитесь, это же просто опасно. Дело может дойти до открытого противостояния.

- Трибун, это не твое дело, я имел об этом разговор с самим цезарем.

- Простите, Ваше величество, это дело вполне может стать и моим, если оно действительно дойдет до открытой конфронтации. У меня под началом небольшой, но сильный гарнизон, я отвечаю за порядок во всей Иудее. Мне подчинены центурионы и в Галилее. Если тут из-за этой истории, не дай Бог, начнется смута или война, мы все окажемся в нее втянутыми. Я не дерзаю перечить Вам публично, или что-либо из этой истории обсуждать за Вашей спиной, но согласитесь, быть беспечным и безразличным в сложившейся ситуации я тоже не могу. Опасаюсь, что и цезарь не вполне представляет себе соотношение политических сил в нашей провинции.

- В полной воле цезаря благословлять или запрещать браки царственных особ, трибун. Ты же знаешь, как дважды в истории это коснулось его собственной судьбы. Август развел его отца с его

матерью, взяв ее в жены себе. И вот, вся вселенная имеет теперь Ливию Августу, как мать отечества, да продлит Бог ее дни³². И самого Тиберия Август развел с женою, дав ему свою дочь Юлию. А ведь оба этих брака были по любви, то есть, Август разлучал любящих супругов. И что? По его благословению все получилось хорошо. Никаких политических потрясений не было.

Понтий замылся на несколько секунд, но все же возразил:

- Видите ли, Ваше величество, Август тогда нарушил наши древние семейные обычаи. И надо сказать, даже эти его действия носили исключительный характер. В народе он утверждал семейные устои, а такого их нарушителя, как Овидий, даже сослал в пожизненную ссылку³³. Так же поступал и нынешний цезарь. Ну, и в конце концов, как гласит наша поговорка, что позволено Юпитеру, то, – Понтий не решился привести поговорку на языке оригинала, непонятном для Антипы, да и договорить ее правильно до конца тоже счел невежливым, - то не позволено... м-м-м... никому другому. А что, сейчас цезарь благословил вам развод и новый брак?

- Да кто ты такой, трибун, чтобы доискиваться до таких подробностей, - начал сердиться Антипа. – Я совсем недавно только из Рима. Пока я там был, без моего ведома от меня убегает жена, которая не удостоила меня даже прощального объяснения, почему она это делает. А может, у этой аравийки там любовник какой-то? Откуда мне знать. Да, был у нас с нею династический, политический брак, который не нужен ни мне, ни ей, - как теперь открылось. Это я – брошенный муж, а не она, - вот в чем дело. Опять же

и Филипп не предъявляет ко мне претензий. Знать, так он жил со своей женой. Вот они, ваши политические браки и сколько они стоят.

Ирод, несколько расслабленный прошедшим обедом и принятым в обилии вином, был настроен еще достаточно благодушно и решил прочесть Понтию некоторую мораль о мотивациях настоящего брака:

- Эх, трибун, ничего вы все не понимаете. Движущей силой брака является любовь. Так должно быть, только так будет правильно. Все эти политические расчеты для браков меж царственными особами – это все безобразие. Это все просто грех. Из-за этого, в конечном счете, и случаются всякие крамолы и междоусобные брани. По любви теперь не женятся, по любви браки не хранят, живут сплошь по политическим расчетам – и, как результат, обманываются. Пусть мы с возлюбленной даже станем первыми, кто бросит вызов этим политическим расчетам. Между нами есть любовь, которая, в общем-то, не мешает никому. Представь, вот встретил я эту свою племянницу, которую не видел вообще, - и мы с первого взгляда полюбили друг друга. И все препятствия к нашему единству рассыпались сами собой. Марьям сбежала, не знаю куда, хотя я с нею после встречи с Иродиадой даже не виделся, был в поездке в Рим. Ничего не успел ей сказать. Не знаю даже: знала ли она о нашей встрече с Иродиадой вообще, или это у нее свой роман. А Филипп – тот просто молчит. Видимо, не оценил он эту женщину. А женщина эта, - скажу тебе по-мужски, - он понизил голос, - просто сказочная, очаровательная, любой бы тут мне позавидовал. Она - просто пламень любви.

- Не сжег бы этот пламень нам всю Израильскую страну, - брякнул Понтий с полной бестактностью. – Извините, Ваше величество, но я все-таки воспитан так, что браки высоких особ всегда носят важный династический характер. Нарушение этого порядка – штука опасная. Да, цари и князья, вступая в браки, скорее отказываются от любви, чем встречают ее. Разводы по своей инициативе, по причине новой любви – это что-то такое, что никогда не будет приветствоваться. Другое дело, если цезарь сам расторгнет чей-то брак. Тогда вся ответственность будет на нем. А пока такой инициативы он не проявлял, высокие лица свои браки стремятся сохранить. Если при этом своя жена опротивела, тут есть и другие решения, вы же знаете, как решаются эти вопросы. Царю несложно найти девушку для отдыха, и даже очень пламенеющую в любви. Если таких не хватает в Галилее, то можно и в Кесарии поискать. Но первая чета в государстве или области – это полная открытость и публичность. Здесь нельзя допускать такого демонстративного разрыва.

- По нашему закону, трибун, блуд – это грех. Тайный блуд – это тайный грех, еще более тяжелый. Моя новая жена – это сосуд добродетели. На такую тайную связь, которую ты тут предложил, она никогда бы не согласилась, о чем сказала мне заранее, хотя я и не пытался ей предлагать такую связь. Она, в конце концов, принцесса царской крови, ее брак с царем вполне равнородный. И, вообще, трибун, ты понимаешь, кто ты, и кто я? Да, ты – всадник, ты – посланник Рима, но ты не царь. Тебе диадему Август не надевал, как моему отцу и ее деду. Я – царь, а она – царица и теперь царица. – Хмель благодушия, похоже, начинал покидать Антипу. –

Если бы ты был моим подчиненным, ты понимаешь, что бы с тобою было после этих слов?

- Понимаю, - с достоинством ответил Понтий. – Если бы я был подчиненным тебе, то, разумеется, молчал бы. Но я подчинен не тебе. И хотя царской крови в моих жилах не течет, но я управляю и несу ответственность за область, не меньшую, чем твоя. И цезарю я известен лично раньше тебя. И безопасность всей здешней страны – это наше общее дело.

- Ну, хорошо, не кипятись, трибун, - чуть сбавил Антипа. – Но ты можешь что-нибудь сейчас мне новенькое предложить? Снова в Рим снарядить корабль? То, что свершилось, уже свершилось. Два брака распались так, что восстановить их невозможно. К чему тогда твоя риторика по спасению государства от всех бед, божеских и человеческих?

Понтий не нашелся, что ответить. По сути, он понял, что влез не в свое дело, и ему оставалось только извиниться, заверить, что никто и никогда из его уст не услышит о прошедшем разговоре, и на этом откланяться. Но не следует думать, что разговор этот не имел никаких последствий.

Над залой, где беседовали государственные мужи, был второй этаж с подсобным помещением. Туда из зала вело небольшое отверстие для вентиляции. А к этому отверстию припало чуткое ухо той самой героини всего разговора государственных мужей. Несложно догадаться, что творилось в ее душе от речей этого наглого солдафона, пытавшегося расстроить ее личную жизнь. Иродиада не была кроткой женщиной и немедленно, в тот же вечер закатала новому мужу грандиозный скандал.

- Какой мерзавец этот Понтий, что лезет в чужие дела, в царскую спальню! Царя поучает, подлец! До чего дошел! Царю предлагать своих портовых кесарийских девок! Сам, небось, их всех перещупал, развратник старый. Как его жена-то еще терпит?! И ты с таким возлежишь и выпиваешь, объясняешься еще с ним как-то полюбовно. Да гнать его отсюда надо грязной метлой! Раз уж нет возможности оторвать ему башку!

- Да, этого не тронешь, - оправдывался Антипа, - портить отношения с ним ни к чему. Ну, выпили, ну, поболтал он так что-то по пьяни. Ладно. Ты же понимаешь, что ничем он нам не помешает. Донос писать не посмеет. Он сам за свое место трясется. Главное, с цезарем не поссорились – и все. А он-то кто такой? Будет сидеть тихо, можешь быть уверена.

- Да, не боюсь я его, орлоносца этого паршивого. Плевать мне на него! Мне обидно, что ты с ним так по-дружески обсуждаешь свои браки. Это просто противно слышать! Что он за цензор такой тут приперся? Морали нас учить, язычник необрезанный! А ты ему еще про нашу любовь что-то там припеваешь! Убери руки! Противный! Не достоин ты любви царевны! Может тебе, действительно, прислать какую-нибудь кесарийскую шлюху, как он предлагает? От него сразу к тебе! Проверит ее, - можно и царю предложить. О, Боже, что ж ты ему болтаешь, ну как тебя после этого целовать-то можно! Такую нашу любовь ты выставляешь на его обозрение! К чему все твои слова о любви были...

Эти вопли, слезы и упреки продолжались еще с полчаса. Но легко понять, что разговор нового мужа с Понтием на самом деле отнюдь не огорчил Иродиаду, а даже обрадовал ее. Сама судьба влагала

ей в руки прекрасный повод увеличить свою власть над любимым. Сначала отругать, потом постепенно великодушно простить. И вот уж через час эта змея извивалась в его объятиях, применяя полностью весь сильнейший рычаг женского влияния на его помятую сладострастную душу.

Ирод Антипа владел тетрархией. Иродиада, дочь Аристобула, внучка Ирода Великого, теперь владела Антипой. Владение у нее было гораздо большим, чем у него. И главное, свое владение она держала гораздо крепче, чем он свое.

Поутру Понтий с Клавдией уехали. Антипа попрощался с ними весьма холодно. Разумеется, Иродиада и не вышла попрощаться. И, конечно, все мужнины обещания, что Понтиевой ноги в Галилее больше не будет, были ею вытребованы еще накануне в спальне. Все шло нормальным порядком, приближая высокий любовный роман к его кровавой развязке.

- Ну, и как тебе этот Антипа, - спросила Клавдия мужа, когда колесница отъехала достаточно далеко.

- Он сибарит и сладострастник, - ответил Понтий, - это плохо, конечно. Он может довести свои владения до беды. Но ведь он мне тоже не подвластен. Я ничего не могу тут изменить. Самое плохое в том, что он как-то сумел снискать доверие цезаря.

На обратном пути Понтий с женой заехали в Сепфорис к местному центуриону Титу³⁴, ответственному за весь галилейский гарнизон. После пышностей Иродова двора супруги смогли немного отдохнуть в дружеской обстановке, радушно принятые боевым товарищем, хотя и подчиненным. Роскоши в его обстановке не было, зато так приятно было поговорить на родном языке с человеком,

несущим такую же службу и понимающим все с полуслова.

Среди прочего Тит удивил супругов своим положительным отношением к местным жителям. Полагая, что евреи одинаковы везде, даже в Африке, они слышали от него вдруг совершенно иной отзыв.

- Представь, Понтий, я сумел с ними поладить. Еще в конце Августова принципата здесь полыхало такое восстание под руководством этого мерзавца Иуды, что подавлял его целый сирийский легион³⁵. А у меня легиона нет, как видишь. У меня один манипул. Все. Приходится с ними ладить, как и с Антипой, разумеется. Я нашел точку примирения. Просто случай подвернулся. Был тут в городе Капернауме один спорный участок, возле гарнизонного забора, который они присмотрели себе под синагогу. Там вообще, тесно. Земля плодородная вся расхватана, под строительство все занято. Сплошь одни рыбаки, да пахари. Народу много, земля-то хорошая, не то, что там у вас в Иудее. В общем, короче, тесно. Ну, вот, я и потеснился, дал им место под синагогу. Не так уж много земли уступил. Да еще со своими легионерами заложил им фундамент. У нас ребята к стройке привычные, дорог намостили везде очень даже немало. Ну вот, взял и помог им с фундаментом. Зато весь город теперь к нам относится с уважением. Общий труд нас соединил. Для них синагога – это все. В Храм они выберутся раз или два в год, если Бог их им позволит. А в синагоге они каждую субботу. А тут мы их охраняем, мы им не мешаем. И они не бунтуют. На мытницу местную никто не посягал. Если что-то им надо, камни подвинуть, причал расчистить, лодку достать, дорогу поправить, мы им всегда помогаем.

Зато они у нас шелковые. А смутьяна какого-нибудь сами поймают.

- И нечистыми вас не считают? – спросила Клавдия, - после разговора с вами в озере не отмываются?

- Не знаю, где они там отмываются, но всякий раз говорим мы с ними достаточно приветливо. Это не те раввины, что там, в Иерусалиме, хвалятся своей чистотой. Это простые, трудовые люди. Они не гордые. И их синагогальные чтецы и толкователи такие же труженики, как все. Зарабатывают в поте лица. И нас еще и рыбкой угостят иногда. А рыба, как изволите видеть сами, тут очень даже вкусная. А я не хочу, кстати, чтобы воины мои были праздными. Боевой учебе они и так посвящают полдня. Караульная служба, конечно, по графику, как положено. Но все-таки свободное время у них бывает. И я это время превращаю в наш авторитет в глазах местных жителей. Сами представьте: здесь против каждого моего бойца они в два часа при желании могут собрать полтысячи вооруженных бандитов. Тут не та ситуация, чтобы ходить, плеткой помахивать.

- Это верно, - согласился Понтий. – Многое приходится от них терпеть только по нашей малочисленности.

- Так вот, я и отбираю у них это желание собирать бандитов. Иного пути к безопасности и просто к сохранению собственной жизни у нас нет. Да и что мы от них терпим? Они нас не унижают, не глумятся. Мы в своей казарме молимся, - они в своей синагоге. По-гречески кое-как хоть что-то тут понимают почти все. Так что при нужде мы с ними объяснимся.

- Ну, что ж, ты хорошо устроился. Тебя даже не упрекнешь. Все вроде правильно, - отвечал Понтий. – Хотя, клянусь орлом, это же унижительно для римлянина – быть у них на подсобках. Противно!

- А что такого? – возразил Тит, - римский солдат всю империю отстроил. Все дороги, акведуки, причалы – это все наши воинские постройки. Целые города растут на месте лагерей наших легионов. Зато империя наша. А если мы тут с ними будем выяснять, кто на озере хозяин, то в конце концов, они будут на берегах Тибра, а не мы на берегах Иордана.

- Ну, до Тибра ты, положим, далеко хватил, - вставил Понтий, - но в целом да, определенная правда тут есть. Только они ведь неблагодарные и коварные. Только расслабься чуть-чуть, нож воткнут в спину и не вспомнят, что ты им тут синагогу строил.

- А мы не расслабляемся и спину им не показываем, - улыбнулся Тит в ответ, - при нужде римлянин умрет лицом к противнику. А пока важен результат. Все, как ты нас наставлял в первый день по приезде сюда. Малой кровью предотвратить большую кровь. Мы вообще без крови пока обходимся милостью богов. Налоги есть, бунта нет. Задача решена.

Понтию оставалось только похвалить своего центуриона. После эпизода с изображениями кесаря многое здесь виделось ему уже в другом свете.

Глава 5. Новые пророки

Вскоре от центуриона Марка, квартировавшего за Иорданом, пришло интересное известие. Появился какой-то новый пророк, собиравший толпы людей

при Иордане какими-то странными своими речами. Марк через местных мытарей, подосланных им в толпу, кое-что выяснил и прибыл с докладом к Понтию в Иерусалим, когда он был там во время весенних праздников.

- Представляешь, Понтий, этот человек не похож на здешних их учителей. В Иерусалиме он, кажется, вообще еще не бывал. Но говорит о том, что скоро настанет царство их Бога, о котором они все мечтают.

- И что, опять собирает банду? – спросил Понтий.

- Нет, не похоже. Они все безоружные.

- Ну, это пока. Главное дело – активный лидер шайки.

- И здесь-то тоже все не так, как обычно. Он не хочет быть никаким лидером. Говорит, что за ним идет какой-то очень великий пророк, больший его самого, и что его дело – только приготовить ему дорогу.

- Что значит приготовить? Мечами прорубить?

- Да нет, же говорю: они безоружные. А дорогу готовит тем, что призывает их покаяться.

- В чем покаяться?

- Ну, не знаю, во всем, наверное, что они там натворили. И в знак покаяния окунает их в Иордане.

- Ну, хоть не в микве, - рассмеялся Пилат, - и то почище. Хоть водичка проточная.

- Да, в реке она тоже не очень, довольно мутная, но все-таки, конечно, не миква, - рассмеялся Марк в ответ и продолжил. – Он еще говорит, что так Бог их приготовит себе новый народ.

- А старый чем не годится?

- А здесь-то самое интересное. Когда к нему пришли раввины из Иерусалима, посмотреть, видимо, тоже своими прикинуться, он обозвал их

змеенышами, бегущими на всякий случай от Божьего гнева. И добавил, что они напрасно надеются на свое древнее происхождение. Бог, - говорит, - может и из камней себе детей сделать. На их змеином языке это еще и в рифму получается сказано, так что все запомнили. В общем, судя по его учению, у их Бога будет новый народ.

- Ну, относительно змеенышей он прав, конечно. Змеи и змееныши, гадюшник здесь, конечно, хоть куда, - ты и сам знаешь. А вот, что у их Бога будет новый народ – это интересно. Они на своей избранности помешаны, она же их без конца мучит, а отказаться от нее они не могут. Ну и что теперь? Собирается на Иерусалим идти?

- Вроде не собирается. И, как видишь, на избранности своей помешаны не все. Он говорит, что души их очистит не вода, а милость и справедливость³⁶. Но мы следим, конечно.

- Я так думаю, - рассудил Понтий. – Если есть какая-то мирная, чисто религиозная оппозиция Каиафиной компании – это для нас неплохо. Divide et impera, разделяй и властвуй. Если им кто-нибудь и как-нибудь нос прищемит – хорошо, поделом им, зазнались больно. Но вооруженное противостояние им недопустимо ни в коем случае. Тут надо действовать быстро.

- Видишь ли, Понтий, эти ребята действуют совершенно открыто. Не прячутся. Прямо на берегу сидят. Приходят с женами, со слугами, с детишками. Слушают, спрашивают. Молятся тут же. На бандитскую сходку это никак не тянет.

- Хорошо. Пусть пока беседуют. Но смотрите тщательно. Эти-то, может, просто балагурят, а вот,

кто там за ним идет, самый главный-то, как ты говоришь. Этого хоть не прозевайте.

- Постараемся. Да, кстати, еще деталь. Там местные еврейские офицеры, у Антипы служащие, спрашивали его о том, насколько законна их служба.

- Так-так, и что он?

- Ну, он сказал им, что надо честно служить, только никого мирных не обижать и не требовать повышения жалования. Быть довольным и все терпеть. Но главное, к дезертирству не призывал³⁷.

- Хм. Ключевой вопрос, между прочим.

- Я и говорю, что на бунтовщика этот не похож. Но тут и еще трудность будет. Это не наша территория. Там Антипа правит. Его приказы мы отменить не сможем, а сами через его голову действовать можем только в крайнем случае.

- Ну ладно, смотрите в оба. А дальше увидим.

Понтий это интересное сообщение принял к сведению. И на ближайшем совещании с главами синедриона решил поставить и этот вопрос, как бы вне повестки.

Главный же вопрос этого совещания был о водопроводе. Изыскания продолжались долго, наконец, были найдены источники за городом на достаточной высоте, чтобы подать воду хотя бы в Нижний город. Длина акведука должна была составить целых четыреста стадий³⁸. Стройка получалась долгой и дорогостоящей. Понтию пришлось торговаться с евреями, сколько они могут выделить из городского бюджета, какую часть собираемых налогов направить на строительство, и нужно ли вводить дополнительный налог на горожан. После долгих споров решили все-таки налог пока не

вводить, стройку вести по мере накопления средств, а в некоторых местах помимо наемных работников привлечь легионеров Лонгиновой центурии.

Решение для города получалось выгодное. Правда, темпы стройки заведомо ставились в зависимость от поступления средств, но Понтий не торопился. Пусть пойдет все, как пойдет. Рано или поздно справимся, - думал он.

А вопрос про нового пророка под конец он все-таки задал. Все достаточно согласно дали ему понять, что это человек не серьезный. Действительно, на подготовку какого-то восстания это не похоже, но и вообще, придавать значения этому человеку не стоит.

- Видишь ли, игемон, - пояснил особо один из членов собрания, - чтобы легче тебе было понять, за пример возьми состязания философов в греческих школах. Ну вот, здесь примерно то же самое. Этот человек, как я сам выяснил, происходит из заиорданских сектантов. Они тоже евреи, обрезанные, но самое важное, что они не признают наш Храм и жертвы, приносимые в нем. Книги они читают те же, что и мы, хотя у них имеются и свои какие-то поучения. Живут они в пустынных местах, одними мужскими общинами. Брак они отрицают, по крайней мере, большинство из них. Все имущество у них общее, как и трапезы. И тоже они много морализируют, учат добродетели. Ну, примерно так: будь хорошим человеком, молись – и Богу больше от тебя ничего не нужно. Этот Иоанн (его так зовут) добавил только, что вслед за ним придет кто-то там очень великий. Но это пока все пустое. Так было и до этого. Они ждали там какого-то своего учителя праведности, - так они его называли. Ну, был там кто-то в их заиорданских пещерах при Мертвом

море, - и все на том и кончилось. Так что большого значения этому придавать не следует. Просто это сектантское движение – они называются ессеи³⁹ – выбрасывает из себя периодически перед всем народом какие-то подобные выплески.

Понтий удовлетворился этим разъяснением, запомнив и учителя, который все это ему разъяснил. От него как будто не излучалось скрытого негатива, и префект его запомнил. Звали его Гамалиил.

- И вообще, - завершил Гамалиил, - это территория Ирода Антипы. Он сам в курсе дела и контролирует ситуацию. Он наблюдает за нею лучше нас самих.

Успокоив игемона, старцы разошлись.

Вернувшись в Кесарию, Понтий нашел случай переспросить Гармизия, что это за евреи такие, которые закон их признают, а Храм не признают.

- Сам-то закон говорит что-нибудь о жертвах в Храме? Этот вопрос решен там как-нибудь однозначно?

- В том-то и дело, что нет, - отвечал Гармизий. – Конечно, там много рассказано, как строился этот храм походный, еще на уровне палатки переносной, и расписано, как надо жертвы приносить. Все до мелочей, как это обычно у евреев. Но в их пророческих книгах полно рассуждений и призывов, что жертвы животных Богу не нужны. А одно место я даже запомнил, очень остроумно подмечено. Как бы сам Бог их говорит так: Я не ем тельцов, не пью кровь козлов, а если бы Я и проголодался, не у тебя бы кушать попросил, потому что мне принадлежит вся вселенная, все скоты, звери и птицы⁴⁰. Красиво подметил, правда? Так что неудивительно, что у них с древних времен была такая партия, которая не признавала животные жертвы. Они часто при этом

пишут, что сам Бог их не хочет, а настоящая Ему жертва – это хвала Богу и милостыня ради него. Так что ничего удивительного, если эта партия евреев живет спокойно и время от времени выставляет каких-то пророков или, по меньшей мере, претендующих на пророческое звание.

- Заметил я, разговаривая с ними, что им весь этот ажиотаж вокруг нового пророка сильно не нравится.

- Еще бы он нравился, - согласился Гармизий. – Это ж конкуренты. Весь синедрион, вся эта огромная каста священников живут за счет жертвоприношений. Ходит народ в Храм для чего? Только жертвы приносить, больше незачем. Молятся они, закон читают свой по синагогам. А жертвы приносят только в Храме. Принести жертву – не дешевое удовольствие. Начать с того, что, собственно, большую часть животного священники съедают сами. Или семьи их съедают. Но тут и еще кое-что поинтереснее есть. Ты замечал, что в притворах Храма у них идет бойкая торговля жертвенным скотом? Так вот, пригодность скота для жертвы определяет только священник, чтоб там болезней не было, пятнышек каких-то. Если простой человек приведет своего барашка, то они его забракуют, скажут, что он не чистый, не годный. Зато предложат ему купить своего барашка, вроде бы чистого. И цена его в десять раз больше, чем на рынке. Так что не только мясом тут питаются. Тут целая система такой вот полуполюгальной наживы⁴¹.

- И кто же все это возглавляет?

- На самом верху, разумеется. Барыш делится всем по чину. Как положено.

- И это все по их закону считается нормальным?

- Формально, видимо, да. Конечно, простым евреям это не нравится, но все терпят. Поэтому, конечно, если приходит какой-то проповедник из пустыни и показывает, что в Храм ходить незачем, то это опасный соперник. В случае своего серьезного успеха он может покачнуть их выгоднейшую торговлю. Этого они, разумеется, ему не простят. Храм с жертвами их кормит, и как видишь, они не бедствуют.

- И сколько ж там всего священников? – спросил Понтий.

- Много. Не знаю точно, но это тысячи мужей⁴². А у них еще и семьи. Они поделены на группы, службу несут по неделе, не считая праздников. Будничная служебная неделя каждой группе достается чуть не раз в год. Остальное время они свободны. Расходятся по домам в Иудее, как-то там, не знаю как, кормятся. Но без Храма с его жертвами всем им придется работать в поте лица. Представляешь, какие там огромные деньги крутятся! И ведь это все не считая прямых пожертвований на Храм, не считая налога на храм в две драхмы. И этот налог платят они все, включая евреев рассеяния.

- Понятно. Тысяча жрецов пусть поживут впроголодь, а первосвященники себя уж точно не забудут. Значит, и все эти бесконечные очищения, омовения, окропления – это все тоже в общую смету идет? Также в денежки отливается?

- Не знаю. Наверное. В общем, дело-то обычное. Жреческая каста всегда будет убеждать всех, что без жертв и храмов никуда не шагнуть. Грехи-то без жертв не простятся! Во все времена у всех народов так было, и будет. Ты же сам знаешь. Понятно, почему у них иного Храма никогда не было и не

будет. А если кто построит – они его в один день сожгут.

- Храм или строителя? – спросил Пилат с усмешкой.

- Обоих. Строителя в его недостроенном храме⁴³.

- Хорошо. Но если у них есть тайный и не вполне законный доход, то это что такое? – спросил Пилат, поймав недоумевающий взгляд Гармизия. – А это вот что такое. Это коровье вымя. Надо просто умело, спокойно, твердой рукой его подоить. Пусть поделятся, если у них избыточные доходы. Спасибо тебе за важные сведения. И как ты эту схему разузнал?

- Да это не секрет вовсе. Об этом сами евреи на базаре болтают.

- Хорошо. И базарную болтовню полезно иногда послушать, - завершил беседу Понтий. В его душе рождался новый план, как подтолкнуть финансирование водопровода.

План этот уже понятен любому без всяких объяснений. Требовалось только важное дипломатическое искусство и железная воля. И с тем, и с другим у Пилата были проблемы. Не стоит забывать, что вопрос он решал с «малым синедрионом», в одиночку против десятка старцев, легко понимающих друг друга с одного взгляда, а иногда перешептывающихся по-арамейски. В таких условиях вести переговоры было очень трудно. Пока Понтий обдумывал свой план, временами тот казался ему совершенно неосуществимым. Сложная это история – «раскатать» евреев на деньги. И ведь не на мелкие деньги! По крайней мере, Понтий понимал, что свой разговор с ними он начнет не раньше, чем

стройка, едва бредущая через пень-колоду, встанет совсем.

В остальном жизнь префекта и его семьи шла своим чередом. Постепенно Понтий посетил и другие города Иудеи, где стояли его гарнизоны, прежде всего по побережью. Главный его маршрут, по-прежнему оставался в Иерусалим, над чем Клавдия посмеивалась, называя мужа еврейским паломником, регулярно посещающим все еврейские праздники. Сама она к Иерусалиму питала прежнюю антипатию и предпочитала там не появляться вовсе. В ее памяти не изгладилось то унижение мужа и цезаря, с которого началось его пребывание в должности, и она боялась повторения подобных сюжетов. Через пару-тройку месяцев после отсылки Терции в Иерусалим Прима и Секунда попросили госпожу ее вернуть. Им нужна была помощница на самые черные работы. Подумав, Клавдия согласилась. Она только запретила Терции появляться в ее покоях, приближаться к ее детям и обязала Приму тщательно за этим следить. Несмотря на тяжесть труда, Терция почувствовала заметное облегчение. Тем более что по субботам Клавдия разрешила ей ходить в синагогу и просила Приму не обременять ее в этот день особо тяжелыми работами. Постепенно Клавдия сама перестала бояться, да и вообще, видела она Терцию теперь не так часто.

Центурион Корнелий тем временем выслужил ветеранский срок и отпросился в Италию. Службу он собирался продолжить, но теперь он получил право жениться. Через полгода он вернулся с молодой женой, которую звали Луция. Она была обручена с ним еще заранее и дождалась положенного срока

службы жениха. Молодые поселились не в Италии, там, видимо, места им не нашлось, а здесь же, в Кесарии. Их можно было понять: Кесария была курортным городом (по нашим понятиям), и главное, достаточно спокойным. Это не Германия и не Галлия. Даже еврейские бунты этого города как-то не затрагивали, потому что он был практически не еврейским. Службу Корнелий продолжил, а на ветеранские деньги смог купить себе дом и в Кесарии.

Зато и Клавдия теперь получила возможность на время своей отлучки оставлять детей у Луции, а не поручать их служанкам. Луция оказалась живой, энергичной женщиной, вполне довольной пока и мужем, и новым домом, и, конечно, взявшейся помогать жене своего командира. Хотя она была значительно младше Клавдии, обе офицерские жены быстро подружились.

Новости из Рима молодые супруги привезли не веселые. Умерла старица Ливия Августа, мать цезаря Тиберия, служившая многие годы опорой всего императорского дома. Цезарь уехал из Рима, очевидно, испортив отношения с сенатом⁴⁴. Все это предвещало нехорошие перемены. Вообще, после смерти Германика при странных обстоятельствах⁴⁵ обстановка в столице явно портилась, и оставаться вне Италии было спокойнее и безопаснее.

К общему удивлению и вопреки предсказаниям синедриона, похоже исполнилось пророчество Иоанна Иорданского. Пошли слухи, что появился тот самый, больший пророк, о котором говорил Иоанн, что он тоже приходил на Иордан, был указан

Иоанном, а затем обнаружился в Галилее, где начал и сам подобную же проповедь.

С Галилеей у Понтия теперь было сложно. Антипа его туда больше не приглашал, видеть его не хотел. Самовольно въехать в его владения Понтий, пожалуй, мог бы, но нагнетать дополнительную напряженность не хотел. Приходилось общаться через гонцов. Разумеется, при первой же okazji он велел центуриону Титу следить за обстановкой вокруг нового пророка. Через некоторое время Тит, не решаясь бросать свой гарнизон, чтобы лично явиться в Кесарию, ответил Понтию подробным письмом. Среди прочего он сообщил там и о новом пророке.

Этот отрывок Понтий зачитал и жене, и Гармизию, когда собрались вместе.

«... Относительно нового пророка, - писал Тит, - имею сообщить следующее. Действительно, он появился в наших краях. Сам он родом отсюда, из небольшой деревушки Назарет в ста стадиях от Сепфориса. Он ведет бродячий образ жизни, переходя по галилейским городам. Но особенно хорошо у него получается проповедовать в Капернауме, в той самой синагоге, о которой я тебе рассказывал лично. С ним ходят несколько учеников, все они живут подаянием, а до этого тут и жили, промышляя рыбной ловлей. Сам он тоже был местным сельским строителем. Зовут его Иисус. Суть проповеди его примерно та же самая, что у Иорданского Иоанна. Призывает покаяться, говоря, что скоро Бог установит свое царство. Но, в отличие от Иоанна, он еще и прекрасный целитель. Здесь много людей, особенно в Капернауме, получили от него исцеление неизлечимых болезней. Приходили

даже прокаженные, и он прикасался к ним, а это страшное преступление по еврейским понятиям. Однако не он заболел, а они исцелились. Более того. Я познакомился с ним лично как раз по такому же поводу. Мой ординарец Кварт тяжело заболел, по-видимому, от какой-то местной заразы. Узнав, что Иисус где-то неподалеку, я просил знакомых из синагоги, чтобы они сказали об этом Иисусу и попросили его помолиться. Они согласились и послали к нему. И вот, я вижу, как все они приближаются к нашей казарме. Зная, что войти в нее считается для еврея осквернением, я сам вышел навстречу и просил Иисуса не утруждаться, а на расстоянии приказать болезни, подобно тому, как я сам приказываю своим воинам. Он удивился такому ответу и даже похвалил мою веру. Но важно, что Кварт действительно выздоровел сразу⁴⁶. Вообще, этот человек производит очень сильное и доброе впечатление. Меня удивляет, что он не боится идти к самым больным, страждущим, отверженным, к тем, кем евреи обычно гнушаются, подает им исцеление. Он учит, что именно несчастные и брошенные будут приняты Богом в Его царство. Что это за царство, признать, я пока не понимаю, но уже знаю, что и сами евреи не могут этого толком объяснить. Опять же: вооруженных людей при нем нет, как и нет никакой возни где-то по подвалам. Несколько исцелений Иисус совершил открыто в синагоге в Капернауме, прямо перед нами. Он совершенно не скрывается, подойти к нему может любой, спросить открыто о чем угодно. Более того, вопреки еврейскому обычаю он благосклонно отнесся даже к мытарям, которых обычно первыми убивают любые еврейские бунтовщики. Мытари его уважают,

некоторые даже хотят стать его учениками. Раввины за это же его осуждают, что вполне предсказуемо. Вот и все, что я пока о нем узнал. В любом случае, это человек совершенно удивительный, тем более, обладающий реальной духовной силой и властью. В целом его популярность в народе растет. Будем смотреть за ним и дальше...»

- Вот такое письмо, - подытожил Понтий.

- Да, интересно, - согласилась Клавдия. – По сути, второй Иоанн, и, похоже снова он в оппозиции к их раввинам.

- Ну что ж, это неплохо. Мирная оппозиция синедриону нам точно не мешает. Еще важно то, что он поддерживает мытарей. Все труднее подыскивать людей на эту работу. Это должны быть грамотные люди, умеющие писать и считать. И терпеть весь окружающий их позор и постоянную опасность убийства. Убьют местного мытаря – город целый год бегает от налогов. Работать они могут только на откупной системе, потому что достойного жалования им не установишь. Хоть кто-то их поддержит.

- Еще бы лично Тита расспросить обо всех подробностях, - сказала Клавдия задумчиво.

Глава 6. Водопровод

Стройка водопровода наконец встала, деньги кончились. Помолившись Юпитеру, Понтий снова отправился в Иерусалим выколачивать средства из синедриона. Ради такого случая Клавдия сама вызвалась поехать с ним, чтобы хотя бы издали обеспечить ему моральную поддержку.

- Бросить начатую стройку нам нельзя, - держал Понтий речь перед малым синедрионом. – Вода нужна всем. Сделана уже значительная часть. Если стройку остановить, то камни, оставленные на уже построенной части, люди постепенно растащат на свои нужды. Половина водопровода не достоин в бесхозном виде. Стройку надо продолжить и завершить. Выходов только два. Или мы введем в городе особый налог на строительство, или же... Или же вы изыщите средства. Это будет справедливо, ведь, безусловно, вода нужна в первую очередь Храму. Вода нужна для ритуальных омовений. Иными словами, вода нужна прежде всего вам. Я сам и в Кесарии могу искупаться в море.

В ответ поднялось ворчание об отсутствии свободных средств. Понтий, набравшись духу, продолжал:

- Нам известно о тех способах, которыми пополняется храмовая казна. Это и налог на Храм, и пожертвования, и, главное – плата за жертвенных животных. Ко мне уже поступают жалобы на слишком большую разницу в цене между животным, приносимым в жертву и продаваемым на рынке. Я не хочу давать им ходу, этим жалобам. Я прошу вас помнить, что смета храмовых расходов и доходов мне не предоставляется. Это средства, которые находятся только в вашем распоряжении. Но, вообще-то, если жалобы будут накапливаться, эту тайну храмовых средств придется и раскрыть. Соответствующее распоряжение прокуратора Сирии Вителлия вполне может и появиться.

Старцы помрачнели, но, кажется, сообразили, что откупиться им придется. В любом случае тайна храмовых доходов стоила дороже. А вводить еще

новый «водяной» налог означало как раз спровоцировать новое недовольство. Семейство Анны и Каиафы прекрасно понимало, что деньги они делают незаконным путем, а равно знало и о народном недовольстве. В таких случаях всегда приходится откупаться.

Дальше разговор пошел конкретный, с цифрами и сметами, сколько стоит каждый пролет, каждая стадия акведука, сколько это занимает времени, когда можно будет ждать очередного транша из городского бюджета... В итоге Понтий все-таки вернулся с деньгами и с победой.

Наконец-то, жена встретила его с удовлетворением. Хоть маленькая, но все-таки победа. Наконец-то хоть в чем-то стали мужа уважать. Хоть немножко, но отступили.

- Только вот еще, - добавила она. – Они хоть не проболтаются, что деньги дали из храмовой казны?

- Вроде это не в их интересах, - ответил Понтий. – Зачем им растрясать на весь свет про свои деньги?

- Но ты все-таки не взял с них слова, что будут молчать?

- Нет. Если я поставлю такой вопрос, это автоматически будет означать, что какую-то часть этих средств я сам собираюсь присвоить. Напротив, я сам им предложил, чтобы они тщательно проверяли всю смету. И все это ведь еще при условии, что Лонгин с центурией будет продолжать участвовать в строительстве. А у легионеров оплата ниже, чем у наемных рабочих – с учетом обычного их жалования.

Стройка оживилась на следующий же день. Понтий решил не оставлять Иерусалим, пока все расходы взаимно контролируются, чтобы в его адрес

не могло возникнуть подозрений в хищении. Клавдии тоже пришлось терпеть неприятный для нее город.

Однако буквально через три дня произошло чрезвычайное происшествие.

На самых подступах к городу, где велось строительство, появилась протестующая толпа. Поначалу такая же полумирная демонстрация, как и в прошлый раз перед воротами крепости. Толпа начала протестовать, что Пилат якобы похитил средства на стройку из священного хранилища Храма. Речи ораторов заводили толпу все больше, она двинулась непосредственно к месту стройки, начала мешать рабочим, требуя немедленной остановки работ и возврата денег. Начались первые драки, полетели первые камни. Неизвестно, чем бы дело кончилось, но положение спасла решительность Лонгина. Он с отрядом легионеров как раз подходил к месту строительства. Воины были одеты в рабочую одежду, по виду они мало отличались от иных рабочих. На них даже не обратили внимания, они как бы смешались с толпой. Но поняв, что дело идет к бунту, Лонгин дал громкую команду к бою по-латыни. Манипул мгновенно сомкнул строй. Доспехов на легионерах не было, но под одеждой все условились носить короткие римские мечи – на всякий случай. Мечи обнажились, одежды воины быстро намотали на левую руку в качестве щитов (так сам Юлий Цезарь принял свой последний бой в сенате). Манипул устремился на толпу. Там, очевидно, не рассчитывали встретить римских воинов, хотя и небольшой отряд, и плохо вооруженный.

- Бить плашмя, - скомандовал Лонгин еще раз громко для всех, - острием бить только вооруженных.

Толпа, конечно, бросилась врассыпную. Немногие, самые задиристые попробовали отбиваться палками, но были моментально хорошо избиты и поцарапаны. Римлян поддержали и рабочие, схватив в руки все, что попало. Без жертв, конечно, не обошлось. Раненые были на обеих сторонах⁴⁷. Кто-то быстро донес обо всем префекту, и Понтий мигом появился на месте происшествия в сопровождении нескольких всадников, окончательно рассеявших толпу. Он принял доклад Лонгина, поблагодарил его, приказал немедленно отнести и отвести раненных в крепость и оказать им необходимую помощь. Побитых и раненных бунтовщиков, оказавшихся на месте, не стал арестовывать, потому что зачинщиков среди них вроде бы не было. Им Понтий позволил уйти и велел сообщить родственникам об убитых, чтобы погребли их.

Спустя пару часов работа продолжилась. Воины продолжали свое дежурство на стройке. Выбыли только побитые и раненные. Толпа больше и не пыталась собраться.

Перед ужином, когда окончательно вернулись в крепость, Лонгин рассказал подробности и Понтию, и Клавдии в присутствии декурионов. Глаза Клавдии впервые заблестели радостным огнем. Забыв о приличиях, она бросилась на шею Лонгину и поцеловала его, осыпая словами благодарности и похвалы. Тот смущенно потупился, но было ясно, что сегодня его день. Вечер прошел шумно и радостно. Казалось, что позор за изображения цезаря, наконец, омыт победой, и теперь уж евреи присмирят.

- Только есть тут один вопрос, - сказал Лонгин, все еще ловя на себе восторженный взгляд Клавдии, -

откуда эти мерзавцы знали, что на стройку выделены храмовые деньги?

- Наверное, кто-то из старейшин еврейских допустил эту утечку, - ответил Понтий. - Вопрос о другом: насколько сознательно синедрион провоцировал бунт? Хотели больших жертв? Чтобы написать толстый донос? Или просто по глупости проболтались?

- Лонгин, ты молодец, что допустил минимум крови, - встала Клавдия, - правильно, что били их плашмя.

- Ну, в таких случаях совсем избежать жертв не получается. – Иначе будут потери среди своих. У нас и так каждый воин на счету. Теперь еще несколько раненных выбыло.

- В общем, ничего еще не кончено. Завтра евреи непременно что-то еще выкинут, - сказал Понтий.

- А может быть, попробовать их предупредить? – предложил Лонгин.

- Как именно?

- Ну, например, завтра с колоннады Храма обратиться ко всем молящимся, к священству. Сказать им речь, перевести на арамейский.

- Да, что-нибудь такое хорошее, успокоительное, - подхватила Клавдия. – Завтра нужен успех дипломатии, закрепляющей военную победу. Теперь, Понтий, - она обернулась к мужу с молящим выражением лица, - все зависит от тебя.

- Согласен, - сказал Понтий. – Все продумаю. Завтра так и сделаем. Тотчас по окончании их обычной утренней жертвы.

Когда все воины разошлись, и Понтий остался с Клавдией в спальне наедине, он сказал ей с укором:

- Что ж ты так ему на шею-то вешаешься? Чуть не на колени присаживаешься?

- Чтобы подразнить тебя, мой маленький Дротик, - игриво ответила жена, подсаживаясь к нему поближе и обнимая. – Чтобы ты бросал дротики сильно и в цель. Если бы я хотела с ним кокетничать, нашла бы способ сделать это и без тебя. А если при тебе, то это не страшно. Я всем хочу озвучить это сладкое слово: победа. Такое же сладкое, - она уже почти мурчала, - как твоя Клава. Твоя навсегда... Главное, завтра не подведи.

Воины тщательно следили с колоннады за порядком утренней жертвы, стараясь не привлекать к себе внимания. Когда церемония подходила к концу, Понтий быстрыми шагами вышел на край перед площадью и притворами, где было больше всего народу, и начал речь по-гречески:

- Жители Иерусалима! Всем вам известно о нашей огромной стройке, которая начата нами совместно с синедрионом и городским начальством для всех горожан. Вам не нужно объяснять, насколько вода нужна каждому из вас. Прежде всего, она пойдет на нужды Храма, а также для всех, кому потребуется принять очищение. Затем она придет практически в каждый дом. Но вот, нашлись негодяи, которые обманули ваших братьев и, собрав толпу, напали на строителей. Правда, не на тех напали. В строительстве водопровода принимают участие и римские воины. Они трудятся ради вас, но, конечно, не потерпят мятежа и нападения со стороны каких-то врагов. Повторю: эти смутьяны не столько наши, сколько ваши враги. Я жалею об одураченных, сбитых с толку и пострадавших случайных людях. Мои воины, как могли, постарались избежать жертв.

У меня нет даже арестованных по этому делу, хотя, бесспорно, что зачинщики такого бунта заслуживают смертной казни. На первый раз я простил многих, даже очень многих. Но поверьте, да и сами посмотрите: римский меч лежит в крепкой руке. Не воспринимайте мое великодушие, как признак слабости. Я даю вам возможность одуматься и поддержать стройку. Римляне не владеют вами, римляне, как видите, трудятся для вас и оберегают ваше спокойствие. Платите же им доверием и помощью! Обратите внимание, что особый налог на строительство водопровода нами пока не введен. И власти города, и мы не желаем накладывать на вас дополнительное бремя. Но я прошу и требую от каждого из вас, ваших родственников и соседей, чтобы вы поддержали стройку, прежде всего, своим спокойствием. Образуйте смутьянов вовремя, пока еще они не вышли на улицу, а только в домах ваших болтают языками, передают всякие нелепые слухи. Пусть они не превратятся во врагов города, Храма и Рима. А кто понимает важность начатого дела для всего города, тот может пожертвовать на стройку добровольно деньгами, или сам поработать на этом великом и общем деле.

Последним словом его речи оказалось слово «литургия», дословно: «каменно-делание». Так по традиции называли греки именно подобную же общую для всех жителей стройку из камней какого-то важного объекта: храма, дворца, городских стен. Не подозревал он, какой новый смысл получит это слово через сотню лет. В целом его речь была принята спокойно. Было ясно, что правоту префекта понимают практически все, просто не спешат ее выразить.

Впрочем, Понтию не удалось избежать обвинений в чрезмерном проявлении силы. Снова первосвященники явились к нему с горькими упреками, будто пострадали совершенно посторонние люди. Например, просто какие-то галилеяне, пришедшие на поклонение к Храму⁴⁸. Кто своими глазами видел бунтующую толпу или разбегающуюся толпу бунтовщиков, тот согласится, что избежать случайно и невинно пострадавших тут никак невозможно. Сама история не была какой-то выдающейся на общем фоне подобных историй, но на Пилате легло из-за нее темное пятно.

На этот раз Понтий не поддался на угрозы и всякое давление священников. Он достаточно быстро перешел в контратаку и потребовал узнать, кто именно дал утечку информации о происхождении денег на строительство. Конечно, евреи отпирались до конца, но все же свой собственный наступательный напор они потеряли. Под конец Понтий все же убедил их, что строительство необходимо закончить, и что он полон решимости довести дело до конца. В самом деле, поддержка Вителлия у него была, и в крайнем случае он мог рассчитывать на определенную помощь.

Как-то на досуге в Кесарии Понтий попросил Гармизия почитать что-нибудь из еврейских Писаний. Стопка кодексов на полке у Гармизия оказалась очень приличной величины. Тот начал с начала и предложил ему книгу Генезис (Бытие). Понтий одолел четыре главы, историю сотворения мира и изгнания людей из рая, затем историю Каина и Авеля. На списке патриархов с мудреными именами, живших по девятьсот лет и умирающих, он

начал зевать и непроизвольно вспомнил только что прочитанное про проклятого Каина, который приговорен жить, стеноя и трясясь, но никто не может его убить.

«Интересно, - думал Понтий, - значит, проклятием и наказанием может стать не только смерть, но и жизнь, если ее хорошо отравить страхом. Пожалуй, в настоящей жизни и такое случается. А если продолжительность этой жизни увеличить до девяти сотен лет, то уж и впрямь взвоешь...»

Он вспомнил, как Каиафа гордо говорил ему про неуничтожимость еврейского народа, постоянно терзаемого от внешних врагов и собственных неурядиц. «Не про себя ли они эту притчу выдумали?» - задумался он.

Все прочитанное он воспринял как миф, как интересную сказку, аллегория которой ему просто непонятна. Не углубляясь дальше в чтение, он переспросил Гармизия:

- А что ты думаешь, если их Бог сотворил весь мир, причем хорошо это сделал, то почему повсюду в мире борьба и неурядицы?

- Так они и говорят, что ведь над миром командовать поставлен был человек, а не послушав Бога, Адам как командир, не состоялся. Соответственно, без командира все пошло в разлад.

- Понятно. А дальше там о чем, если в двух словах?

- Ну, дальше написано про историю их предков, как Бог избрал одного благочестивого, по имени Авраама и из его потомства вывел весь их народ.

- То есть, это типа автобиографии Израиля?

- Другие народы там тоже поминаются, но так, вскользь, по касательной.

- Понятно. И что, все они, израильтяне, такими праведниками нарисованы?

- Нет. Я бы так не сказал. Они там и нехорошие дела делают. Но им как бы прощается. Потому что их Бог заранее предоставил.

- Угу. Понятно. Себе-то все простят.

- Видишь ли, игемон, - вдруг начал Гармизий продуманную речь, - не столь уж великая сила мысли требуется, чтобы понять, что Бог Един. Вот, Александр Великий тоже считал, что Бог один и именно Он – отец всех людей, особенно добродетельных. Кстати, при своем завоевании он с большим почтением отнесся к евреям, к их Храму, практически он их и не завоевывал. Был с ними в таких же союзниках, как потом Помпей. Это уж его наследники Селевкиды все испортили. А он-то наверняка верил в Единого Бога. Но если у Александра, взявшего всю вселенную в руки, Бог заботится обо всех людях, то у этих Бог заботится только об Израиле. Они перевернули бы фразу Александра иначе: Бог – Творец всех людей, а отец – только евреям.

- Ну, это я уже и без тебя выяснил и понял, – отозвался Понтий. – И что, все они в этом укрепились? Никаких других мыслей во всей этой куче их книг не прослеживается?

- В том-то и дело, что иногда прослеживаются. Их пророки зачастую говорили, что Бог их призвет и другие народы, чтобы все прославили его. Ну, то есть, до уровня Александра они как-то дотягивают. Но обычные их лидеры так, похоже, не думают.

- А не связаны ли эти пророки, признающие другие народы, с теми... как их там... ты помнишь, как мы про них говорили, которые против

принесения жертв? Помнишь тех, что утверждали, что Бог барашков не кушает?

- Так сейчас на память не скажу, - задумчиво протянул Гармизий. - Насколько они там связаны? Ладно, если хочешь, я поищу про тех пророков, которые предвещают, что разные народы придут к Богу Израиля.

- Да, поищи, интересно будет. Ну, в итоге ты считаешь, что они правильного и истинного Бога чтут неправильно? Так получается?

- Да, наверное, так. Как-то так.

Гармизий исполнил обещание и, спустя несколько дней принес Понтию раскрытую книгу. Он листал по закладкам ее вторую половину и показывал Понтию.

- Это их пророк по имени Исаия. Вот смотри, что он пишет, - Гармизий открыл последнюю страницу, - *и вот, приду собрать все народы и языки, и они придут и увидят славу Мою. И положу на них знамение, и пошлю из спасенных от них к народам...* Тут перечень народов, так... вот: *которые не слышали обо Мне и не видели славы Моей, и они возвестят народам славу Мою.*⁴⁹ В общем, сам посмотри по закладкам, - он положил книгу на стол.

Понтий лениво перебирал страницы:

- Да, интересно. А вот это что? *И придут иноземцы и будут пасти стада ваши, и сыновья чужестранцев будут вашими земледельцами и вашими виноградарями.* М-да! — он засмеялся, — А еще водопроводы строить вам будут, разбойников ваших отлавливать, как хорошо! *А вы будете, -* продолжил он чтение, - *называться священниками Господа, (угу, Иосифами Каиафами), служителями Бога нашего будут именовать вас, будете пользоваться достоянием народов и славиться*

славою их⁵⁰. Какая симпатичная перспектива! И ведь, клянусь Юпитером, наполовину оно уже все исполнилось!

Он перелистал еще страницу назад и прочел отмеченное:

- ...Ибо народы и царства, которые не захотят служить тебе, погибнут, и такие народы совершенно истребятся... И придут к тебе с покорностью сыновья угнетавших тебя и падут к стопам ног твоих все, презиравшие тебя и назовут тебя городом Господа... Угу... хм-хм... - он пробежал глазами эту главу до конца. - От малого произойдет тысяча и от самого слабого – сильный народ. Я, Господь ускорю совершить это...⁵¹. Это так они нас призовут к своему Богу?! Радость-то какая! Мало того, что этот город и так построили им чужеземцы, надо еще всех, кто тут не работал, истребить.

- Ну вот, ты же просил почитать.

- Что ж, просто восторг, какими долгожданнами и желанными гостями нас зовут на пир Израиля. А ты уверен, Гармизий, что это все писал человек, вдохновленный небесами?

- Ну, кто ж может знать такие вещи? – удивился сам Гармизий. - Мы можем только сказать, что вот так в их книгах написано.

- А они читают, проникаются вдохновением, - так надо понимать?

Гармизий пожал плечами:

- Ну, конечно, отчасти все это – игра больного воображения. Но ведь при этом все больше народу из разных народов верят в их Бога.

- То есть, как ты думаешь, вот Единый Бог Александра, который отец всем людям, а наипаче праведным, - это тот же Бог евреев?

- Страшный вопрос, - сказал Гармизий, чуть помолчавши, - но очень опасаясь, что да. Может оказаться именно так.

- И он всерьез будет вот так порабощать евреям весь мир? Римлян, парфян, египтян, нумидийцев и галлов? Смеяться тут или плакать прикажешь?

- У меня нет ответа, - признался Гармизий, - я не понимаю насколько прямо нужно всему этому верить, и нужно ли. Но их Бога я побаиваюсь, их Богу я точно не хочу противостоять. Ну, проживем, может быть, что-то увидим...

- Спасибо тебе за книги, - отозвался Понтий, все еще листавший рукопись. – Полезно уже и то, что теперь мы станем лучше их понимать. Не книги, а самих евреев, - добавил он уточнение.

И завещание Валерия Грата в который раз прошумело у него в голове.

Глава 7. Иисус в Иерусалиме

Время шло, служба продолжалась, дети подрастали, Клавдия сама занималась их обучением, подключив затем и Гармизия.

Среди зимы дошел слух, что Антипа в своих владениях сначала арестовал пророка Иоанна Иорданского, а затем и казнил его. Потом выяснилось, что это произошло именно из-за его

пророческих обвинений Антипы и Иродиады в незаконном браке. Известие не было радостным, ибо мирная оппозиция Антипе просто исчезала, но, с другой стороны, Понтий чувствовал малое облегчение от того, что сам не оказался втянут в эту историю.

«Антипино дело – его и ответственность», - думал он.

Теперь, однако, вся народная популярность, похоже, перешла на другого пророка, на Иисуса. О нем говорили уже повсюду. Прежде всего, отмечали его чудеса, его исцеления, но помимо этого упорно ходил слух, что Он считает себя главным избранным царем Израиля.

Начиналась весна, Понтию нужно было вновь выдвигаться на праздники в Иерусалим. В этот приезд он решил выяснить у еврейских священников, что они думают об этом избранном царе и насколько этот Иисус может всерьез претендовать на такое звание. В эту поездку Клавдия тоже напросилась ехать с мужем. Возможно, зимовка в Кесарии ей уже надоела, и захотелось ненадолго сменить обстановку. Но скорее причина была в другом. Клавдия тоже слышала эти необычайные до баснословия рассказы об Иисусе и чувствовала, что в этот раз его можно будет увидеть в Иерусалиме лично. И вот этого ей хотелось. Она сама не знала, почему.

Она предложила мужу взять с собой Терцию для возможной разведки. Понтий согласился. Та вела себя вроде бы тихо, молча исполняла все распоряжения. Конфликтов с нею не было уже довольно долго, хотя держали ее, конечно, в черном теле.

В Иерусалим прибыли за неделю до праздника пасхи. Понтий с Лонгином отправились проверить стройку водопровода, которая постепенно приближалась к завершению. Ничто не предвещало никаких сюрпризов.

Утро следующего дня принесло нечто неожиданное. Все началось с тревоги. Со стен города заметили длинную процессию. С восточной стороны приближалось странное шествие. По виду это были обычные паломники в Иерусалим на Пасху, постоянно восклицавшие обычное пасхальное приветствие на арамейском:

- Благословен грядущий во имя Господне!

Но было заметно, что вся процессия представляет собою торжество одного главного человека. Единственным из всей толпы пешеходов он восседал на ослике, которого вели под уздцы, а люди постилали ослику под ноги свои одежды и размахивали пальмовыми ветвями. Снаружи все это напоминало какой-то карнавал или народный театр под открытым небом. Сцена выглядела настолько искренне, даже как-то по-детски. Да и самих детей здесь было немало, что невольно привлекало к себе внимание. Однако цель смысл и содержание всего действия были совсем не карнавальными. Люди приветствовали входящего в город своего царя! Того самого, который ехал на ослике. Самое странное заключалось в том, что они это делали серьезно. Когда люди играют в карнавал, то они и сами это понимают, и по их поведению это заметно. Но здесь в карнавал не играли.

Понтий немедленно выслал наблюдателей, чтобы проследовали за всем шествием. Шествие направилось к Храму. Это заметили еще дозорные на

колоннаде и немедленно доложили. Понтий, Лонгин и Клавдия немедленно воспользовались моментом, чтобы увидеть все с высоты, как некое представление с театрального балкона.

Шествие двигалось не столь быстро, всем хватило времени занять свои места. На площади перед Храмом обнаружилось неожиданное препятствие. Там кипела торговля жертвенными животными, особенно ягнятами, которых нужно было заклать и съесть именно в этот праздник. То самое мероприятие, которое не одобряли простые евреи, и которое позволило Пилату выбить денежки на водопровод из евреев не простых. Но тут неожиданно произошло такое, чего никто не мог предполагать.

Когда Иисус (а это был, конечно, он) приблизился ко всему этому обширному торгу, то быстро спешился, взял какую-то вдвое сложенную веревку, что-то сказал спутникам, и вдруг достаточно громко крикнул несколько фраз по-арамейски, обращаясь ко всей торгующей площади. Все глаза, разумеется, устремились на него. Пока Понтий и Лонгин переглядывались, вспомнив об отсутствующем переводчике, и недоуменно хлопали глазами, Иисус подошел к ближайшему ларьку, опрокинул его и хлестнул продавца своей веревкой. Тот попятился, пытаясь прикрыть свой живой товар, и тотчас залепетал что-то, по-видимому, прося дать ему время спокойно уйти. Иисус подошел к следующему ларьку и повторил то же действие, выкрикнув то же самое по-арамейски. Спутники Иисуса молча наблюдали за сценой, а торговцы быстро начали сворачивать лотки, не дожидаясь пока очередь дойдет до них. Поднялся шум, давка, но никто не призывал храмовую стражу. Хотя она была совсем рядом, но

застыла в каком-то странном онемении. Казалось, будто слова Иисуса означали что-то вроде угрозы с самих Небес, если кто-то посмеет ему как-то воспротивиться.

Понтий с Лонгином тоже бездействовали. Они просто не понимали, что тут им нужно было бы сделать, что можно было бы предпринять. И только Клавдия вдруг издала вопль восторга:

- Вот это мне нравится! – воскликнула она полатыни и даже захлопала в ладоши. – Давно пора этот скотный двор отсюда убрать. Давай, давай, гони их отсюда!

Вряд ли кто-то сейчас обратил бы внимание на Клавдию и на колоннаду раньше, чем оттуда прилетела бы настоящая боевая стрела. Но площадь продолжала пустеть – и при этом ни силы правопорядка, ни священники Храма не могли никак противиться неожиданному пришельцу.

Разогнав все торжище за какие-то десять минут, новый гость не стал преследовать бегущих, а вошел в Храм, как хозяин, пройдя точно под колоннадой. Клавдия впервые увидела его молодое лицо с короткой бородкой. Одет он был, как обычный паломник, с покрытой головой, но сквозь всю эту обыденность в нем чувствовалась какая-то необыкновенная сила. Казалось, что по своему желанию он не только что смахнет рукой стрелу в воздухе, а стрела и не вылетит из лука, если он ей не позволит.

Во двореике Храма он обменялся парой фраз с бывшими там священниками. Они, очевидно, спросили его, что здесь происходит, а он дал им такой ответ, что вновь привел в замешательство. Пока еще наши римляне могли хотя бы четко

слышать арамейскую речь, и если бы был переводчик, все бы поняли. А дальше Иисус говорил уже тише, не для всех присутствующих, а лишь с теми, кто обращался к нему. Тут уже и Понтий, и Клавдия поняли, что им просто необходимо иметь в этой толпе, окружавшей Иисуса, своего знающего человека.

Римляне продолжали созерцать сверху всю непонятную им сцену. Понтий ждал, что сейчас его могут привлечь к наведению порядка, что жрецы обратятся к нему, разглядят римлян на колоннаде, пошлют к ним кого-нибудь, хотя бы что-то произойдет. Но не происходило ничего, и он принял решение не проявлять никакой инициативы. Рим здесь никак не затронут. Пусть сами разбираются.

Спустя примерно полчаса после разговоров в притворе Иисус и сопровождавшие его тихо покинули Храм и площадь. Уже без ветвей, одежд и ослика. Молчание прервала Клавдия, сказавшая по-латыни:

- Видно, все они прекрасно понимают его правоту. Смотрите, ведь никто не попытался ему воспрепятствовать!

- Даже мы, - согласился Понтий. – Хотя, пожалуй, надо было, а?

- Кому надо? – переспросила Клавдия. – Нам не надо. Если это им надо, пусть бы и попросили хотя бы. У них и своей стражи полно, она вся онемела. А вообще, он молодец!

- Я понимаю, - ответил Понтий, - тебе всякий понравится, кто сможет этих жрецов окоротить.

- Да. И притом без единого писка с их стороны.

- Да, Лонгин, - сказал Понтий, отходя от оцепенения, - с завтрашнего дня нужно твои уши в

городе все наострить. Нам нужно, необходимо, знать все, о чем они тут будут говорить. Наверняка завтра он еще вернется. И у Храма окажется. Надо не только с колоннады его слушать.

- Сделаем, - отозвался Лонгин.

Клавдия и сама хотела послушать этого нового пророка. Как и все, она ощутила неведомую силу, исходившую от него, силу без оружия. Не сразу смогла она отдать себе отчет, что ей понравилось не просто политическое действие Иисуса, но и что-то большее в его облике. Если бы не эта языковая преграда, Клавдия сама бы завтра переделалась еврейкой и смешалась бы с толпой. Единственным выходом для нее оставалось одно: прибегнуть к услугам рабыни.

- Терция, - наставляла она ее вечером, - завтра я освобожу тебя от всех работ. Ты довольна?

Еврейка молча поклонилась с каменным лицом.

- И разрешаю тебе завтра помолиться в Храме. Как ты?

Второй поклон, и снова ни один мускул не дрогнул на лице.

- Но ты, пожалуйста, послушай этого нового пророка, Иисуса. Он наверняка завтра придет в Храм снова. Нам важно знать полностью все, что он скажет, к чему будет призывать, как будет отвечать. Все-все. Слушать его будешь, конечно, не только ты. Мы сопоставим и перепроверим все его слова. Поэтому, пожалуйста, - она хотела сказать: не лги, но, запнувшись, выразилась повежливее, - будь правдива. Ну, и сбегать тоже не пытайся, хорошо? Ты помнишь, что... что этого тебе не следует делать? Ты меня поняла? Скажи что-нибудь!

- Да, я все поняла, госпожа.

- Выслушай и постарайся все хорошенько запомнить. Вечером расскажешь мне. Ступай к себе.

Клавдии не понравилась молчаливая и хмурая манера рабыни. Утром она проводила ее с тяжелым подозрением на душе.

Гарнизон был приведен в состояние повышенной готовности, как на постах, так и среди городских наблюдателей. Понтий не искал встречи с членами синедриона, Лонгин напрямую не говорил с начальником храмовой стражи. Но на уровне рядового состава координация действий была установлена.

Ожидания не были обмануты. Иисус пешком пришел в Храм в сопровождении небольшой группы учеников. Понтий с Клавдией не смогли отказать себе в удовольствии взглянуть самим на всю сцену с колоннады, но, увидев издали негромкую, спокойную беседу на незнакомом языке, поняли, что нужно просто ждать возвращения информаторов. Возвращаясь к себе в крепость, они отметили только, что притворы Храма наполнились народом. Иисус стал в центре внимания всех.

День прошел в напряженном ожидании. Вечер только еще начинался, как на пороге появилась Терция. Клавдия позвала ее на отчет в присутствии Понтия. Хмурое каменное лицо служанки стало заметно живее. В ответ на просьбы рассказывать, она помялась, припоминая по порядку самое важное.

- Главные священники спросили его, какою властью он все это делает. А он ответил вопросом: а какою властью было крещение людей Иоанном? Они говорят: не знаем. А он в ответ: и я вам не скажу.

- Да, Иоанна пророком они не признавали, это известно, - сказала Клавдия по-гречески. – Еще что?

- Еще он сказал, что мытари и блудницы быстрее их придут в Царство Божие, потому что они послушались Иоанна и крестились от него.

- То есть, он сильно выступал против жрецов? – уточнила Клавдия.

- Да. Видно, что они его терпеть не могут. И он рассказал еще такую притчу. Что был-де такой человек, устроивший виноградник и велевший смотреть за ним работникам. А за виноградом, когда тот созрел, посылает хозяин своих слуг. Этим слуг работники виноградника побили и выгнали. Тогда хозяин посылает к ним своего сына, надеясь, что ему ничего плохого не сделают. А они этого сына убивают, потому что хотят весь виноградник присвоить себе. То есть, устраивают бунт против хозяина. А вернувшись, хозяин сам всех их казнит⁵².

- Ну и к чему эта притча? Ты что-нибудь в ней поняла?

- Поняла. Хозяин виноградника – это Бог. Виноградник Божий – так все пророки называют наш народ, Израиль. А работники в винограднике – это священники и раввины. Слуги, посылаемые к ним, надо полагать, прежде бывшие пророки, вроде Иоанна. Как-то так.

- А сын? – спросила Клавдия с тревогой в голосе, - это он сам что ли? Это они хотят его убить?

- Да, получается так.

- Он считает себя большим прежде бывших пророков?

- Да, наверное.

- И они хотят его убить? Но ты видела вчера, как никто из них не мог ему противиться? – Клавдия заметно тревожилась и искала успокоения.

- Хотите-то они много чего хотят, - вставил Понтий, до этого напряженно слушавший весь рассказ. - Что еще?

- Ну, и еще он говорил, что Царство Божие от них, то есть священников, отнимется и дастся народу, приносящему плоды.

- Какие плоды? И какой-такой другой народ?

- Не знаю, он точно не пояснил.

Показания Терции подтвердились и информаторами Лонгина. Когда уже зашло солнце, Клавдия позвала Терцию снова, поблагодарила и похвалила ее. Затем и на следующий день поручила ей ту же самую разведку.

Вечер следующего дня принес еще более интересные сведения для римлян. Терция рассказала, что Иисуса в Храме спросили, можно ли платить налоги цезарю.

- И что он ответил? – напрягся Понтий.

- А он сначала сказал, что они его искушают, а затем попросил принести монету, которой платится налог. Ну, и послали за монетой.

- А в кармане ни у кого не оказалось монеты?

- Конечно, нет, - удивилась Терция. – Разговор-то в Храме идет, туда же нельзя вносить чужие деньги.

- И даже деньги наши нечистые, - сказала Клавдия мужу по-латыни, - ужас какой-то! – И она продолжила по-гречески:

- Принесли монету?

- Принесли. Он взял ее, поднял и говорит: чей это образ и надпись? Ему отвечают: цезаря. А он

говорит: отдайте же это цезарево цезарю, а божие – Богу.

- Понятно, кстати, - Понтий перешел на латынь, - почему монета нечистая. Ты же помнишь, Клавдия, как они относятся к изображениям цезаря.

- Пусть так, - ответила Клавдия, - а что значит весь этот ответ?

- Ну, как я понимаю, это все-таки призыв налоги платить, - ответил муж. - По-другому не поймешь.

- А еще, - вставил Лонгин, - он, похоже, разделяет два действия. В смысле, что отдать монету цезарю – это не значит затронуть что-то Божие. То есть, не является грехом против их Бога.

- Наверное, так, - сказал Понтий. – Все подтверждается: бунт против Рима он никак не собирается одобрять. А провокация понятна: если бы он запретил платить налоги, они бы уже сейчас его сюда доставили, как смутьяна, а если просто разрешил бы, народ от него отвернется.

И он спросил Терцию по-гречески:

- А что еще?

- Спрашивали его о будущей жизни, о воскресении мертвых. Это у нас очень давний спор.

- И он верит в загробную жизнь?

- Да. А его спрашивали те, кто не верят.

- Ладно, это сейчас не важно, - отмахнулся Понтий, - еще что?

- Спросил его еще один, какая заповедь в законе самая важная. Иисус ответил, что это заповедь возлюбить Бога всем сердцем, а ближнего, как самого себя.

- Ну, и как им это понравилось?

- Наверное, понравилось, никто не возражал.

- Еще что?

- Ну... я не все поняла и не все помню. Про римлян и налоги точно больше ничего не было. Было что-то там о законе, о том, как Давид писал про грядущего царя, чей он сын. Я не поняла.

- В их законе нам точно не разобраться, - сказала Клавдия по-латыни, а потом спросила Терцию по-гречески:

- И как народ его слушает, одобряет?

- В основном, да. Наверное, да.

- А жрецы по-прежнему против него?

- Еще больше, наверное, потому что он при случае всегда их как-то упрекнет.

- За что?

- За то, что они все-все хотят по закону и по преданию, а о простых людях не думают, отягчая им жизнь. За то, что любят похвалу от людей. Он считает их лицемерами.

- Тонко все подметил, - вставил Понтий по-латыни.

На четвертый день Иисус пробыл в Храме недолго. На этот раз его уже не спрашивали. Он сам произнес какие-то обличительные слова и закончил как-то очень грозно, поразив всех слушателей. После чего ушел из Храма.

Когда римлянам передали его слова, те ничего не поняли, кроме того, что он больше не собирается появляться в Храме. Сверх этого, он еще сказал, что этот дом останется пустым. Надо полагать, Он имел в виду Храм. Что это означало – можно было только потеряться в догадках. Вспомнив речи Гамалиила о заиорданских сектантах, Понтий предположил, что Иисус тоже решил отрицать Храм, как и они.

Про себя он даже немного успокоился. Казалось, опасность и напряжение снимутся. Если Иисус не

будет появляться в Храме, перестанет раздражать жрецов, то все станет легче. Пусть ушел бы куда-нибудь там в пещеры и горы к Мертвому морю, и спокойнее бы стало. Если там Антипа силу применит, тоже его ответственность будет. Да и не сможет ничего этот Антипа. Если мог бы, - давно уже расправился бы с Иисусом.

Глава 8. Страшный суд

Этот и следующий день прошли в обычной предпраздничной суете. Дело омрачилось лишь одним происшествием. Несколько разбойников напали на одного мытаря, убили охранника, чуть не убили самого мытаря, но были перехвачены храмовой стражей, оказавшейся поблизости. Когда на место прибыли люди Лонгина, преступников передали им. Понтий отложил суд на время после праздника.

В ту же ночь Клавдия увидела страшный сон. Она потом не могла припомнить его в деталях, как это часто бывает, когда нам запоминается лишь последняя часть сна, перед самым просыпанием. Помнила только, что видела во сне, как идет она по улице вместе с толпой людей, слушающих Иисуса. Тот говорит что-то такое доброе и хорошее, а между ним и ею самую гримасничает и передразнивает Иисуса какой-то мерзкий тип. Клавдия возражает ему, просит его помолчать и не мешать. Иисус уходит куда-то вперед, его уже не слышно за толпой, а мерзкий этот человек продолжает кричать Клавдии всякие гадости против Иисуса, обвиняет его. Клавдия даже не помнила, в чем именно. Под конец он со страшным хохотом показывает ей скрещенные

указательные пальцы своих темных ручищ, и Клавдия с ужасом узнает свой жест, который она тогда показала Терции на празднике сатурналий под хохот гостей. На этом она проснулась с ужасом и омерзением, с таким чувством, что в душу ей наплевали.

Клавдия не хотела рассказывать мужу свой сон, но и не успела бы этого сделать. Понтия вызывали жрецы Храма, чтобы он немедленно, прямо в это предпраздничное утро совершил бы суд над Иисусом.

Все протекало крайне необычно. Никогда такая толпа из членов синедриона не являлась с визитом прямо в Антониеву крепость, да еще и с самим арестованным, со множеством стражи и с целой толпой еще каких-то людей с улицы. Вчерашние арестанты, пойманные на убийстве с поличным, были доставлены скромно и тихо, вообще без специального уведомления префекта о случившемся. И никто не требовал немедленного суда над ними, все понимали, что дело подождет еще неделю до окончания праздничных дней. А тут такое раннее утро, такая толпа, такой шум, такая требовательность и настойчивость. И все по поводу осуждения того человека, который ничего преступного не делал, ни от кого не скрывался вот уже несколько лет, проводя всю свою жизнь на виду у людей.

Уже сам такой визит не предвещал ничего хорошего. Жрецы не вошли на этот раз даже на территорию крепости, просили Понтия лично выйти к ним за ворота. Молча выслушав официальное заявление Каиафы о необходимости срочного суда над опасным преступником, Понтий спросил:

- В чем же вы обвиняете его?

- Если бы он не был злодей, мы не привели бы его к тебе, игемон, - сказал Каиафа и добавил с извиняющейся улыбкой, - особенно в такое время.

- Он совершил что-то против цезаря и Рима? - спросил Понтий в лоб.

- По закону нашему он должен умереть, - вставил кто-то из священников, опередив Каиафу.

- Так, это по вашему закону? Ну, так и судите его сами. По вашему закону, - ответил Понтий и посмотрев Каиафе в глаза, добавил с расстановкой. - Не буду вам препятствовать.

Каиафа, конечно, прекрасно понял столь прозрачный намек, но видно было, что в данном случае у него с синедрионом было другое намерение и твердая решимость довести свое дело до конца.

- По закону цезаря мы не имеем право осудить кого-либо на смертную казнь помимо римской власти, - с той же улыбкой разъяснил первосвященник. - Мы должны и будем действовать только в рамках римского закона. Извини, игемон, но сейчас невозможно обойтись без твоего справедливого суда.

- И нельзя даже отложить это на неделю, пока пройдут праздники и разойдется народ?

- Отложить нельзя, игемон. Именно потому, что народ не разойдется. Если суд не будет совершен, волнение в народе будет нарастать. Ведь у этого человека достаточно сторонников и противников. Они будут требовать каждый своего, и спокойствие города будет разрушено.

- Игемон, мы ждем твоего правосудия, - послышались возгласы из толпы.

«Ничего, сейчас в суде развалим ваше гнусное дело», - подумал Понтий, с первых слов уже

догадавшись, что на него хотят повесить чью-то невинную кровь, а потом за нее же обвинить перед цезарем. Он велел созвать всех, кто требовался для проведения суда.

Пока шли приготовления, Каиафа негромко рассказывал Понтию суть обвинения:

- Этот человек называет себя царем, он самозванец и противник цезаря. Кроме того, он маг и чародей, и с помощью нечистой силы обманывает множество народа. Если его отпустить, он поднимет огромное восстание.

Понтий ничего не отвечал, обдавая жреца волной презрения и лихорадочно соображая, как бы опровергнуть заведомо абсурдное обвинение. «Какой он царь? – думал Понтий, - он вроде и не притязал на роль царя. Он пророк, а это по духовной части». Вдруг простая мысль мелькнула у него в голове: «Если эти жрецы ради праздника своего не могут войти во двор, то тем и лучше. Все судебное разбирательство проведем во дворе, в их отсутствии, а им объявлю только оправдательный приговор».

Во дворе крепости поставили помост, кресла, столы. Гармизий сел писать протокол. Все было, как положено. Понтий, все еще не входя сам во двор, стоя рядом со всей толпой, дал команду ввести арестованного и свидетелей, а ворота закрыть.

Внутри было потише, Понтий с облегчением выдохнул. Теперь перед ним стоял тот человек, которого еще недавно он, Понтий, видел на пике духовной силы и народной популярности. Видно было, что арестанта истязали, били по лицу и не только. Но взгляд его блистал прежней силою, как и в тот день, когда он веревкой выгонял торгашей с площади.

Понтий не успел еще открыть рот, чтобы начать, как сбоку тихо подошел Лонгин и шепнул ему почти на ухо:

- Клавдия передает, чтобы ты ни в коем случае не осуждал этого человека, никак не наказывал его. Она видела вещий сон. Так и сказала: не делай непоправимого.

Здесь нужно отметить, что римляне тех времен придавали снам, знамениям, словам пророков и оракулов, даже гаданиям по птицам и кишкам жертвенных быков, огромное значение. Верящий всему этому не считался суеверным, а не верящий знамениям и гаданиям считался не трезвомыслящим, а просто глупцом и безбожником. Понтий внутренне вздрогнул, все больше понимая, что сейчас по каким-то неведомым путям совершается важнейшее событие в его жизни. Впрочем, он быстро овладел собой, все еще полагаясь на свой ум и понимание закона и надеясь разрешить всю коллизию в чисто правовом поле. Проще сказать, он решил подыграть защите подсудимого, и при очевидной слабости обвинения, разрешить весь вопрос в нужном ключе.

Заседание началось. Кратко заслушали обвинителей. Все их речи сводились к главному: мол, этот Иисус называет себя царем. Пилат выслушал их молча. Последний свидетель обвинения сказал так:

- Я и мои друзья слышали, как Он говорил, что разрушит Храм наш и в три дня его восстановит.

- Он уже приступил к разрушению? – спросил Понтий с ехидцей. – А вот, мне первосвященник Иосиф говорил, что он Капитолий разрушит. То есть, Бог евреев это вскоре сделает. Может быть, мы первосвященника приговорим к смерти?

Свидетель смутился, Гармизий, писавший протокол, улыбнулся.

Увидев, что обвинители кончились, Понтий по обычаю провозгласил по латыни:

- *Auditur et altera pars!* – И сам перевел на греческий, - да будет выслушана и другая сторона.

Но защитников, желавших выступить на стороне Иисуса, просто не было. «Профильтровали толпу, негодяи», - подумал Пилат, понимая, что теперь придется защищать обвиняемого только с его собственных слов, что, конечно, затрудняло дело. И первый его вопрос мог быть только ключевым:

- Так ты действительно и есть царь Иудейский?

- Царство мое не от мира сего, - был ответ. – Если бы от мира сего было царство мое, то служители мои подвизались бы за меня, чтобы я не был предан жрецам. Но мое царство не отсюда.

- Так все-таки ты – царь?

- Ты говоришь, что я царь. Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине, всякий, кто от истины, слушает голоса моего.

- Что есть истина? – спросил Понтий и сам же ответил. – Каков бы ни был ответ, это понятие не юридическое. Ни один смертный не знает истину вполне и в чистоте. И ни один суд не занимается выяснением этого вопроса философии и религии. А что касается правосудия, - возвысил он голос, объявляя свое решение, - никакого состава преступления представлено не было. Подсудимый и не притязал, и сейчас не притязает на царствование в этом мире. Он не оспаривает прав ни у Антипы, ни у Филиппа, ни у цезаря. Просто своеобразно применяет общеизвестные слова. Вот и все его преступление. Он подлежит освобождению.

Понтий встал, и все собрание суда вывел к воротам. В три фразы он тоже самое свое решение огласил толпе евреев. В ответ поднялся невообразимый крик:

- Как можно отпускать без наказания такого самозванца, который даже сам на суде объявляет, что он – царь!! Он запрещает платить налоги цезарю! Он грозит уничтожить Храм! Он переиначил и оболгал весь Закон! Смерть ему! – слышалось со всех сторон.

- Откуда вы все это взяли? - спросил Пилат, встревоженный не на шутку.

- Так он уж третий год всему этому учит, от Галилеи до Заиорданья! Это ты, игемон, в своей Кесарии ничего не слышишь, - теряя приличия, почти прокричал Каиафа.

- Так-так, - остановил его Понтий, кажется, нащупавший спасительную соломинку. – Откуда он родом?

- Галилеянин, как и многие смутьяны оттуда, - ответил Каиафа.

- Ну, вот, - парировал Понтий. – Здесь он только появился, а все ходил по Галилее, да по Иорданской стороне. А ведь это не моя зона ответственности. Там есть свой царь, свой суд. Ирод Антипа никак не приветствует мое вторжение в дела на его территории. Если этот человек – его подданный, то как вы в обход тетрарха приводите его ко мне на суд? Правосудия хотите? Так и поступайте по правосудию. Уважайте субординацию. Я не имею права, и не буду судить подданных Антипы, тем более, когда он сам в городе.

Увидев замешательство противников, Понтий сказал Гармизию:

- Покажи тетрарху протокол допроса, и скажи, что я лишь после окончания процесса узнал, что сужу не своего подданного. По этой причине я аннулирую свое решение и передаю все дело на рассмотрение тетрарха. Обвиняемый – его подданный, и вменяемые ему действия совершал на его территории. Что-нибудь еще неясно? – обратился он к толпе. – Ступайте!

- Далеко идти нам не придется, игемон, - прошипел в раздражении Каиафа. – Ирод Антипа сейчас находится здесь, в своем дворце.

Понтий повернулся и, не отвечая, вошел внутрь двора. Двери закрылись. «Хотя бы позавтракать можно, - подумал Понтий. – И что они в него так вцепились, змееныши эти?»

За завтраком он повторил Клавдии этот вопрос, и она ответила:

- Я не знаю... Это неважно. Важно не дать им ходу. Умоляю тебя: пожалуйста, не попятясь перед их напором, если они еще вернутся.

- Ты думаешь, Антипа возвратит их сюда?

- Чувствую, что это может быть. Понтий! Сердце мне подсказывает, что сегодня может произойти что-то ужасное. Над нами сгущаются тучи. Важно, чтобы протокол суда остался у нас. Антипа – змей не лучше этих. С любой стороны может прийти какая-то подлость.

Договорить они не успели. За воротами опять послышался шум. Та же толпа возвращалась. Понтий пожалел, что расслабился и не был готов принять новую опасность. Он совершенно не знал, что ему следует предпринять дальше.

Жрецы передали ему отказ Ирода Антипы решать это дело. Сам тетрарх тоже уклонился от вынесения

обвинительного приговора. Это еще больше встревожило Понтия.

«И этот змей тоже чувствует, что на него хотят чужие грехи повесить, - думал он, - и тоже не хочет ловить этот кровавый мячик, которым мы друг с другом тут перебрасываемся. Кто ж первым сдастся?»

Антипа между тем передавал Понтию слова своей признательности за подчеркнутое уважение к его власти. «Поди ж ты, как мы все тут власть соседа уважать-то начали! Змееныши вдруг о законах цезаря радеют, так вдруг стали уважать его право меча, так полюбили римский суд. Этот змей мои права вдруг признавать начал, даже на своей территории. Друзья мы с ним теперь и соправители получаемся⁵³. Тьфу, какая гадость...»

Между тем, толпа за это время явно накалилась, жрецы тоже немного устали и пришли в еще большую ярость. Лукавых улыбочек на их лицах больше не было. Они настойчиво повторили требование произвести суд заново.

- Это невозможно, - на этот раз твердо сказал Понтий. – По крайней мере, невозможно сегодня. Если через неделю появятся новые свидетели, тогда посмотрим.

Но жрецы не были настроены на отсрочку. Похоже, отсрочка их не только раздражала, становясь поперек их воли. Отсрочка их чем-то пугала. Они требовали от Понтия перестать укрывать врага цезаря, оправданного в первой инстанции его суда.

- Я могу передать это дело выше, прокуратору Сирии Вителлию, - предложил Понтий.

- В Антиохию его вести? Да он по дороге десять раз сбежит! Он же колдун. Сегодня как-то его сила, кажется, всего на день оставила его. А завтра он вот

так, как ты видел, возьмет веревочку и раскидает вооруженную стражу.

- Хватит сочинять всякую ерунду! – прервал Понтий. – Какие там веревочки! Избили человека ни за что, - он даже сдачи вам не дал.

- Как это ни за что! Мы прочитали протокол твоего суда. Он на твоём допросе заявляет, что он царь! Кто его короновал? Ты – друг цезаря или покровитель самозванца, врага цезаря?

- Он не враг цезаря. Просто болтун. Вы же сами видите, никакого бунта он не замышлял.

- Нет, когда вокруг него соберется толпа противников цезаря, никто не станет разгадывать его загадки, от сего мира или не от сего его царство! Игемон, ты с ума сходишь, отпуская врага цезаря без всякого наказания!

- Наказать его, пожалуй, можно. Чтобы впредь язык не распускал, - согласился Понтий, отчасти и сам поверив жрецам. – Ладно, наказав его, отпускаю.

И он дал команду профосам, чтобы провели обычное бичевание. Попросил только пожалеть его, уже и без того избитого. Профосами назывались воины не строевой части. Это были не legionеры, в бой они не ходили, набирались они не из римлян, а в данном случае из сирийцев, а занимались всякими грязными работами, в том числе и палаческими. На стройке водопровода им уже надоело работать, и они были совсем не прочь поиздеваться над кем-нибудь из евреев. Теперь такой случай им представился. Пока Понтий продолжал отбиваться от наседавших еврейских обвинителей, они переусердствовали в исполнении его команды.

Вновь уступив евреям, Понтий по ходу дела придумывал новый способ уклониться от ответа.

Пока члены синедриона обвиняли Иисуса, в толпе вдруг раздались новые возгласы. Гармизий прислушался, а затем тихо на ухо Понтию сказал, что народ требует ради праздника отпустить им одного узника. Пилат обрадовался открывающейся возможности и послал воина на задний двор, чтобы прервать экзекуцию.

Но было поздно. Профосы не только поусердствовали своими флагрумами (бичами для жестокого избиения), но и успели обрядить Иисуса в шутовской, как бы царский наряд, в красную тряпку, изображавшую царскую мантию, а на голову ему надели некое подобие царского венца, сплетенное из колючего кустарника. Вот в таком виде Иисуса вывели после экзекуции. Он уже едва стоял на ногах.

Раздвинув группу жрецов, Понтий вывел его к народу. Он надеялся, что люди, наконец, пожалеют избитого человека, вполне насытившись видом его крови.

- Вот этот человек, - обратился к народу Понтий. – Он уже жестоко наказан, даже если и совершил какой-то проступок. Я исследовал его дело, и не вижу тут ничего достойного смерти. И не только я. Ирод Антипа, подданным которого он является, тоже не нашел в этом человеке ничего достойного смерти. Я слышал от вас требование отпустить одного узника ради праздника. Хотите ли, отпущу его вам?

- Не этого, - отозвалась толпа, - а Бараббу.

Гармизий перевел. Понтий не сразу догадался, о ком идет речь.

- Ну, эти вот, вчера захваченные, - наконец понял Гармизий. – Они хотят отпустить им одного из этих негодяев.

Понтий побелел, как стена. Крик усиливался. Толпа скандировала по слогам:

- Бар- раб-ба!! Бар-раб-ба!!

- А с этим что делать? – спросил Понтий, не подумав, что сам такой вопрос показывает его отступление и сдачу.

- Распятъ его! - взревела толпа.

- Но он же невиновен, - снова оправдывался Понтий, но тщетно. – Распятъ вашего царя?

- Нет у нас царя, кроме цезаря, - ответили из группы жрецов.

Еще одно новое слово вставил вдруг один из них:

- Он должен умереть по нашему закону потому, что выдавал себя за сына Божия!

Тут, наконец, Понтию стал ясен весь смысл их требования. Потому-то они и хотят немедленно убить этого человека! Перед ними какой-то особый посланник свыше, и жрецам позарез нужно его устранить, но только чужими руками, потому что они смертельно боятся гнева небес. Понтий взял новую паузу, объявив, что произведет дополнительный допрос.

Во внутреннем помещении, оставшись наедине только с Иисусом и Гармизием, он дал узнику вина с водою и спросил его:

- Скажи, откуда ты на самом деле? Ты чей посланец?

Узник, с трудом стоявший и дышавший, молчал.

- Почему ты не хочешь защититься? – повторил Понтий. - Почему ты молчишь на суде? Хоть сейчас скажи мне наедине, кто ты? Неужели не понимаешь, что у меня сейчас в руках вся власть: распятъ тебя или отпустить?

Они встретились глазами. Один – облеченный внешней властью, но загнанный сейчас в угол. И другой – избитый и связанный, но по-прежнему свободный и бесстрашный внутренне. В глазах Иисуса сверкнула понимающая улыбка. Улыбка сочувствия, и сострадания. Он заговорил по-арамейски, Гармизий переводил:

- Ты не имеешь надо мною никакой власти, - медленно, с трудом владея языком, проговорил Царь римскому чиновнику. А взгляд его пояснял: как ты сам до сих пор этого не понял? – Никакой власти, кроме той, что дана тебе свыше. Посему больше греха на тех, кто предал меня тебе.

- Ты не хочешь свободы? Ты хочешь быть распят? – в ужасе говорил Понтий. – Ты что, велишь мне выписать тебе смертный приговор?

Но узник больше не отвечал. Он сомкнул глаза, как бы соглашаясь с вопросами Понтия, освобождая его от ответственности. Пилат вдруг понял всем своим существом, что он на этом суде давно уже не председательствует. Процесс ведется более высокими силами.

Между тем, толпа перед крепостью бесновалась, смятение увеличивалось. До Понтия под конец дошло, что жрецы привели тех, кого в Риме называли бы клиентами. Прихвостни жрецов. Случайных людей здесь нет, сторонников Иисуса ждать бесполезно. Отпустить его на волю, такого, полуживого, все равно, что отдать на растерзание этой самой толпе. Отсрочить приговор они не дадут. Понтий еще раз взглянул на узника. Казалось, тот желал теперь только одного: не задерживать то, чего нельзя остановить.

Ужас парализовал Понтию волю. Он не видел выхода. Он понимал, что всеми и всем принуждается к совершению ужасного дела, и только небеса могли бы здесь вмешаться, а человеческие силы тут бессильны. Последнее, что он смог сказать узнику:

- Да, ты прав, власти над тобою у меня нет. Да поможет тебе твой Бог! Только Он теперь может спасти тебя.

Они снова вышли к судейскому помосту. Понтий деревянным голосом провозгласил:

- Освободите этого Барабаса.

Уголовник с ликующим криком скрылся в ликующей толпе. Наступало время произнести самое страшное слово. Понтий вдруг попросил умывальницу. Пока слуга пошел за нею, он выдавил из себя:

- Иисус из Назарета, глаголемый Царь Иудейский, приговаривается к смерти за оскорбление величия.

Тут умывальница оказалась рядом с ним. Понтий погрузил руки и отряхнул их на толпу:

- Я не виновен в крови праведника сего. Это ваше решение, ваша ответственность, на вас эта кровь пусть и останется.

Толпа немного притихла, раздались лишь отдельные голоса.

- Что они говорят, - спросил Понтий у Гармизия.

- Подтверждают, что его кровь останется на них.

- Пусть останется. Лонгин, отряжай профосов. Оставшихся двух мерзавцев только не отпустите, туда же их, пока эти негодяи и их еще не выпросили на свободу.

В душе Понтия бесконечный ужас сменился ужасным концом. Дальнейшего он уже не

контролировал. Ушел внутрь здания, закрылся в кабинете и охватил голову руками:

- Боже Израиля, - впервые в жизни обратился он к этому неведомому Богу, - спаси своего посланника, если ты все это дело держишь в своих руках, а меня не наказывай, прошу тебя, у меня не было возможности спасти его.

Через пять минут, когда толпа, окружавшая теперь профосов и осужденных, двинулась в путь, он позвал Гармизия.

- Напиши табличку с указанием вины. Коротко напиши, но на трех языках: Иисус Назарянин, царь Иудейский. Пусть читают и знают, кого они осудили.

Во дворе все стихло. День приближался к полудню.

Понтий, разбитый и обессиленный, просто сидел и ничего не делал. От обеда он отказался. Клавдия, видевшая все в окошко, отказалась с ним разговаривать. Запершись в спальне, она только плакала и молилась. Неизвестно кому.

Около часа спустя прискакал гонец, посланный Лонгином для проверки.

- Что там? – спросил Понтий.

- Все по порядку, как положено в таких случаях, - сказал гонец. – Только вот евреи возмущались, почему табличку такую ты велел написать. Мол, надо было написать, что просто самозванец.

- Что написал, то и написал, - отрубил Понтий. – Ух, змеиное отродье... А они что, там что ли?

- Поначалу были там. Сейчас вроде стали расходиться.

- Убедились, что никто не сбежал?

- Наверное. Посмеялись над ним, конечно.

- Их Бог над ними посмеется, - проворчал с ненавистью Понтий, отпустив гонца.

Прошло совсем немного времени, и стало по-настоящему страшно. Над городом повисла какая-то необъяснимая тьма среди белого дня. Похоже, солнце закрылось тучами, но были они настолько темными и непроницаемыми, что все пришли в ужас. Так не бывает и при самой густой облачности. Стало нестерпимо душно. Понтий вышел на воздух. Тяжелые сумерки сгустились на пять часов раньше, чем им было бы положено. В Храме готовились к принесению вечерней жертвы, а пока массово резали ягнят к празднику. Вдруг какой-то глухой удар грома потряс все вокруг. Несколько мгновений спустя со стороны Храма донесся протяжный вопль многих голосов, слившихся в единый гул.

- Боже, кто бы ты ни был, но Ты – наилучший и величайший. Я не смог оказаться героем, но я готов принять свое наказание, - прошептал Пилат, повернувшись к Храму. Затем он скомандовал проходившему мимо воину:

- Сбегай на колоннаду, посмотри, что они там воют.

Через несколько минут воин вернулся:

- У них там разорвалась пополам церковная завеса. Сама порвалась, никто ее не трогал. Вот так, - он показал пальцем, - сверху вниз. Открылось их святилище, которое у них закрыто всегда. Сейчас они пытаются там какими-то тряпками ее опять закрыть.

- Это Бог ушел из их святилища, порвав закрывающую завесу? – спросил Понтий совершенно серьезно.

- Не знаю. Возможно, - отвечал воин тоже без тени смеха.

Прошло еще немного времени и стало как будто светлеть. Удушливая тьма медленно отступала. Перед воротами оказались двое священников, просили два слова спросить у префекта. Понтий пригласил войти, решив, что если не войдут, нечего с ними и разговаривать. Они вошли.

- Игемон, первосвященник просит не оставлять тел казненных на крестах, ибо это оскверняет землю, приближается праздничная ночь.

- Тел нельзя оставлять, а казнить невинных чужими руками – это можно, это - пожалуйста? – раздраженно ответил Пилат.

- Игемон, - сказал другой из старцев, - мы не участвовали в их несправедном совете. Но в данном случае просьба оправдана, она не преступна. Это добрая просьба. Разрешите мне похоронить его. Он уже умер.

Разъяснять Понтию, кто этот «он» не требовалось. Совсем иным показался Понтию этот проситель, он даже пожалел, что начал разговор с грубости.

- Ладно. Пожалуйста, - ответил префект спокойно и спросил. – А он тебе родственник?

- Ну, да, почти, - замялся старец. – А главное, мой фамильный склеп, приготовленный мною для себя и своих родственников, находится близко от места казни. Это место подойдет для погребения Праведника.

На глазах Пилата едва не выступили слезы:

- Ты тоже считаешь его праведником? Спасибо. Идите с миром, сделайте все, как у вас положено. – На минуту у него мелькнула мысль пожать им руки, но он вспомнил, что это нельзя.

Старцы ушли. Понтий позвал Лонгина. Ему сказали, что Лонгин там, на месте казни. Больше

поручать было некому и нечего. Клавдия закрылась у себя и не отзывалась. Понтий бесцельно бродил там и сям, ожидая какого-то удара с небес.

Лонгин прибыл уже после заката.

- Да, пришли эти двое жрецов, - докладывал он. — Иисуса унесли в его склеп. Там действительно недалеко, шагов двести. Двух других там же закопали просто в яме. Но этот человек, действительно, праведник. Умирал с молитвой. Я, конечно, не понял их языка, но, действительно, Бог был с ним. И солнце померкло. Так с простыми смертными не бывает.

- В этом-то и весь ужас, - отозвался Понтий. Сейчас ему требовался хоть кто-нибудь, кому можно сказать пару слов от измученного сердца. — И мы соучастники в смерти Праведника. Тут знаешь, в это же время завеса у них в Храме порвалась. Сама собою порвалась, без всякой причины. А скажи: что-нибудь еще там было? Почему Бог так отметил своего праведника, но не заступился за него?

- Да ничего там не было такого. Темнота только, а остальное все, как обычно. Видел, как гвозди в живое тело вгоняют?

- Значит, надо думать, отмщение отложено?

- Прости, Понтий, мне страшно обо всем этом говорить. Нужно просить их Бога о помиловании. Мы сейчас все в его ладони. Одним движением он может раздавить нас. Будем надеяться, что начнется все-таки с них, - он махнул рукой в сторону Храма. — А нам уж остатки...

- Остатки Его гнева? Нам и остатков хватит на вечное мучение.

На другой день, Понтий все-таки добился, что жена вышла к нему, изможденная, с мешками под глазами, опухшая от слез и бессонницы.

- Как ты мог, Понтий? Сколько еще ты будешь пятиться перед этими гадами? А завтра они потребуют меня на изнасилование и распятие. И тоже бунтом пригрозят. Ты отдашь меня им? Когда ты им откажешь наконец жестко? Ты поставил нас самих под проклятие их Бога. Теперь нам трястись всю жизнь. И после этой жизни. А детям нашим как может отомстить их Бог? Тебя еще Валерий просил... - и она снова уткнулась в мокрый платок.

- Клава, прости, но ты всего не слышала и не видела. Ты и половины там не разобрала. Я перепробовал все способы. Но я не мог его спасти. Отпустить его нельзя было – они сами убили бы его за первым углом. Сохранять его в темнице – это не только доносы напишут, но они уже и гарнизон разлагали, всем воинам накричав, что я специально укрываю врага цезаря. Он упорно при свидетелях и под протокол заявлял себя царем. Тут нет возможности объявить его невиновным.

- Ну, ты мог что-то придумать? Отправить на суд Вителлия. На суд цезаря, наконец.

- Он не римский гражданин. Судить его не цезарю. Тут с себя ответственность не спихнешь. Не знаю, может быть, я упрятал бы его в крепость на время, хотя это и опасно, но тут другое. Я говорил с ним наедине. Он совершенно не хотел себя защищать. И другой никто его не защищал. Он подтвердил главное против него обвинение, сказав, что он царь. А когда я спросил его, из каких миров он сюда пришел, то он ответил, что власти у меня над ним нет, и что весь грех на них. Я переспросил: ты хочешь умереть? А он

молчит, почти кивает. Хоть чуточку его воли к жизни и к свободе, - я бы помог ему. Но это меня просто убило. Его смерть решена небесами, Клава. Я не знаю, за что и почему. Это самый настоящий рок.

Клавдия слушала с новой порцией ужаса в глазах.

- Но если ты не мог спасти его жизнь, то ведь хотя бы мог избавить его от этих ужасных мучений! Зачем ты его бичевал?

- Хотел таким образом отпустить его на свободу по народной амнистии.

- Опять малой кровью предотвратить большую? Видишь, не сработало это! Малой кровью только начал проливать большую. А просто заколоть его мечом где-нибудь в углу не мог? Зачем распинать-то было?

- Да не знаю... Тут признаю, я сделал грех. Какое-то оцепенение нашло. Я вообще не подумал о способе казни.

- Не будет нам теперь прощения. Ты изувечил в один день всю нашу жизнь, свою, мою, жизнь детей. Если это праведник, то небеса не оставят без отмщения его кровь. И здесь трястись будем, пока не умрем, и там в аиде нас в одну яму посадят с этими гадами. Ну как на тебя надеяться дальше? Как жить-то с тобой после этого?

Тут их разговор прервал вошедший Лонгин.

- Опять притащились эти... Набожные. Прсят поговорить.

- Если хотят, пусть сюда войдут, если им слишком надо. За ворота не пойду. - И повернувшись к жене, добавил: - Извини.

- Да что толку тебя прощать да извинять. Всю жизнь нашу угробил. Здесь и там, - сказала она, выходя из комнаты.

Вошли Каиафа и с ним еще двое. Вид у них был отнюдь не ликующий. Видно, порванная завеса навела на них довольно сильную народную молву.

- Игемон, мы слышали, как этот лжец, еще будучи жив, обещал, что в третий день воскреснет, - начал Каиафа, но Понтий злобно перебил его:

- Но если он лжец, что ж вы так о словах его трясетесь⁵⁴? Что даже не боитесь оскверниться, заходя в дом к скверному язычнику? Субботу свою великую нарушаете! Что прошли двадцать лишних шагов! Вы только кровь неповинную проливать не боитесь...

- Дело не в этом, - продолжил Каиафа, не моргнув глазом, - а в том, что ученики его, вспоминая это предсказание, могут украсть его тело из гробницы. А потом скажут, что он воскрес. И эта ложь будет больше первой. Так вот, просим тебя, прикажи охранять его гробницу еще хотя бы два дня.

- И у вас хватает наглости все это мне теперь говорить? – взмахнул Понтий кулаками после драки. – Вам мало, что вы из меня вытянули этот проклятый приговор? Теперь сами преступления своего убоялись? Ты нам казнь организуй, ты нам труп посторожи... Что за требования такие? В конце концов, у вас своя стража есть, сами и охраняйте, как знаете. А моих людей больше не просите и не смейте трогать! – И, чуть помолчав, добавил в след уже уходившим. - Да, покажите Лонгину, где будет ваш новый пост, чтобы ночью караулы наши и ваши друг друга узнавали и не сталкивались. Ступайте прочь!

Этот день стал самым черным в их жизни. Клавдия с мужем больше не разговаривала. Делать было нечего. Казалось, вообще никто и ни с кем говорить не хочет. Все только и ждали, когда снова свет

померкнет, ударит гром и произойдет еще что-то худшее.

Глава 9. Тело пропало

Новости принес рассвет.

С городских ворот, выходявших к месту казни, прибыл к Лонгину посыльный и сообщил, что этими воротами перед рассветом почти вбежали трое растерянных еврейских стражников, поставленных охранять могилу Иисуса. Они были без разводящего, очевидно, они просто сбежали с поста. А перед этим со стороны могилы слышался какой-то странный шум. Бежавших спросили, что случилось, нужна ли помощь, они ответили что-то невнятное и с той же скоростью направились к Храму. Это насторожило весь римский караул. Поскольку еврейский пост был недалеко, то одного из римлян послали быстро проверить, что случилось. Он увидел, что камень, закрывавший вход в этот склеп, отброшен, и стражников действительно нет на месте. В сам склеп он не входил, ибо было темно, и немедленно вернулся. Тогда и был направлен посыльный к Лонгину.

Лонгин не стал медлить и будить Понтия. Он быстро собрался и, взяв с собою трех воинов, немедленно отправился к помещению храмовой стражи. Там он мягко, по-дружески осведомился, что случилось, какая требуется помощь, и кто был на том посту. Через полчаса ожидания ему вывели троих дрожащих стражников, которые сообщили, что заснули на посту, а когда проснулись, то оказалось, что камень от склепа отвален, а тело казненного украдено. Лонгину это все показалось очень

подозрительным. Но внешне он сделал вид, что поверил и пригласил этих стражников пройти с ним на место, чтобы показать, где они спали. Это требовалось, - добавил Лонгин, - для расследования дела, чтобы по следам опознать похитителей.

Отказать Лонгину не смогли. Он провел свидетелей на место, но там разделил их. Взявши поочередно каждого из троих, он опросил их по отдельности, где именно тот лежал и спал. Оказалось, что на сам камень, закрывающий склеп, прилечь не догадался никто. Но самое главное, что все трое разошлись в показаниях. Все путали места своей спячки.

Лонгин, однако, и глазом не моргнул. Он достал клочок папируса и, угольком нарисовав план этого места, пометил на нем несколько точек. После этого все отправились в город, но по дороге Лонгин столь же мягко и вежливо пригласил стражников пройти в крепость. Трое невооруженных стражников-евреев не смогли отказаться от такого предложения, сделанного четырьмя вооруженными стражниками-римлянами. Через полчаса вся компания сидела уже в караульном помещении, ожидая разбуженного Понтия.

Когда он пришел, Лонгин положил на стол свой чертеж и, так сказать, выложил все карты.

- Итак, - говорил он, тыча тростью в папирус, - первый из них, показал, что он спал здесь, второй тут, а третий вот там. Второй указал соответственно вот эти три места, а третий – еще новые. Вот видите, братцы, - обратился он к евреям, - вы сейчас явно запутались, потому что вы лжете. Причем мы это выяснили без всяких допросов, без пытки, вас никто ни к чему не принуждал. Вот, пожалуйста, сейчас

объясните игемену честно, что произошло на самом деле.

Смущенные и подавленные стражники переглянулись, и один из них ответил:

- Мы дремали по очереди, потому что вообще не понимали, что мы тут охраняем и от кого. Но один из нас все время ходил, чтобы не заснуть и не пропустить приход разводящего. Вот, когда они сидя дремали, а я ходил, внутри склепа начался какой-то странный шум, гул, блеснул какой-то свет сквозь щели. Мы все трое вскочили и отпрыгнули от камня. Это нас и спасло. Камень отлетел от входа, словно его отшвырнули сильным толчком изнутри. Свет внутри тотчас же погас, и все мгновенно стихло. Последний звук был от остановки камня. Мы были в полном ужасе и сколько-то времени не могли двигаться и говорить. Но ничего не происходило. Тогда мы поговорили, решая, не положить ли нам камень на место. Втроем при помощи рычагов, может быть, мы смогли бы это сделать. Но сначала решили заглянуть внутрь. В сторонке у нас был масляный светильник, и он не погас. С ним мы осмелились заглянуть внутрь, и увидели, что там только саван лежит, а тела в нем нет. Не заходя дальше в склеп, мы сразу же пошли доложить начальнику нашего караула, что охранять больше уже нечего.

- Ну, положим, вы не пошли, а побежали, - поправил Лонгин, - а дальше что?

- Кто вам велел говорить неправду? – вмешался Понтий.

- В караульном помещении нас закрыли втроем, а начальник наш вызвал кого-то, куда-то кого-то послал. Затем пришел и велел нам везде говорить, что мы спали.

- У нас в армии за сон на посту – смертная казнь, - напомнил Лонгин. – Не знаю, как у вас, но я сразу понял, что вы лжете, потому что ни один караульный, даже на месте пойманный, никогда не признается в том, что спал на посту. А тут трое хором сами себя так оговаривают. Это крайне подозрительно.

Тут кто-то доложил, что пришел человек от синедриона как раз по поводу этих стражников. Понтий велел ввести его непосредственно сюда, в караулку. Вошел, по-видимому, священник, одетый наскоро, и видно сам не понимающий, как ему нужно тут себя вести. Понтий помог ему выйти из затруднения, взяв слово сам.

- Мы как раз тут обсуждаем, что произошло у склепа, где был положен этот казненный Иисус. Стражники ваши пытались было лгать нам, будто они спали, а камень отвалили и похитили тело какие-то неизвестные люди. Наш центурион провел перекрестный допрос на месте преступления, уличил их в том, что все они разошлись в показаниях, а затем они прямо здесь рассказали все, как было на самом деле. Ты уже знаешь их правдивый рассказ?

Священник только утвердительно кивнул.

- Прекрасно, - продолжал Понтий. – Я не советую вам когда-либо и по какой угодно причине лгать представителям римской власти при исполнении ими служебного долга. Мы должны знать всю правду и полную правду, какой бы она ни была. Вместе с тем, - продолжил он, снизив тон, - я понимаю, что в городе совершенно не нужны никакие слухи, будоражащие народ. Более того, я согласен с вашим решением, с решением храмовой стражи или членов синедриона, чтобы дальше эти люди побольше молчали, и только в самом крайнем случае

рассказали бы вашу версию о своем сне на посту. Хорошо! Не станем возбуждать в народе излишнее любопытство. Но при этом запомните все и навсегда: для представителей римской власти никаких таких маскировочных версий не должно предъявляться никогда! Я понятно все объяснил?

- Да, игемон, все понятно. Ты принял мудрое решение, - сказал священник.

- А вы, караульные, запомните навсегда: если бы вы были моими подчиненными, я бы строго спросил с вас даже за такой проступок. Но у вас начальство свое, пусть оно и разбирается. Вы хорошо запомнили, что надо вам говорить для всех, кроме меня? Четко договоритесь, кто где спал, - добавил Понтий с усмешкой. – Не будьте болтливы, никогда первыми не начинайте разговор об этой ночи. Да продлит ваш Бог ваши дни. Можете идти.

Когда они выходили, Понтий с усмешкой сказал Лонгину по-латыни:

- Клянусь Юпитером, очень удивлюсь, если они проживут на свете дольше, чем пару недель.

- Хоть на наших руках их крови не будет, - ответил Лонгин серьезно.

Пришедший священник рассыпался в благодарностях Понтию за мудрое решение. И добавил:

- Пусть это же говорят и ваши воины, все кто стали свидетелями всего произошедшего. А еще совет наш просил вам передать вот это, - он вынул достаточно тяжелый мешок с монетами, - на постройку водопровода и ... ну, и на другие расходы по вашему усмотрению.

- Купить нас хочет, змей, - сказал с улыбкой Понтий Лонгину тихо и по-латыни, а повернувшись к священнику добавил с улыбкой по-гречески:

- Передай совету мою благодарность, и то, что мы непременно внесем всю эту сумму в общую смету по строительству.

Священник с поклонами удалился. Понтий сказал Лонгину, оставшись наедине:

- Лонгин, ты молодец! Ты просто всех превзошел. И как ты догадался так мягко и ловко их разоблачить? Просто великолепная операция.

- Пусть знают, что мы все знаем. Но сейчас важнее другое. Что произошло там на самом деле? Второй их рассказ гораздо больше похож на правду. Гробница опустела без помощи человеческих рук. Что это значит?

- Я думаю, нам стоит еще раз сходить туда. Только сначала хорошо бы разыскать ее хозяина, этого старца, что просил позавчера похоронить тело Иисуса. Как бы только сделать это не через их совет? Чтобы гадюшник этот не ворошить?

- Думаю, сегодня он сам там обнаружится. Люди эту гробницу заметят, и слух разнесется.

- Хорошо. Не станем тогда его специально разыскивать. Но за этим местом следует установить наружное наблюдение издали. Кто пришел, зачем пришел, как себя ведут. Нужно осматривать это место из незаметного укрытия.

- Будет сделано, - отвечал Лонгин и отправился выставлять посты.

Но в коридоре его перехватила Клавдия, тоже встревоженная поднявшимся шумом. Лонгин вкратце объяснил ей, в чем дело.

- Так ты сейчас поставишь туда нашего наблюдателя? – спросила Клавдия.

- Да.

- Подожди буквально несколько минут. Мы пройдем с вами, я и Терция. Под вашей охраной.

- А что префект?

- Не надо ему ничего говорить. Он уже свое дело сделал. Хуже нам уже, кажется, ни от чего не станет.

Позвав Терцию, Клавдия с ее помощью за несколько минут переделалась еврейкой. Тщательно надвигая на лицо головное покрывало, она инструктировала рабыню:

- Идем молча за воинами. Если кто-то что-то спросит, ты отвечай на ходу. Ничего не говори, куда идем. По делам идем – и все. И не отстаем, не останавливаемся.

Так они и вышли. Безмолвно прошли городские ворота и стали приближаться к месту погребения. Там был небольшой сад. Лонгин, хорошо осмотревшись, тихо указал воину его позицию. Тот тоже был переодет евреем и только под одеждой держал свой меч. А Клавдия с Терцией, ничего не говоря ни Лонгину, ни друг другу, подошли к склепу.

То была маленькая пещера, вырубленная в твердом грунте. В нее могли бы войти, пригнувшись, два взрослых человека. Вход в пещерку (правильнее было бы назвать его лазом) был сейчас открыт. Он был устроен чуть ниже уровня земли и действительно прежде прикрывался тщательно подогнанным камнем, который теперь лежал в нескольких шагах. Камень был не просто откатан в сторону, он был предварительно поднят вверх из этой ямы. Размер валуна был таков, что скатить его вниз, наверное,

смогли бы трое мужчин, но поднять его наверх, где он сейчас лежал, было бы намного сложнее.

Женщины застыли у входа, не зная, что делать. Между тем солнце уже было довольно высоко, чтобы все внутри можно было разглядеть без светильника. Клавдия заглянула внутрь. По бокам от тесного входа было устроено два невысоких ложа, как бы полки, на каждую из которых можно было бы положить взрослого человека. Под полками были вырублены еще несколько ниш. В них предполагалось убрать кости погребенного человека через несколько лет.

Первое, что удивило Клавдию, это был запах. Настроившись обонять запах трупа, она просто поразилась благоуханию, исходящему из склепа.

- Это чем пахнет? – спросила она у Терции.

- Смирной и алоэ, - ответила та. – У нас положено и тело помазывать, и вокруг него класть эти вещества. Это ароматы специально для погребения.

Только теперь Клавдия заметила, что в склепе, на одной из полок, лежат куски материи, пропитанные этими самыми ароматическими составами. Собственно главным из них было широкое полотнище, покрывавшее прежде все тело, а кроме него три или четыре широких ленты, связанные узлами.

- А это что?

- Наверное, погребальные пелены, - ответила Терция и добавила как бы по привычке. – Их нельзя трогать, они нечистые.

Клавдия молча посмотрела на ткань полотнища. На нем, действительно проступали контуры тела. По-видимому, оно все было облито или забрызгано кровью, проступавшей изнутри сквозь белое льняное полотнище. Приглядевшись, Клавдия поняла, что

этот погребальный саван еще вдвое больше. Тело было положено на одну половину этой широкой ленты, а другая ее половина была перекинута сверху, через голову, и закрывала переднюю часть тела. Было ясно, что теперь внутри савана тела нет. Но при этом саван был перехвачен тремя широкими повязками, которые не были ни развязаны, ни разрезаны, ни порваны. Тело не могло исчезнуть из такого савана при помощи человеческих рук. Оно из савана словно бы испарилось.

Пока Клавдия все это сообразила, она успела дотронуться руками до завязанных лент. Завязанные петли были целыми. Терция не могла удержаться от предупредительного шепота:

- Не надо, госпожа.

- Да я уж сама по себе нечистая, - отозвалась Клавдия. — Хуже, чем я сейчас наказана, меня наказать невозможно.

Сняв, не развязывая эти ленты, Клавдия развернула ткань и взглянула на внутреннюю сторону. Она не смогла сдержать тихий вскрик удивления. С внутренней стороны перед нею были два четких отпечатка тела, верхней и нижней половины, оба нанесенные человеческой кровью. Отпечатались пронзенные ноги – язвы от гвоздей там были видны особенно ярко. На верхней половине савана отпечатались и руки, тоже пробитые гвоздями в запястья. Но самым удивительным был отпечаток лица. Он получился подобным портрету живописца, с волосами, с бородкой, с закрытыми глазами. В нем действительно можно было узнать того человека, которого Клавдия видела неделю назад с колоннады и во дворе крепости. Повернув лик на свет, к входу, она тихо шептала:

- Это он, это точно он...

Затем, обретя дар речи, она спросила Терцию, все еще стоявшую у входа:

- А что сделают с этой тканью и повязками?

- Не знаю.

- А что с ними положено делать? – задала Клавдия глупый вопрос, плохо соображая от неожиданности.

- Ну, через три-пять лет при очередных похоронах другого человека в эту же могилу, кости покойника промывают и убирают в кувшин, в этих же нишах под ложем, а остатки ткани сжигают, как нечистое.

- Нет, я не дам это сжечь, - твердо ответила Клавдия. – Ко мне эти ваши разговоры про нечистоту не относятся, я язычница, более нечистой мне быть уже некуда.

С этими словами она тщательно свернула всю ткань и перевязала теми же погребальными лентами⁵⁵.

- Если хозяин могилы это возьмет, - говорила она сама с собой, - значит, отдам ему. С условием, что сжигать не будет. А нет, - так оставлю себе на память. Для защиты... Клавдия вышла из склепа, щурясь на солнце и неся свою ношу. Она тотчас поправила головное покрывало и сказала Терции:

- Пошли.

То было вовремя. К гробнице со стороны города вдалеке приближались еще две фигуры. Женщины не хотели ни с кем связываться и даже разговаривать, они быстро исчезли по другой тропинке. Они только заметили, что невдалеке виднелись стоящие рядом три пустых креста.

До ворот женщины добрались без единого слова. Здесь их ждал Лонгин. По дороге в крепость Клавдия

спросила его по-латыни, чтобы служанка не слышала:

- Конечно, никто этого тела не крал, никакой человек в гробницу не проникал. Тело невозможно было достать из этих пелен, если ничто из них не разрезано и не развязано. Ты совершенно прав, что не поверил стражникам и заставил их под конец сказать правду.

- Да, он исчез из этого склепа только каким-то божественным, чудесным путем. Он подлинно сын Божий.

- И тогда что получается? Где он теперь-то?

- Да кто ж это знает.

- То есть, он жив? Или тело куда-то перенесено Божьей силой?

- Госпожа, это выше моих сил и моего разумения. Глупую басню, человеческую выдумку, я разоблачил, и это было нетрудно. Но Божии дела проследить смертный не в силах.

- Но если он жив, - сказала Клавдия про себя, - то значит их Бог, его Отец заступился за него? Не дал ему остаться мертвым. А он точно ли умер?

- Конечно. Распятый, даже если через полчаса снять его с креста, никак не выживет. От потери крови умрет. А тут... Да зачем тебе это все описывать? Ну, я сам видел, он был мертв. Мертвого от живого я отличу.

Клавдия лихорадочно соображала. Желание докопаться до истины было единственным, что могло хотя бы как-то рассеять ее скорбь и уныние. А от этой скорби ей уже было недалеко и до самоубийства. Вдруг она резко остановилась и повернулась к рабыне:

- Слушай, Терция, сделай сегодня еще одно доброе дело. Ты видела сама, как к этому кладбищу сегодня подходили люди. Слух какой-то явно пополз. Вернись, пожалуйста, посмотри, может быть, еще кто-то подойдет. Спроси там, может кто-нибудь что-нибудь знает. Может быть, из его учеников кто-то еще жив и придет сам посмотреть?

Терция помялась. Было видно, что она боится.

- Иди, пожалуйста. Посмотри. Это не трудно, это не воду носить.

Служанка поклонилась, и нехотя поплелась обратно. Лонгин вдруг задал толковый вопрос сам себе:

- А зачем Богу или богам куда-то перепрятывать его тело? Ведь он был похоронен по положенному чину, не в яме, как эти два бандита, а в порядочном месте. Подыскать ему еще лучшую могилу, которую никто не знает – зачем?

Как светлый лучик в едва приоткрывшуюся дверную щель, в сердце Клавдии робко прокралась надежда. Ей очень бы хотелось вырвать из своей жизни последние два дня, как листки календаря, и бросить их в лицо самой судьбе. Чтобы необратимое стало обратимым. Но вдруг дверная щель снова прикрылась.

«Но если он жив, то еще возьмет, вот так, и придет. Не дотрагиваясь, порвет завесу храма. Щелкнет веревкой – и упадут ворота крепости. Вылетят все двери и окна. Встанет перед тобой, перед Понтием. Щелкнет опять своей веревочкой... О, боги! Да даже если ничего не скажет, просто в глаза посмотрит... Лучше ли нам или хуже от того, что он жив? Если жив».

Прежнее уныние вновь начало охватывать ее пуще прежнего, но ее нынешний ангел-хранитель Лонгин вдруг выручил ее, проговорив под нос самому себе:

- Нам Бог воздаст за наши грехи и так, и эдак. Найдет способ. Но если он жив, если он – сын Божий, то ведь это гораздо лучше. В нашем наказании все так и останется, но ведь как хорошо, если он в конечном итоге не пропал!

Они уже входили в ворота крепости.

Измученная Клавдия переоделась в свои одежды и поняла, что пора вытереть слезы, поесть и начать разговаривать с мужем. Она рассказала ему о своем походе, показала и унесенный погребальный саван, убедила, что Лонгин совершенно прав, и тело не могло исчезнуть из склепа под действием человеческих рук.

Вечером вернулись и Терция, и наблюдавший за гробницую воин. Тот сказал, что к могиле подходило несколько человек, смотрели на камень, на могилу, и уходили. А Терция, придя, так и выпалила с порога Клавдии:

- Госпожа, я спросила там одну незнакомую женщину. Та сказала, что приходившие прежде нее женщины вроде бы видели его живым!

Добавить что-то или перепроверить было совершенно невозможно. Оставалось только ждать. Но в сердце Клавдии вновь мелькнул какой-то лучик надежды.

Глава 10. После пасхи

Шла неделя опресноков, но больше о таинственном исчезновении тела из гробницы не

приходило никаких известий. Старцы, погребавшие Иисуса, так и не появились. Стражники, свидетели отвалившегося камня, тоже исчезли. Разузнав, что Понтий велел им разглашать подложную версию, Клавдия снова нашла на него с упреками, но он ответил:

- Ты хочешь, чтобы я был виноват еще и в их смерти? К тому же от моего приказа не зависит ровно ничего. В мое отсутствие на арамейском языке они будут говорить то, что им прикажут там. И так-то они вряд ли живы сейчас вообще.

Зато в Лонгиновой центурии правду знали уже все. Разговоры о пустой гробнице велись по углам с утра до вечера. Кстати, уже на второй день могилу прикрыли тем же камнем. Кто это сделал и когда, осталось неизвестным, но внимания к себе она уже не привлекала никакого.

Важно, что небеса больше не разверзались, и громы небесные на римлян не гремели. На иудеев, кстати, тоже. Все шло совершенно спокойно, отвратительно спокойно, как будто ничего не произошло. Контакт с синедрионом у Понтия тоже не было и не предвиделось. Еще раз проконтролировав все дела по стройке водопровода, он начал собираться в Кесарию.

В ночь перед отъездом Клавдии приснился еще один сон. Она увидела себя маленькой девочкой, в солнечный день играющей во дворе родного дома в Италии. Рядом цвел сад, пели птицы, все было залито прекрасным светом. И было ощущение какого-то полного, нерушимого, абсолютного счастья, какое бывает только в детстве. Так случается, что человеку, пережившему наяву тяжелые потрясения, именно в это время снятся

очень добрые и теплые сны. Клавдия во сне была счастлива так же, полностью и совершенно. И вот, она видит, как дверь родного домика открывается, на крыльцо выходит мама (уже давно умершая), тоже вся светлая, молодая, красивая, счастливая, в белой одежде и зовет ее:

- Клава, иди обедать, иди домой. Иисус пришел и ждет тебя.

От этого имени Клавдия моментально проснулась, и еще не успев открыть глаза, вспомнила, где она находится, и тихо залилась слезами. Вернуть сон было уже невозможно.

Дорогу в Кесарию под теплым, но еще не жарким весенним солнцем Понтий с Клавдией проходили разными способами. Трясая колесница утомляла их не меньше, чем верховая езда, и не меньше, чем пешее передвижение. Современному читателю полезно узнать, что ни шин, ни рессор колесницы того времени не имели. Седел со стремянами у римлян, кстати, тоже не было, даже в боевой коннице. Поэтому удобнее было чередовать все виды передвижения между собой. И вот, едуци верхом рядом с мужем, Клавдия рассказала ему, наконец, оба своих сна, и страшный, и светлый. В ответ Понтий признался, что в эти дни то во сне, то наяву ему то и дело вспоминались люди, обиженные им когда-то. Снилось и вспоминалась Германия. Сожженные деревни варваров, казненные противники, погибающие свои воины, исполнявшие его приказы. Наиболее ужасное воспоминание доставляли ему все те сцены распятия, которые ему довелось видеть в своей жизни. Казалось, все эти корчащиеся, умирающие люди проклинали его одного.

- Ты знаешь, Клавдия, - вдруг как бы сообразил Пилат, - я читал в их писаниях про того, кто из людей совершил первое в мире убийство. Его звали Каин. И он был проклят тем, что всю жизнь осужден был стонать и трястись, но никто не мог бы лишить его жизни. И я, прочитав, подумал было, что это сказано про еврейский народ. Теперь вижу, что ошибался.

- Не совсем ошибался, - отозвалась жена с пониманием, - это не только про евреев, это и про нас с тобою тоже. Мы сковали себя с ними одной ужасной цепью.

В Кесарии, в своем кабинете Понтий увидел на столе книгу, еще не так давно принесенную Гармизием. Он еще раз перелистал ее конец по закладкам и вспомнил, что это книга пророка Исаии про призвание язычников. Еще раз машинально он отбросил три страницы назад от последней закладки и вдруг замер от ужаса, прочитав случайно попавшиеся на глаза строчки:

*...нет в нем ни вида, ни величия, и мы видели его, и не было в нем вида, который привлекал бы нас к нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей, изведавший болезни, и мы отвергали от него лице свое, Он был презираем, и мы ни во что ставили его. Но он взял на себя наши немощи и понес болезни, а мы думали, что он был поражаем, наказуем и уничижен Богом...*⁵⁶

Если бы кто из нас с близкого расстояния внезапно взглянул на вспышку электросварки, наверное, закрыл глаза и отпрыгнул бы. Почти так отшатнулся от книги и Понтий, закрыв глаза. Но в закрытых глазах пред ним память тут же выложила тот измученный лик, залитое кровью лицо, запекшиеся

губы, вновь прошептавшие: «ты не имеешь надо мной никакой власти...»

А мы ни во что ставили его, - эхом повторились в сознании прочитанные строчки. Теперь Понтию было совсем не до смеха над этой книгой. Он боялся читать дальше. Положил закладку, отложил книгу, вновь помолился, не понимая какому богу, чтобы небеса смиростивились над ним, и постарался вернуться к делам.

Это было непросто. Но Понтий все-таки вспомнил о служебном долге и просто сообразил, что, если он не соберет все силы, то просто сойдет с ума. Он отложил еврейские книги, старался отгонять воспоминания и мысли, сосредоточившись на текущих делах. В эти дни он много занимался боевой подготовкой с когортой, отрабатывал различные построения с воинами, метал дротики и фехтовал мечом. Детей своих подрастающих обучал ратному мастерству. Много времени и мыслей заняла и работа с катапультой, недавно прибывшей в Кесарию. Она тоже требовала целого наряда воинов и обучения их.

В общем, он старался не быть праздным и не терять времени. Уходил от себя самого, и до какой-то степени ему это удалось.

Клавдия в Кесарии тоже немного оживилась, занималась с детьми, болтала с Луцией о всяких пустяках. Луция, к счастью, не видала всего, что так напрягало Клавдию, а та ей и не рассказала ни о чем. Отчасти помогало море, ежедневные купания, забота о красоте и здоровье, в общем, всякие женские дела. И все же прежняя беззаботность вернуться к ней уже не могла.

Как-то раз она спросила мужа, молится ли он теперь.

- Да, молитвами, которые с детства помню.

- А я себя ловлю на том, что стала молиться Богу евреев, Отцу Иисуса. Ведь у меня сейчас одна только просьба к небесам, чтобы не пришло на нас с тобой проклятие. И я никак не могу обойти того Бога, которому мы нанесли такую обиду. Так и получается, что только к нему и обращаюсь.

- И что?

- Пока ничего.

- А самих евреев ты еще не успела полюбить, молясь их Богу? – спросил Понтий с легкой насмешкой. Но Клавдия задумалась и ответила серьезно:

- Нет, о них я не думаю. Среди них тоже разные люди есть. Весь народ в целом любить, наверное, невозможно.

- Любить невозможно. А ненавидеть – легко.

- А что, я уж слишком их ненавижу? И это так заметно?

- Не знаю, сколько там будет «слишком» или «не слишком», но заметно. Тут надо как-то определиться. Любить их, конечно, не за что, но с нашим отношением к ним приставать с молитвой к их Богу – тоже смысла нет, согласись!

- Неужели ты сам относишься к ним мягче, чем я?

- Иногда мне кажется, что так и есть. В отношении не синедриона, а остальных.

- Хорошо, я подумаю, - сказала Клавдия, а Понтий удивился тому, что она, похоже, впервые так просто и послушно приняла его совет. Вообще, веселость из нее ушла, а задумчивости прибавилось.

Но и подумавши, Клавдия так и не сумела отказаться от молитвы Отцу Иисуса. Она решила, что лучше вместо этого скорректировать свое отношение

к евреям: снизить эмоции, уточнить некие детали, постараться различать между людьми.

Еще через месяц пришло письмо от Лонгина. Среди прочего он сообщал:

«... В городе ходит упорный слух, что Иисус жив. Уже несколько раз он появлялся перед учениками, и узнавали его не сразу. Но утверждают, что это не призрак, а человек в теле, которое можно потрогать. Я сам склонен этому верить, зная, как тело его исчезло из склепа».

Понтий принял решение ехать в Иерусалим на праздник первого снопа (пятидесятницу). «Возможно, - думал он, - брожение вокруг этого слуха запросто может обернуться беспорядками». Внезапно и Клавдия согласилась ехать с ним, чего обычно на этот праздник не делала. Более того, она предложила мужу взять Терцию и запустить ее к ученикам Иисуса разведчицей:

- Люди Лонгина, вполне возможно, не смогут или не захотят туда проникнуть. А эта видела всю историю своими глазами, она как раз может оказаться сама заинтересованной. Да и Лонгин ее подобрал именно для этой цели, в конце концов.

Понтий согласился. Отряд отправился. Каникулы снова кончились.

По прибытии в крепость оказалось, что слух еще более укрепился. Говорили, что Иисус явился уже сразу очень многим людям, был с ними долго, а под конец не ушел, не исчез куда-нибудь, а на глазах у всех поднялся на небо с высокой Масличной горы близ Иерусалима. Это событие произвело сильное впечатление на людей. Город наполнился слухами.

Понтий сидел в задумчивости, не зная, чего тут дальше опасаться. А что если его сторонники оправятся, отряхнутся и пойдут с вилами на Храм потрошить всю эту Каиафину шайку? А Каиафа прибежит сюда: спасите-помогите! Защищать негодяев? Или защищать новых повстанцев, которые, прикончив Каиафу, захотят распотрошить и всех римлян? Ведь они запросто могут позабыть все проповеди своего учителя о миролюбии, о том, что цезарю положено свое, цезарево. Вот выбор, который за Понтия не сделает никто. Он оказывается здесь крайним. Сам бы с удовольствием уклонился бы от такого кособыбора, если бы ответственность на себя брал Вителлий. Но Вителлия тут нет. Формально, по присяге цезарю, нужно защищать тех самых негодяев, которые уже сделали ему, Понтию, целую кучу гадостей, подвели под гнев своего Бога, под самые страшные небесные кары. Хотя они точно так же ненавидят в душе и цезаря, и Рим.

Понтий поделился этими соображениями с женой.

- Вот и что ты мне посоветуешь? Ведь когда перед воротами окажутся толпы с вилами, поздно будет думать. Думать нужно сейчас. Если бы я заранее знал, что накануне того праздника мне приведут Иисуса, я бы что-то придумал. Поздно думать перед орущей вооруженной толпой. Надо или ее бить, или к ней присоединяться. И что ты посоветуешь? Чтобы потом меня не грызла.

Клавдия сама не знала, что тут придумать. После долгой паузы она сказала:

- Может быть, если все это начнется, утихомирить толпу, сменив первосвященника? Пусть сами выберут себе нового. Каиафу отдать им на растерзание, он давно это заслужил. А потом все-

таки уговорить их не начинать войну с Римом. Послать к Вителлию, а самим держать крепость до подхода его сил.

- Ну да. Как-то так. Они ведь на своих жрецов должны иметь больший зуб, чем на нас. Может, и успокоятся, если Каиафу скушают. В конце концов, чему быть, того не миновать. Мы ведь и вправду под гневом небес. Может быть, вскоре все уже и решится... А пока, да! – вдруг опомнился Понтий, - пока нам нужна хорошая разведка. Нам действительно нужно контролировать все разговоры в их стане. Мытарей Лонгина, действительно, мало. И, кроме того, их уже давно могут взять на заметку и при случае быстро убрать. Да, твоя еврейка тут не помешает. Она новенькая, здесь в городе глаза не мозолила, может, ее и не знают. Попробуй-ка ее отрядить сама, на меня не ссылайся, не надо ее настораживать. Представь перед ней все, как частную твою просьбу, что ты лично интересуешься всем этим, чисто для себя. Не вздумай что-нибудь заранее говорить о наших опасениях.

- Да уж разумеется! Конечно.

Клавдия поняла задачу и сочла нужным даже переспросить у Лонгина собственное забытое имя Терции.

- Кажется, Саломия, - припомнил он не без труда.

Уловка подействовала. На возвращение своего родного имени еврейка откликнулась весьма положительно.

- Саломия, я тебя прошу сделать для меня важное дело. Постарайся узнать об учениках Иисуса и его учении. А главное, чему они учат теперь. Если они верят, что он жив, то что им надо делать сейчас? Мне

это важно. Ты же все помнишь сама, мы были у его могилы, все это не может мимо меня пройти.

- А как мне к ним попасть? Вот я выйду за ворота, и куда идти?

- Не знаю. Сначала, наверное, в Храм. Послушай, что там говорят. Если ничего не услышишь, то хотя бы по базару пройдишь.

Отправляя ее на целый день, Клавдия снабдила ее мелкими монетами и дала хорошо поесть. Тоже, может быть, в первый раз с тех пор, как отобрала у нее имя.

Три дня таких походов не дали ничего. Слух о воскресении Иисуса ходил, повсюду люди что-то об этом слышали, но как выйти на общину самих учеников, этого никто не знал. А, может быть, кто и знал, но просто не спешили об этом говорить. Информаторы Лонгина принесли несколько не больше сведений. Подозрения Понтия усиливались. Впрочем, одно он все-таки мог предположить с большой вероятностью: в эти дни не проводилось массового призыва к бунту. Это означало, что даже в случае бунта, сторонников у мятежа будет не так много.

Подошел день праздника пятидесятницы. По приказу Понтия Лонгин с начальником храмовой стражи договорились о патрулировании улиц города во время праздничного жертвоприношения, чтобы нигде не пропустить возможную мятежную толпу.

Все шло своим чередом, но незадолго до полудня прибежал посыльный и доложил, что странное скопление людей возле одного дома все-таки есть. Какая-то разношерстная толпа, вроде ничем не вооруженная, но все восклицают что-то там на разных языках. В том числе и на латыни что-то

прозвучало. Какие-то прославления Бога. В любом случае, требуется человек, способный все это понять.

Люди Лонгина были еще в Храме. На месте оказалась только Саломия. Понтий велел верховному посадить ее на лошадь сзади и подвезти поближе к этому месту, чтобы не терять времени. Следом был выслан отряд и полностью вооруженных воинов, и одетых в гражданское платье. Дом тихонько окружили и вели наблюдение. А Саломия смешалась с толпой.

Толпа разошлась через несколько часов. Конечно, и вокруг нее, и в ней самой оказались люди Каиафы в достаточном числе. Но в целом применение силы никак не понадобилось. Никаких беспорядков не было, и призывов к мятежу тоже.

Вечером Саломия докладывала Клавдии наедине. Понтий решил ее своим видом не пугать, тем более что в этом пока не было нужды.

- Я пришла уже поздно, и главного, похоже, не видела. Потом переспросила, и мне сказали, что ученики Иисуса внезапно обрели способность говорить на незнакомых языках. Они прославляли Бога той речью, которую никогда не учили. Каким-то образом люди их расслышали и присоединились. Когда я пришла, толпа уже была большой, и один из них проповедовал. Он говорил, что Иисус воскрес, и что все они этому свидетели, они видели его после казни живым, и что он и есть подлинный Царь Израиля, которому должно прийти. Он вспоминал и слова из пророков, что воскресение Иисуса, мол, предсказано было.

- А что же Бог его не спас от смерти? Он об этом не говорил?

- Может, и говорил, я не слышала. Я же сильно опоздала.

- Ну, а к чему-нибудь он призывал толпу?

- Да. Его спросили, что делать, а он ответил: покаяться надо, что вы предали своего Царя и убили его руками римлян, а потом креститься. То есть омыться.

- То есть, это, как Иоанн окунал в Иордане?

- Наверное.

- Ну, хорошо. Если Он все-таки Царь, то как Он примет свое Царство?

- Они говорят, что он придет на облаках небесных и будет судить всех людей. Тогда уже никто не сможет Ему противиться.

- А сейчас что надо им делать? В смысле, после крещения?

- Не знаю.

- Хорошо. По крайней мере, теперь ты знаешь, куда идти. Пожалуйста, завтра же постарайся увидеться с ними и спроси о следующем. Во-первых, почему Бог Его не защитил? Во-вторых, чем они собираются приближать Его Царство? В-третьих, что они говорят про свой Храм, и как собираются строить отношения со своими священниками?

Наутро Клавдия повторила свои вопросы и отправила Саломию к ученикам Иисуса. Вернулась Саломия под сильным впечатлением, просто потрясенная.

- Они говорят, знаешь что? Говорят, что Иисус учил любить своих врагов. Ну, то есть, наверное, и римлян тоже.

- А жрецов, предавших Иисуса на смерть?

- Не знаю. Во всяком случае, против них они не борются.

- Они ходят в Храм?
- Да.
- И жертвы приносят?
- Наверное.
- Значит, они не как этот Иоанн Иорданский?
- Я не знаю, как он, но эти в Храм ходят. И, как о них говорят, в притворах там тихонько рассказывают об Иисусе. Тем, кто готов услышать.
- И много у них уже народу?
- Я думаю, уже сотни людей.
- Так что, они ждут Его возвращения? А что делают для этого?
- Они говорят, что нужно весть о нем разнести всем евреям по всей вселенной. В этом и смысл.
- Только евреям?
- Наверное, не только, но этого я не поняла. Здесь они, наверное, и сами еще не поняли, что и как им нужно делать. И вот еще. Они уверены, что Иисусу нужно было умереть. Говорят, что Он предсказывал свою смерть. Говорят, что они сами слышали эти предсказания, только не понимали их. Говорят, что об этом и пророки раньше предсказывали, еще давным-давно. Они уверены, что здесь не произошло ошибки, что Бог так и задумал все с самого начала.
- Это была самая важная новость для Клавдии. Она мысленно сопоставила это со странным поведением Иисуса на последнем допросе у Понтия. Все сходилось. Этому должно было произойти, и Иисус это заранее знал.
- И умереть именно такой ужасной смертью? – переспросила Клавдия с ноткой страха в голосе.
- Да. Наверное, да. Я не знаю. Только меня удивляет их спокойствие. Они словно бы прочитали

какую-то небесную тайную книгу, и теперь знают, что все идет по Божьему плану.

Клавдия умолкла, пытаясь осмыслить, радоваться ли ей этим сведениям или снова бояться их.

- Госпожа, я выяснила еще вот что. На этих днях они собираются крестить людей. Крещенные входят в их общину, и беседуют там более подробно. Когда соберется некрещенных побольше, им кто-то что-то скажет, чуть ответят на вопросы, но и все. Короче, если я хочу, то есть, если ты хочешь, чтобы я знала больше о них, надо мне у них креститься.

- Ладно. Можешь и креститься. Суть не в этом. Не стали бы они с этим крещением, как прочие иудеи со своими омовениями.

- Нет, у них не так. У них это один раз, говорят, делается.

- А то хочешь, подожди, пока водопровод достроим, - сказала Клавдия с тенью улыбки на лице, - чтобы не соваться с сотней человек в одну и ту же микву.

Саломия молча поклонилась, но уточнять ничего не стала. Для нее погружение в микву проблемы не представляло. Не то, что прикоснуться к нечистой ткани! Она побоялась, что госпожа передумает и запретит, а креститься ей, видно, хотелось самой.

- И смотри, не говори им, чья ты служанка! – строго напомнила Клавдия. – Можешь очень пожалеть и нажать себе неприятности. Причем, даже вовсе не с нашей стороны. Ты это сама-то понимаешь? Ну и, соответственно, тогда не узнаешь больше ничего. Скажи спасибо, если ноги от них унесешь.

Вечером Клавдия поведала мужу открытия Саломии, что Иисус, оказывается, знал, что ему

нужно умереть на кресте, и что все это входит в планы Бога.

- Ну вот, Он и сказал, что суд над Ним теперь не в моей власти, - отозвался Понтий. – Хотя, ты права была: в моей власти было уменьшить его мучения перед смертью.

- Но зачем вообще ему вот так умирать? – продолжала недоумевать Клавдия. – И вот, Он потом вроде на небо куда-то ушел. Вернется непонятно как. И вернется ли?

Разумеется, у Понтия не было ответов. Но важно было другое. Сами вопросы перед ним все-таки были поставлены.

На следующий день Саломия вернулась довольная. Она, действительно, приняла крещение, ее приняли в общину. Кроме того, ее, похоже, чем-то вкусно угостили. Она с восторгом рассказывала Клавдии:

- Они говорят, что Иисуса не любили жрецы и раввины за то, что он исцелял людей в субботы и многие их обычаи не уважал.

- Какие обычаи? – спросила Клавдия.

- Ну, это все: растирать колоски в субботу у них нельзя, руки там омыwać нужно после того, как поговорил с язычником или мытарем, миски свои мыть по десять раз в день – и все такое!

- Он и вправду молодец, - отозвалась Клавдия, - весь этот ритуальный кошмар достанет кого угодно. Даже благочестивого еврея.

- Ну вот, за это они к нему все придирались. А главное за то, что он мытарей, самарян, язычников, блудниц готов был принять, как обычных евреев. Говорил, что Бог их принимает в свой народ. А раввинам это не нравилось.

- И рабов тоже?
- И рабов тоже.
- Так ты сейчас принята в Его народ?

Саломия впервые за все свое пребывание в рабстве улыбнулась. Клавдия поневоле заметила, что улыбка украсила ее.

- Да.
- Ты кому-нибудь говорила, что ты – рабыня?
- Нет пока.
- Ну и не говори, пока не спросят.
- А еще Иисус сказал, что придет время, когда Храм будет разрушен. И весь город razoren.
- Кем? – удивилась Клавдия.

Саломия потупилась и не ответила. Клавдия сама поняла ее ответ.

- Надеюсь, мы не доживем, - сказала она. И, подумав, добавила. – Если Он и вправду такое говорил, тем более понятно, что жрецы Его ненавидят.

По милости Божией, и эти праздничные дни прошли относительно спокойно. Благодаря притекшему на пасху пожертвованию от синедриона, водопровод тоже существенно продвинулся к городу. Работы начались уже и в самом Нижнем Городе. Понтий с женой и со всем отрядом возвратились в Кесарию.

Глава 11. Духовные поиски

Время постепенно лечило душевную рану. Прошел еще год, не принесший никаких потрясений и катастроф. Клавдия начала понемногу распрямляться. Казалось, беда прошла стороной. В

Кесарии жизнь кипела, там можно было не сидеть взаперти в крепости. И театр, и ипподром, и приличное общество, постоянно прибывающие новые купцы... Было с кем пообщаться и развеяться. Еврейского Бога наши супруги в молитвах иногда поминали, но в целом, у обоих Он соскользнул теперь на второстепенные роли. Заменял богинь возмездия. К нему обращались, только если предугадывалась, предчувствовалась какая-то опасность. Тогда мысль стучала молоточком: не сейчас ли придет пора отдавать старый должок? Тогда оба знали, к кому обратиться. Творца неба и земли им следовало бы точно обозначить так: обиженный нами бог.

Иными словами, начали наши супруги с того, что мы называли бы снятием стресса. Но сняли его слишком успешно, чему способствовала спокойная обстановка. Среди прочего Понтий увлекся философией, хотя достаточно поверхностно, только на досугах. Прежде всего, его интересовал вопрос посмертной судьбы человека. Начал он с Гармизия, который был в курсе всех событий той пасхи в Иерусалиме. Внутреннее дрожание Понтия Гармизий постарался вылечить буквально в одну припарку.

- Ну и что, - говорил он, - что тело его исчезло? Конечно, боги могли вмешаться. Странное ли дело, когда боги вмешиваются в дела смертных? Разве этим можно удивить разумного человека? Этим можно удивить дикаря, да и того-то не очень удивишь. И дикари видели вмешательство разных небесных сил в своей жизни. Забрали боги тело вашего Иисуса. Он бессмертен? – Конечно. С большой вероятностью. Может, взят на Олимп, может, станет одним из бессмертных. Бессмертные

боги прежде на земле тоже были людьми, потом за что-то особое и по особому избранию получили свое бессмертие.

- Ну, этот-то, говорят, по земле во плоти ходил?

- Знаешь, я тебе, игемон, не говорил этого раньше, потому что не время было. А теперь уж много времени прошло. Видели Его ушедшим на небо. И потом не слышно было, чтобы Он снова по земле ходил. Ну, ушел в страну бессмертных. Это хорошо. Он того достоин. Ну и все. Что тут об этом вспоминать, бояться, тревожиться? Не Он первый, не Он и последний. И по земле бессмертные ходили. И Аполлон, и Геракл. Если надо было бы, может быть, и их можно было потрогать – и тоже все ощутили бы плоть. А вот теперь, время прошло, и все вроде спокойно.

- То есть, ощущение его тела – это только казалось? Галлюцинация?

- Конечно. Тело – это темница души. Все равно его надо оставлять. Ну, убрал их Бог это его мертвое тело из этого мира. Может быть. В порядке исключения. Какие-то имел на это причины. Нам не доложил о них. Примем это все, как есть. А для всех нас остальных что? В теле мы страдаем. Для того и тело, чтобы в нем страдать. Сняли тело – страдание кончилось. А червям ли мы его скормим, или на гвоздь на небесах повесим – это уж небесам и решать.

- А что если Он и вправду вернется?

- Ну, тогда и посмотрим, с чем Он вернется. Скажи: ну, что для нас меняется сейчас? После Его воскресения люди остались смертными. Как умирали, так и умирают. Добродетельные души уйдут в страну покоя праведных. Танталы и Сизифы уйдут в свою

страну. Жить нужно праведно. Если Иисус дал тебе понять, что нужно быть более мягким – хорошо. Вот ощутил ты, что никого не нужно больше распинать на крестах – отлично. Станем просто рубить лишние головы на плахе. Но что, собственно, такого особенного произошло, чтобы переживать душой или самого себя казнить?

- Но у евреев-то Он вызвал большое брожение и движение. Для них-то Он точно явился событием.

- Знаешь, игемон, я почитал их книги, и вот что скажу. Это люди отсталые. Очень многие из них и до сего дня совершенно не помышляют ни о чем небесном. Они говорят, что их книги от их Бога, но там много раз написано, что мертвые просто умирают, и от них ничего не остается. Они вселяются в гадес (он у них там *сеол* называется, как-то так), это под землей, и там все кончается, от них не остается ничего. У них, у евреев, нет понятия о бессмертной душе. Варварская религия! Понимаешь, - вообще нет понятия, о душе, как об этой, - как она там называется по-вашему? – он припоминал латинское слово. - Субстанция, вот! Душа, как субстанция отдельно от тела для них не существует.

- То есть, у них нет слова душа? – удивился Понтий.

- Есть. Но это слово означает у них другое. Что-то вроде дыхания в ноздрях. Вот ты знаешь, у нас одно слово, *пневма* – это и ветер, и дух бога. И у них все похоже. И у них *руах* – и ветер, и дух. Ну, вот, ветер, *руах* – это большой, в кронах деревьев, *борей*, ураган такой. Да? А душа, *нефес*, по-еврейски, - это тот же ветер, только слабенький, в ноздрях. Ноздри колышутся, дышит человек – вот, значит, есть у него душа. Перестал дышать, - и нет души. И к небесам, в

страну за океаном, к зефирам ничего не уходит. Такая религия! У них бессмертен только Бог. А Он для них один. Все остальные исчезают, смертны. Эти люди чужды философии и не помышляют о вечности!

- Так что, получается, Иисус доказал им обратное? Разрушил этот порядок?

- В каком-то смысле, да. Почему нет? Его отец, кто-то из богов, решил и евреям показать, что хватит жить в своей дикости. Пора верить в будущую жизнь. Они кичатся, что они самый древний народ, но здесь они опоздали на века от порядочных людей. Сам же знаешь, что они замкнутые, по-вашему это называется консервативные, они все сами по себе. Ну вот, Ирод начал их вводить в цивилизацию, дело шло так себе, ни шатко ни валко. Ну, а в Иисусе боги вмешались в дело посильнее. Может быть, это их собственный Бог, которому они молятся.

- Значит, смысл всей этой истории, - соображал Понтий, - только в окультуривании евреев?

- А почему нет? – удивился Гармизий, - большое хорошее дело. Не переживай лишнего, игемон. Старайся жить дальше достойно философии. Просвещать варваров – дело великое. И ты – один из соработников этого дела, на своем посту. Держи порядок, показывай пример доброго правления. Если это будет обеспечено, постепенно и евреи познакомятся с философией, отойдут от своих глупых суеверий. Смотри, ведь оба эти убитых ими пророка тоже помогали им от суеверий освободиться. Их Бог послал им Иоанна и Иисуса. Кого-то поставил пророками, кого-то философами, кого-то, как тебя, показывать им преимущества справедливого государства. Если вместе сложить

усилия, смертных и бессмертных, - дело пойдет к лучшему. Не весь их народ, но хотя бы его часть, перестанут быть варварами.

Понтий припомнил свою давнюю беседу с Каиафой и рассмеялся:

- Слушай, Гармизий, точно такую же пламенную речь, что язычников пора привести в культурное общество настоящего Израиля, я слышал от их первосвященника, и уверяю тебя, любой их раввин тебе то же самое все повторит. Что ваш безумный, языческий мир, погрязший в диких суевериях, будет выведен в свет знания, когда поклонится Единому Богу Израиля! Помнишь как в их книге, что ты приносил: придут со всех сторон, поклонятся в Храме, созиждут стены Иерусалима, всю свою славу принесут туда. С их колоннады глядя, просвещение идет строго в противоположном направлении: не от греков к евреям, а от евреев к грекам!

Гармизий обиделся и даже надулся:

- Игемон, гляди сам, кто тут культурный, а кто варвар. Эти люди ничего в философии не понимают, они и начатков Платона не слыхивали! Люди в бессмертие души не верят! А ты сравниваешь!

- Не обижайся, - отыграл Понтий назад, - я тебе не свое мнение передаю, а их мнение. А так-то своих мудрецов у них не меньше, чем у вас. Свои школы. В Храме своем в одном закутке, в другом закутке, все шу-шу-шу, какие-то свои идеи обсуждают, по синагогам спорят до хрипоты. Книжных евреев больше чем ваших философов! Ну, ты что, сам не замечал?

- Знаю, замечал. Но тут ведь по сути вопрос. У них же все вздор на уме. Все спорят, как субботу правильно соблюдать, из каких нитей тряпки ткать,

что можно есть, а что нельзя. И это разве можно сравнить с философией?

Понтий согласился. Старого грека переспорить он не смог бы, да и чувствовал его частичную правоту. Он видел, что национальной гордостью греки похожи на евреев. Замедлив на этой мысли ровно минутку, он тихонько признался себе, что и римляне тем же самым на них обоих похожи. Просто каждый из трех народов гордится своим. Греки считают себя умнее всех, евреи – набожнее всех, а римляне – справедливее и сильнее. Первые гордятся философией, вторые – религией, а третьи – государством, империей. И каждый из трех отчасти прав, только не хочет видеть столь же частичную правоту соседа. У Понтия хватило деликатности не вдавливать греку в мозги ту мысль, что его представления о раввинском учении несколько однобоки и не охватывают всей раввинской философии. Да, раввины рассуждают о субботе, о всем том «вздоре», который справедливо отметил Гармизий. Но дело в том, что они мыслят не только об этом.

Но в целом, беседа Гармизия Понтия немного успокоила. Он действительно решил жестокости своего правления ограничить, прощать другим, скорби и обиды терпеть, ждать будущей судьбы, принимая ее, какой бы она ни была.

Некоторое время спустя Понтий с Клавдией решили пригласить для разговора какого-нибудь местного раввина. Они бы, пожалуй, поговорили и с членами совета в Иерусалиме, например, с теми симпатичными старцами, что пришли просить похоронить тело Иисуса. Но те куда-то исчезли. С

официальными представителями синедриона ни Понтий, ни Клавдия говорить уже просто не смогли бы. Пришлось пригласить местного, кесарийского книжника. Попросили Саломию передать приглашение тому, кто из них возьмется за это и лучше понимает по-гречески.

Встретили гостя, разумеется, во дворике. Саломия взялась его угостить. Ухитрилась приготовить что-то кошерное и уговорила гостя отведать. Наконец-то, хоть какая-то ниточка понимания протянулась, хоть на локоть разделительная стена стала ниже! Понтий с женой договорились не поднимать самим тему об Иисусе. По соображениям деликатности. Надо думать, по тем же соображениям и их гость, раби Арон тоже ее не коснулся. Хотя никто не сомневался, что по своим еврейским каналам он все знал с самого начала. Включая и роль Понтия во всех событиях.

- Мы интересуемся, - начал Понтий после всех разговоров о погоде, - что все-таки вы думаете о судьбе человека, так скажем, после смерти его тела. Сказывают, что в ваших книгах какое-либо посмертное бытие отрицается вообще. Это правда?

Раввин задумался, отхлебнул из чашки, помолчал немного и сказал так:

- Видите ли, у нас нет на эту тему единства мнений. В наших книгах можно найти и те места, о которых вы говорите, и места совсем иного содержания. Наши ученые ведут споры на эту тему уже много лет. У каждой из спорящих сторон есть свои аргументы.

- Понимаешь ли, равви, - уточнил Понтий, - среди вас нет споров на тему, один ли Бог или двое. Тут между вами двух мнений нет. Почему? – Наверное,

от того, что ваш Бог ясно выразил вам через пророков свое мнение на этот счет, правильно? А в этом вопросе, получается, ясно не сказал?

- Хороший вопрос ты задал, игемон, - откликнулся раввин. – Лично я считаю, что этот вопрос раскрывать во всей полноте Ему было рано. То есть, нам рано было сразу узнать всю истину.

- В каком смысле рано? – удивился Понтий.

- Рано потому, что прежде мы должны были научиться верить Господу бескорыстно. Мы должны были все служить Ему вне зависимости от награды после этой жизни. Мы должны были научиться стоять за своего Господа, несмотря ни на что. Даже если чужие боги обещали бы нам любые свои награды. И наши предки часто нарушали Его завет и закон. И были за это наказаны. Все должно было созреть. Всему свое время.

- А сейчас это время приходит? – напряженно спросил Понтий.

- Возможно. За грехи отцов наших мы потеряли Храм и были изгнаны из земли, обещанной отцам нашим. Но потом Вышний открыл и отцам нашим возможность покаяния. Мы вернулись. Завет обновлен. Храм восстановлен. Это уже высокая награда и большое благословение нашему народу. Но, конечно, это еще не все.

- Ну ладно. Тогда давай поговорим не об общем учении вашем, если как целое оно еще не сложилось, а только лично о твоём мнении на этот счет. Вот, и у греков, и у римлян, и у египтян и у парфян - у всех есть свои представления о царстве мертвых, - и они похожи между собою. А что ты скажешь?

- Я скажу, может быть то, во что вам будет сложно поверить. Действительно, сейчас, когда человек

умирает, душа его снисходит в *шеол*, или *гадес*, по-вашему, в царство мертвых. Но настанет день, когда повелением Всевышнего души праведников вернутся в свои тела, и они вновь восстанут и оживут.

- То есть, Бог душу старика вернет в его дряхлое и неспособное жить тело? Зачем? Чтобы его мучить что ли?

- Нет, это будет иное тело.

- Ну, даже если молодое тело. Ему придется вторую жизнь на земле прожить, а потом снова умирать? Так что ли? И сколько раз?

- Нет, тут будет другое. Это будет уже новый мир. Там не умирают.

- Новый? Это как?

- Видишь ли, игемон, Творец сотворил изначально прекрасный мир. Он сотворил жизнь. А смерти Он не сотворил. Так написано в одной из наших книг⁵⁷. Смерть вошла в мир не велением Всемогущего, а по зависти Его противника, через грех первых людей. Кто принадлежит этому противнику, кто творит дела его, кто сросся с ним, тот не увидит жизни новой. Но жизнь и смерть не равноправны. Это не две половинки одного катящегося колеса. Жизнь – это лучше, чем смерть, добро – это лучше, чем зло. Свет больше, чем тьма. Все это понимают, здравый смысл это подсказывает, согласись.

- Соглашаюсь, ну и что?

- Только в нашей религии Бог – это Творец. Он Всевышний, выше Него другого уже нет. И после Него другого не будет. Никогда не настанет это «после Него». И вот, этот Творец создает наш мир. И говорит: этот мир создан хорошо. Хорошее создание не должно просто превратиться в прах, в ничто, или в что-то плохое. Где-то, в конце концов, Бог оправдает

Себя и свой замысел. Человека он создал во плоти, вдунул в него душу, и таким и должен человек в конце концов сделаться: как душа, живущая в теле. Вот поэтому и тело тоже будет восстановлено. Но не у всех, а только у праведных, кто верили, кто ждали этого, кто служили Богу.

- Душа, говоришь? – спросил Понтий, - а что такое душа? Вот тут наши философы говорят, что, согласно вашим книгам, это просто дыхание в ноздрях.

- Да, конечно, это так, и в книгах наших это есть. У нас есть те, кто считает душу только дыханием в ноздрях. А есть и те, кто понимает под душою нечто большее. Не мне же учить тебя, что справедливо было бы после этой жизни оправдать и наградить страждущего праведника и наказать благоденствовавшего беззаконника, - ты же согласен?

- Да.

- Так вот что-то должно остаться от праведника, кроме истлевающих костей? Где будут записаны его добрые дела? Где книга его жизни? Если ему надлежит вновь обрести воскресшее тело, то что обретет его?

- Душа?

- Конечно, душа. А что же еще. И тут, кстати, мы с вами мыслим близко.

- Похоже. Значит, разница между вами и платониками в том, что они считают тело мусором и оковами души, а вы – Божиим творением, так?

- Именно. Ты правильно понял, игемон.

- Хорошо. Что-то стало понятным. Тогда вопрос о сроках. Если это все в будущем, то когда?

- Никто не знает, это тайна Всевышнего.

- А это не связано ли с ожиданием пророками вашего великого Царя? – спросил Понтий и не мог не заметить, как тотчас напрягся раввин. Он помолчал и ответил медленно. Видно было, что он стремится тщательно подобрать слова:

- Это неопределенное будущее. Мы вообще не знаем, как именно это будет. Это не будет делом рук человеческих.

- Успокойся, раби, расслабься, - вдруг улыбнулся Понтий, словно что-то припомнив, - мне лично первосвященник Иосиф Каиафа говорил эти самые слова, что, мол, это не дело рук человеческих. И он так же, как ты, напрягался. Так что я в курсе, какова эта ваша версия для нас. Еще раз, не волнуйся. Руками человеческими у вас это точно не получится, пока мы живы, - он снова улыбнулся. – Придется подождать, не пытайтесь совать сюда человеческие руки. Но все-таки, это связанные события: приход великого Царя и воскресение праведных? Между собой они связаны, когда бы ни произошли? - и, заметив, что раввин замялся, добавил, - да-да, без рук человеческих?

- Ну вот, ты все знаешь, - только и улыбнулся раввин в ответ. – Как я буду поправлять слова своего первосвященника?

- Спасибо, раби, - сказал Понтий, и в завершение расспросил его о нуждах синагоги. Даже подарил ему скромное пожертвование. Короче, взял и применил линию центуриона Тита. Чтобы твердою ногою стоять на берегах Иордана, как тот выражался.

Беседа завершилась, стали прощаться, но тут все время молчавшая Клавдия, тщательно следившая за беседой, не дерзавшая вступать в разговор мужей,

сказала раввину пару слов буквально в воротах, причем таким тоном, словно размышляла вслух:

- Без рук человеческих... Без рук человеческих исчезло тело распятого Иисуса из склепа. И я это видела. Время пришло, раби. Благодарю тебя, прощай.

Поклонилась и развернулась. Раввин переменился в лице. Точно рассчитанный удар словесного кинжала попал ему в самое сердце.

Когда раввин ушел, пару слов позволил себе и Гармизий, слышавший разговор в сторонке в качестве переводчика:

- Да, конечно, их праведники воскреснут, когда придет их бессмертный Царь. И вся вселенная ему покорится и будет отстраивать их город, водопроводы там строить и разбойников ловить, а кто не согласится на них работать, того истребит их Царь. И их Бог. Ты же сам об этом читал, игемон. Мечты у них вот такие. Не обольщайся, нам там места нет! Причем даже рабам своим, которые не суть праведники, этого воскресения мертвых они отнюдь не обещали.

- Ладно, Гармизий, не заводись. Выслушать надо всех. Да будет выслушана другая сторона. Мне интересно их мнение из первых рук. Я не собираюсь, сломя голову, записываться в их рабы или в евреи.

- Все мы уже давно их рабы, только на них и работаем, - проворчал Гармизий и обратился к Клавдии. - Подтверди, госпожа, ведь, правда?

- Ну, не совсем, - улыбнулась Клавдия в ответ и погладила старика по руке. – Спасибо тебе, но ты не сердись. Иди, отдохни.

И оставшись наедине, сказала мужу, просветлев улыбкой:

- Относительно раввина и их учений Гармизий, очевидно, прав. Раввины вряд ли рассматривали бы кого-то, кроме себя, в качестве участников воскресения праведных. Но ведь Иисус именно это исправил! Помнишь, как Тит писал, что Он принимает брошенных и несчастных. Наверное, Бог через Иисуса уберет их ошибки и все сделает правильно.

И она повторила мужу то же, что сказала на прощание раввину:

- Без рук человеческих Его тело исчезло из склепа. Время пришло.

Но сейчас эти слова в ее же устах были не кинжалом, а спасительной тростью.

Понтию предстояла еще достаточно длительная поездка в Галилею. На этот раз его вызвал сам Антипа, решивший заручиться его поддержкой на случай агрессивных действий со стороны аравийского царя Арефы, бывшего его тестя. Арефа, к которому бежала его родная дочь, брошенная, как мы помним, Антипой ради брака с Иродиадой, собирал войска на границе. Пришлось готовиться и Антипе, и он, конечно, желал бы тут помощи от римлян. Тут уж и Иродиаде пришлось закатать поглубже свою неприязнь к Пилату и позволить мужу просить его содействия. Антипа заверял Понтия, что серьезных потрясений внутренних в Иудее и Галилее не видно, а реальная опасность имеется на аравийских границах. Но Понтий понимал, что даже если он разом снимет все свои гарнизоны, то и этого будет мало для помощи

Антипе. После долгих переговоров, взаимных сетований и подсчетов войска им удалось прийти к согласию. Понтий предоставил Антипе часть иудейского и часть заиорданского отрядов, да и то лишь на временной основе, и уговорил его прибегнуть к помощи Вителлия, у которого было все-таки целых два легиона. В то же время у Вителлия шли переговоры с парфянами, и легионы были нужны ему самому. Короче, в наибольшей степени Антипе приходилось рассчитывать на собственные силы. А полководческим талантом и энергией своего отца он явно не отличался.

Но для Понтия все эти переговоры обернулись частичной потерей личного состава когорты – за счет людей, отозванных в Заиорданье. И это принесло свои печальные плоды.

В Кесарию Понтий возвращался через Галилею, не заезжая в Иерусалим. А из Иерусалима Лонгин вскоре сообщил, что тотчас по отбытии вооруженного отряда начались беспорядки в самом городе. У него было подозрение, что они были инспирированы сверху.

Понтию срочно пришлось седлать коня и ехать в Иерусалим с частью гарнизона из Кесарии. Когда он прибыл, Лонгин поведал ему подробности. Оказалось, что вскоре после того, как гарнизон наполовину опустел, синедрион затеял суд над неким Стефаном, одним из сторонников Иисуса, которого обвинили в богохульстве в связи с его приверженностью к этому новому движению. Суд начался вроде бы, как положено, но с какого-то момента перешел в самосуд: толпа побила Стефана камнями при полном попустительстве самих судей. Этим дело, к сожалению, не ограничилось. Шайки

фанатиков отправились громить дома тех, кто был уличен в принадлежности к новому течению, и расправлялись с ними без суда. Лонгин требовал немедленно пресечь беспорядки, но своих сил у него осталось лишь на охрану крепости и Храма. А жрецы, возможно, тайно поощряли погромщиков.

- Понятно, - ответил Понтий, выслушав доклад. — Продолжение дела Иисуса, только методы поменялись.

Он приказал немедленно наладить патрулирование улиц города за счет приведенного подкрепления и послать за Каиафой и членами синедриона. Ему он планировал учинить жесткий разнос, может быть, наконец, снять с должности, может быть, представить дело Вителлию. Короче, настраивался на тяжелый разговор. Но когда Каиафа с сообщниками пришли, все пошло совершенно иначе. С самого порога послышались умоляющие восклицания:

- Досточтимый игемон, слава Богу, что ты приехал! Мы просим тебя навести порядок и унять разбойников в городе!

Такого начала Понтий никак не ожидал. Он готовился к тому, что они станут отнекиваться и запыряться, темнить и хитрить. Но только не в такой же наступательной форме!

- Я уже выслал дополнительные отряды для патрулирования улиц. А теперь рассказывайте, что за суд вы там нарядили, с которого все началось.

Каиафа ответил подчеркнуто скромным голосом:

- Да, был у нас суд, по делу об оскорблении Бога и закона. Проходил по делу один дерзкий человек, на которого были очень строгие обвинения. Но ему дали возможность защищать себя. Мы выслушали его длинную речь, в конце которой он в присутствии

всего собрания стал оскорблять Всевышнего. На это последовала реакция народа. У нас была небольшая охрана, и она не смогла сдержать возбужденной толпы. Вот, если бы тут были твои воины, если бы ты не снял часть гарнизона, никаких беспорядков не было бы.

- Часть гарнизона снята по просьбе тетрарха Ирода Антипы, а у меня совсем немного войска под началом. А в чем, собственно, вина этого человека?

- Стоит ли объяснять ее тебе, игемон? Он во всеуслышание утверждал, что Бог сам отменит свой закон и что это повелел именно вот тот самый Иисус, который казнен несколько лет назад по твоему приговору, и ученики которого с тех пор постоянно смущают народ. Но большинство нашего народа не может терпеть таких кощунственных речей. Ты сам знаешь, игемон, как трудно удержать возбужденную толпу. Люди восстали, и убили этого дерзкого человека, а затем пошли громить его единомышленников, эту самую галилейскую секту. Игемон, мы против самосуда, мы против этих погромов, но у нас нет своих сил, чтобы это все остановить. И ты видишь, мы были правы тогда еще, когда предвидели, что этот Иисус принесет в город только смутнение и бунты.

- Вообще-то, как я понял, вовсе не его сторонники устраивают погромы, - возразил Пилат. — Вы же стремитесь наказать обижаемых, а не обидчиков. Это у вас теперь политика такая?

- Игемон, у нас вообще нет никакой политики! Мы просто стоим на страже законов и Храма. Как и ты стоишь на страже законов Рима. Наши интересы сейчас полностью совпадают. Нам нужно прекратить бесчинства, но у нас для этого очень мало сил. И

конечно, в таких мятежах одной части народа против другой правда не может быть только на одной стороне. Неправы погромщики, но не могут быть правы и те, кто провоцирует погромы. Тех и других следует привлечь к ответственности.

- Хорошо, - отрезал Понтий. – Скажите, а почему вы, зная о том, что ваши дискуссии о законе провоцируют такие страсти, приводите на суд толпу народа, которую потом сами не можете сдержать? Кто судит: народ или вы?

- Справедливость нашего закона в том и состоит, чтобы любой свидетель мог быть заслушан. Такое дело слушается открыто. Всегда может найтись свидетель защиты, и мы не имеем права оставить подсудимого без защитника. Таков закон и у нас, и у вас.

- И вместо защиты подсудимому достается убийство без приговора, – так ведь получается?

- Может быть, мы виноваты, игемон, да простит нас Всевышний, и ты нас прости! – артистизм Каиафы был совершенно неотразим. - В этот раз у нас просто не хватило сил для защиты самих себя и своего суда. Но сейчас нам не время разбираться с этим случаем. Человека уже не вернешь, но надо защитить остальных. Давай, подумаем, что мы можем вместе сделать.

- Ну, а что, кроме патрулирования улиц и пресечения беспорядков? Зачинщиков погрома мы вряд ли найдем без вас. Это вы должны их найти и представить на суд.

- Да, мы постараемся, конечно.

- И все же требую от вас неукоснительно соблюдать следующие правила. Больше никаких открытых судов в присутствии всякой уличной

черни. Это первое. Второе: дела готовить тщательно, чтобы все свидетели были собраны заранее. Свидетелей заслушивать в закрытом режиме. По крайней мере, временно, пока не установится порядок. И третье: никаких смертных приговоров без одобрения римской власти. Запомните!

- Уж это правило мы никогда не нарушаем, игемон, ты же знаешь!

Ах, как хотелось Понтию врезать из всех сил по этой улыбающейся физиономии Каиафы! Внутри себя он скрежетал зубами, но ничего не мог противопоставить всему этому спектаклю. А Каиафа продолжил:

- Мы все сделаем, как велишь, игемон. Храмовую стражу мы представим в помощь твоим патрульным. Мы же понимаем, что если случится мятеж против власти Рима, первыми его жертвами падут первосвященники!

Второй раз в жизни Каиафа произносил верное пророчество, и опять как бы поневоле. Сейчас ему важно было обезоружить префекта всякими заверениями в дружбе. Но невольно он оказался пророком. Первый раз он предсказал, что лучше Иисусу умереть за народ. А сейчас изрек то, что и сбылось через тридцать лет. Иудейская война в самом своем начале ознаменовалась убийством первосвященника. Но до тех пор еще многие из них получают и утратят этот титул. Каифа с Понтием не доживут до этих дней. Об этом напишет другой очевидец и участник всех этих событий. Тоже Иосиф.

А пока Понтий был совершенно обезоружен всем этим потоком заверений в дружбе и сотрудничестве. Первосвященники ушли, патрули уже рыскали по городу. Они обнаруживали пограбленные дома,

следы драк и избиений. Но как вы думаете, много ли они наловили преступников на месте преступления? И много ли жрецы представили Понтию зачинщиков погрома, которых обещали выследить? Конечно, вы правы, обе эти цифры равны между собой и равны нулю. В городе внезапно воцарился порядок. Город быстро восстановил то, что в нем было порушено и пограблено.

Понтий предчувствовал именно такой исход дела, как только за жрецами закрылась дверь. Конечно, самосуд и грабеж были отрежессированны, дана команда фас и дана команда отбой. Обе команды даны были вовремя. И послушание оказалось на высоте.

«Хоть не уезжай отсюда совсем, - думал Понтий в своем раздражении. – А что если еще Антипа погубит те два манипула, что ему присланы, с кем вообще тогда умирять эту банду?»

В итоге Понтию пришлось надолго задержаться в Иерусалиме. Он отослал Вителлию письмо и наконец, впервые за все свое служение в должности, попросил хотя бы небольшое подкрепление, не себе, впрочем, а Антипе. Демонстративное присутствие римлян на границе с Аравией связывало руки Арефе. Тот понимал, что значит вступить в вооруженную борьбу против Рима, и сидел тихо, поджидая своего часа⁵⁸. Понтий же, со своей стороны, поручиться за кротость Арефы и сохранность своих воинов не мог никак. Но и бросить Лонгина с крошечным отрядом на защиту всей еврейской столицы он тоже пока не мог. Оставалось ждать. Вителлий проблему понял, обещал помочь и разрешил Понтию покинуть Иерусалим. Тот решил хотя бы не ослаблять за счет

своей охраны малый Лонгинов отряд и выехал из города перед рассветом почти без охраны.

Когда, наконец, он с тремя провожатыми в одежде простого воина прибыл домой, то по обычаю кратко описал жене обстановку. Клавдия выслушала и сказала задумчиво:

- Похоже, у жрецов появились новые враги, которые ненавистны им еще больше, чем мы. Видимо, они основательно поссорились со своим Богом.

- Знала бы ты, как не похож стал этот Каиафа на того, с кем говорили мы первый раз, семь лет назад, кажется. Тогда они за своего Бога голову на отсечение давали. И потом беседовал он со мною умно, дерзко, не соглашался, возражал убежденно. Я его тогда начал уважать. А теперь он совсем не тот. Заискивает, лукавит, изворачивается. И кажется мне, он на самом деле кого-то боится, только не меня.

- Своего Бога боится, - ответила Клавдия. – Теперь они все ему враги.

- А войну против него пытаются вести нашими руками, - добавил префект.

- А ты знаешь, что произошло здесь, пока тебя не было? – спросила Клавдия.

- И что же?

- Корнелия и всю его семью посетил один из главных учеников Иисуса. Луция звала и меня, но я как-то постеснялась туда ходить. Не сделать бы им хуже. После этого я с ними еще не виделась.

- Надо его вызвать и расспросить обо всем подробнее, - заключил Понтий.

Глава 12. Новообращенные

Центурион Корнелий вскоре прибыл к префекту. Его маленькую свиту составили Луция, ординарец и служанка Луции. Все четверо прибыли верхом, спешили во дворике, где уже встречали их Понтий и Клавдия. Приветствовав своего центуриона, префект повел его в кабинет, оставив женщин на крыльце. Клавдии тоже хотелось поговорить с Луцией, после всего происшествия. Пригласив ее в свои покои, она обратила внимание, как та, поручив что-то своей служанке, отправила ее, поцеловав на прощание в щечку. Это настолько удивило Клавдию, что с этого она и начала свой разговор:

- Слушай, Луция, можно подумать, что она тебе не рабыня, а сестра родная. Это у вас теперь так принято целоваться с рабынями?

- Ну, можно сказать, что и сестра, - отвечала Луция весело, и нимало не смутившись. - Иисус нас сделал братьями и сестрами.

- То есть, они служат теперь вам, когда сами захотят? – продолжала удивляться Клавдия.

- Нет, они все сделают, когда это нужно.

- Они стали лучше вас слушаться?

- Да. Клавдия, можешь не верить, но это правда. Когда мы все поверили Петру и крестились во имя Иисуса, слуги стали нам более преданными, верными, расторопными и добрыми. Я и раньше замечала, если они что-то темнят и недоговаривают. Иногда подозревала их в воровстве. Теперь это все в прошлом. Мы нужны им, как родители или старшие братья. Мы заботимся о них, они же служат нам. И повторю: с большим усердием, чем раньше. Мы ведь поговорили с Петром и об этом. Мы готовы были

даже отпустить всех слуг. Петр сказал, что Иисус этого не повелел бы.

- Значит, Он был не против того, чтобы иметь рабов?

- Не против. Назвать их можно, как угодно. Важно, что у нас к ним отношение уже не как к рабам, а как к младшим братьям и сестрам. А рабы мы теперь все равно – рабы Богу Единому и его Сыну Иисусу Христу. И мы, и наши слуги – все рабы Божии. И Он нас теперь воспринимает, как детей, - так и мы воспринимаем своих слуг.

- Вот как, - задумчиво протянула Клавдия. – А мне казалось, что им только ослабь вожжи, они только и ждут, как тебе же навредить.

- Ну вот, Клавдия, я тебе и говорю, что Иисус изменил многое в этом мире. Я согласна с тобою, что рабы не могут полюбить своих господ, а господа не могут принять их братьями. Все это так, но все это только в том мире, где никогда не воскресают мертвые. А ты же сама лучше меня знаешь, Клавдия, - тут Луция понизила голос, - что теперь существует уже и другой мир.

- Об этом я и хотела поговорить с тобою с самого начала. Я чувствую, что сейчас такое время, когда сами Небеса говорят смертным что-то очень важное. И все это связано с исчезновением этого Иисуса и, разумеется, с судьбой моего мужа. Луция! – тут голос ее дрогнул, - уж несколько лет мы ждем каких-то ударов судьбы за наши грехи... за всю ту историю. И пока, благодарение богам, пока ничего страшного еще не произошло. Понятно, что мы внимательно следим за продолжением всей этой истории.

- Клавдия, если начать с начала историю нашу с мужем, ты не поверишь, сколько тут было чудес.

Муж-то у меня, ты сама знаешь, немножко философ. В глубине души он давно верил, что на самом деле есть один только Бог, который сотворил весь наш мир. Он молился Богу, как это у многих принято, без имени. Марс, Юпитер, Аполлон – это все псевдонимы. Он звал своего Бога, как положено, одними прилагательными: *optimus et maximus*⁵⁹. И вдруг говорит мне как-то после молитвы: я видел видение от Бога. Мне велено позвать из Иоппии Симона Петра, который гостит там, и он расскажет нам что-то очень важное. И даже адрес был назван ему, где искать этого Симона. Корнелий послал в Иоппию, позвали этого Симона, - и это оказался ближайший ученик Иисуса, навещавший свои общины по городам побережья. И этот Симон по дороге рассказал, что ему тоже было видение, чтобы он шел к римским людям, нисколько не смущаясь.

- И что он вошел в ваш дом и так вот, сел с вами за один стол и ел? – удивилась Клавдия.

- В том-то и дело! Именно так. И все эти еврейские игрушки в чистое и нечистое он даже не вспоминал. Говорит, что так велел ему Сам Господь, ибо Иисус установил вот это Царство, где рабы превращаются в братьев. В таком царстве и римляне с евреями превращаются в братьев. Да! Такие нелепости возможны, – она снова понизила голос, - потому что в этом его царстве мертвые превращаются в живых.

- Ну и дальше что? Что вам этот Симон Петр рассказал?

- О, он много рассказывал. О том, как они ходили с Иисусом, как он исцелял больных. Одну историю рассказал, которую мы и без него знали. Помнишь, центурион Тит из Галилеи писал вам, как позвал Иисуса к своему больному ординарцу? А потом даже

просил Иисуса не входить в свой дом, а чтобы тот приказал болезни на расстоянии. Помнишь? Так вот, Петр добавил тут то, чего сам Тит не знает. Потом Иисус сказал своим ученикам по-арамейски, - вот Тит этого и не понял, - он сказал, что в его Царство придут многие люди от востока и запада и возлягут там. Ну, то есть, это именно мы, римляне! И не только мы, может, и парфяне, и индусы, и германцы. Кто угодно, кого мы еще не знаем. Нас примут в его Царство. Петр сам не понял, что Иисус такое говорил, а теперь только мы все это увидели. А еще Иисус добавил, что сыны Царства, то есть сами евреи, во всяком случае, некоторые из них, будут из его царства выгнаны вон. Так и происходит, как ты видишь теперь. Еврейское жречество поссорилось со своим Богом – из-за Иисуса. А другие народы, наоборот, мирятся с ним.

- Ну и где ж его, Иисусово Царство? – продолжала удивляться Клавдия, - Луция, это слово погубило самого Иисуса и проклятием повисло на моем муже. Если бы тогда на допросе под протокол Иисус не твердил бы, что он царь, то Понтий его обязательно бы отпустил. А он все твердил: да, я царь, да еще какой-то не от мира сего. И где же это его царство?

Луция улыбнулась:

- Клавдия, во-первых, Иисуса уже невозможно погубить. Ты сама это знаешь. Во-вторых, царство его прямо тут, например, в нашей семье, где больше нет господ, а все друг другу братья и рабы только Богу. Да и Ему-то уже не совсем рабы, а скорее, дети. Да, это его Царство, и да, оно не от мира сего. Все хорошо, Клавдия! Ну, и наконец, я не верю, что муж твой проклят. Наверняка он в душе, так же, как и ты сама, верит в Иисуса. Иисус умер и воскрес не для

того, чтобы мы просто умерли, но чтобы жили с ним вечно.

Она помолчала две секунды, глядя на оторопевшую Клавдию.

- Знаешь, милая, что для меня самое главное было в том разговоре? Скажу. Ты знаешь, жена центуриона не должна бояться смерти, как подобает всякой римлянке. Я и не боюсь. Когда надо было, когда мятежники как-то раз окружили нас с мужем близ Аскалона, и нас было всего полтора десятка воинов, я сама бралась за оружие. Погибнуть от меча мне не страшно. Но когда я думаю, вспоминаю, как описывается наш аид, гадес, царство мертвых, меня охватывала такая тоска, что просто не знаю, как это передать. Я бы с радостью десять раз бросилась бы на меч, чтобы выйти прочь из этого аида, где шатаешься таким неусыпающим призраком, будь ты хоть Ахиллес, хоть Гектор. Какая гадость, Господи, помилуй! Это главное, почему мне хотелось жить на земле, лишь бы подольше туда не попадать.

- И вот, представь, - продолжала Луция взволнованно, - как Петр рассказывает о воскресении Иисуса. Раньше я от тебя слышала всю эту историю со стражей и опустевшей могилой, а теперь он говорит, что видел Иисуса живым, не во сне, а вот так рядом, как мы с тобою сейчас. Прикасался к нему, вот так, - она тронула руку Клавдии, - ел вместе с ним одну рыбу и хлеб. Иисус простил ему согрешения. Иисус рассказывал ему и всем ученикам, как надо понимать Писание о его страданиях. И вот, Петр говорит, что это был совершенно живой человек, более живой, чем мы сейчас. Потому что мы здесь все еще в болезнях и смерти, а Он как бы уже на другой стороне. Еще Петр вспоминал, как Иисус

обещал подарить им жизнь с избытком. И вот, после воскресения, жизни в нем самом стало больше. Ну, я не знаю, как тебе это объяснить, я вот так это поняла. И поверила. Да, это ж тебе не Ахиллес и Патрокл! Наконец-то камень у меня с души свалился, как и тот камень от его гроба. Я совершенно уже и не надеялась, что в будущем у нас возможна жизнь. А тут вдруг открывается такая возможность. Согласись, за это можно отдать все, что имеешь! Видишь, этот Иисус на самом деле победил весь этот аид с его призраками. Разогнал его, как тогда торгашей при Храме. Во всяком случае, из моей души аид выгнан.

Секунду помолчали, и Клавдия вдруг, посмотрев на подругу, удивленно сказала:

- Слушай, ты прямо вся светишься, я такой тебя никогда не видела!

- Ну, я же Луция! - засмеялась та в ответ, - мне и имя дали пророчески, на будущее. Вот, я наконец нашла саму себя.

Она, вскочив, обняла и поцеловала Клавдию и добавила очень серьезно:

- Моя находка будет и твоей. Мы делили трудности этой жизни, и дальше мы будем вместе. Навсегда.

Клавдия растерянно хлопала глазами, не зная, что думать, и наконец, попросила продолжить рассказ:

- Ну, и дальше? Вот, вам Петр все это рассказал, а как вы решили креститься?

- Дальше было еще интересней. Когда мы сказали, что верим Иисусу и спросили, что дальше делать, Петр предложил помолиться. Он начал молитву по-гречески, чтобы мы понимали, и вдруг неожиданно произнес на чистейшей латыни:

- Beati qui venit in nomine Domini! (Благословен Грядый во имя Господне!)

На что Корнелий ему ответил по-арамейски:

- Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа!

Петр оборачивается сразу:

- Ты знаешь по-арамейски?

- Нет. А ты знаешь по латыни?

- Нет. А ты понимаешь, что ты сказал?

- Нет. И я не понимаю.

- Ну, ты сказал вот что.

- А ты вот что.

И вот, пока мы разобрались, что Петр по латыни не знает ни слова, как и мы по-арамейски, Он сказал дальше, что это знак. Такой был им послан тогда еще через месяц после той пасхи страданий Иисуса, в их праздник первого снопа. Они тогда тоже заговорили на языках тех народов, из среды которых паломники собрались в Иерусалим. И тоже благословляли Бога на незнакомых языках. И Петр сказал, что и на нас сошел Дух Божий, и нам нужно креститься.

- А что значит, Дух Божий сошел? – спросила Клавдия. - Это как-то чувствуется?

- Ну, ты же назвала меня светящейся Луцией, - засмеялась подруга. – Вот я засветилась именно в тот день и час. И ты это заметила, и я замечая.

- Да, это потрясающе, - сказала Клавдия, - и чтобы сделать небольшую паузу, позвала:

- Саломия, принеси нам, пожалуйста, винограду и оливки. Перекусим немножко, - добавила она, обращаясь к Луции.

Когда Саломия принесла виноград, Луция вдруг взяла ее за руку, внимательно посмотрела на нее и,

вновь просветлев такой же улыбкой, сказала служанке, словно произнесла пароль:

- Христос анести!

- Алифос анести! *Christus surrexit vere!* Воистину воскрес! - воскликнула Саломия радостно, сразу на трех языках, включая родной.

- Спасибо, сестрица, - Луция поцеловала и ее, - ну, иди пока с миром, потом поговорим.

Измученная Клавдия почти что открыла рот:

- А как ты догадалась про нее? – спросила она, как только Саломия вышла. – Она тоже что ли из ваших?

- Ну, я посмотрела на нее и вижу: она тоже светится, - улыбнулась Луция. – Не знаю, может опыт мне помогает. Может, научилась я разгадывать служанок, когда они врут, что-то затаивают в душе, а когда наоборот.

- Луция, я тебе просто завидую. Значит, Иисус сделал тебя счастливой?

- Повторяю тебе: Иисус разрушил аид в моей душе. И произошло это совсем недавно. Как ты думаешь, какой же мне теперь быть?

- Ну, хорошо, вот вы крестились, а дальше?

- Ну, а дальше служба службой, как центурион Тит говорил: «я под властью, и подо мною воины», каждый из нас держит свое служение. А в день после субботы мы собираемся вместе.

- Все верующие в Иисуса?

- Да, причем собираемся у нас в доме.

- И господа, и рабы вместе?

- Да, и рыбаки, и ремесленники всякие, евреи, греки, римляне, армянин, кажется, один тоже есть. Народу много, народов много.

- И что вы там делаете?

- Молимся, поем псалмы, рассказываем, кто как кому рассказывал об Иисусе.

- А потом вместе кушаете?

- Да. Иисус накануне своей смерти провел прощальный ужин со своими учениками, разделил им хлеб, лепешку то есть, дал им пить из одной чаши, и повелел творить это в память о нем. Так мы и делаем.

- И евреи с римлянами из одной чаши пьют? – не переставала удивляться Клавдия.

Луция кивнула:

- Здесь уже другое царство, Клавдия, другой мир. Здесь воскресают мертвые. Здесь светятся женщины, даже служанки.

- Это у вас вроде как каждую неделю сатурналии? Рабы и господа за одним столом...

- Ну да. Можешь назвать так. Слушай, Клавдия, мне бабушка рассказывала про 720-й год. Тогда Август по окончании гражданских войн запечатал храм Януса в знак наступившего мира. Нас с тобой еще не было, но и я помню, как еще в своем детстве мы пели стихи Вергилия, специально написанные им по тому случаю: «Дева грядет к нам, грядет Сатурново царство⁶⁰». Мы ждали, что наступят какие-то особо благословенные времена.

Клавдия вспоминала свое детство и молча кивала.

- Вот в правление Августа и родился Иисус, - продолжала Луция, - И родился именно в сатурналии. И родился, - как они говорят, - именно от девы, - ты представляешь?! И мать Иисуса, кстати, еще жива до сих пор. Вот это да! Значит, Бог звал нас еще тогда. Он еще тогда объяснял нам на том языке, на котором мы могли бы его понять.

Оставим, впрочем, наших подруг доедать виноград и посмотрим теперь в кабинет Понтия, где шел мужской разговор. Расспросив Корнелия кратко о положении его манипула и подчиненных подразделений, Понтий перешел к главному:

- Я слышал, Корнелий, что ты со всей семьей перешел в веру этих галилеян? Даже посвящение их вы там приняли, как оно называется там...

- Все верно, - отвечал Корнелий. – И я уверен, что в скором времени ты одобришь наш шаг. Для начала посмотри, вот нас трое из семи твоих центурионов так или иначе сталкивались с Иисусом, и совершенно независимо друг от друга пришли к одному и тому же. Тит из Сепфориса тебе уже доложил, как при жизни он просил Иисуса исцелить его ординарца. И ты Тита не осуждал. Затем Лонгин в Иерусалиме был при распятии его, а затем провел расследование относительно гробницы Иисуса. Ты же сам похвалил его за расторопность и находчивость, как ловко он разоблачил выдумку иудейской стражи. Ведь это же все не просто так. Все мы понимаем, что Иисус не просто философ, а что Он особый посланник с небес, ибо эти небеса подтверждают его правоту.

- Но скажи, Корнелий, если мы принимаем иудейского Бога и должны начать молиться ему, значит, мы должны презреть отеческих богов, должны предать и цезаря, и сам Рим? Тебя это не пугает? Ты всерьез полагаешь, будто небеса, как ты выражаешься, от нас этого хотят? Забыть всю славу отечества ради странного галилейского плотника? Вот ответ мне не как начальнику, а как другу, как римский воин римскому воину.

- Понтий, как ты думаешь, неужели я смог бы сам пройти мимо такого вопроса? Я много думал об этом.

В итоге мне кажется, что имена наших богов – это какие-то псевдонимы и символы. Символы наших ценностей и добродетелей. Преимущество иудейского Бога в том, что они все-таки чтут его по-настоящему. Вот ты говоришь о почитании наших богов. Но скажи, разве они научили нас этому достойному почитанию? Вот вспомни историю, как болел и умирал Германик, за которого молились и приносили жертвы по всей вселенной. А как узнали о его смерти, опрокидывали алтари и кидали камни в храмы богов от скорби и обиды⁶¹. Скажи: ты одобряешь такое отношение к богам?

- Не одобряю.

- Ну вот. А ведь у нас этого никто не осудил. Даже в самом Риме. Это – почитание богов? Я считаю, что это очень плохо и совершенно недопустимо. Плох сам этот принцип: даю, чтобы ты дал. Боги не на рынке живут, чтобы к ним обращаться таким скверным образом. И если до сих пор боги не нашли способа как-то выправить в сердцах своих поклонников такое положение, то о чем это говорит?

- Не знаю. Если ты намекаешь, что их не существует, то это не следует из сказанного тобою. Богов надо почитать достойно, а люди их почитают недостойно. Вот и весь сказ.

- Не весь еще. Пока я был сам в религиозных исканиях, я рассудил про себя, что подлинного имени Бога (или богов) мы не знаем. Ведь мы сами даем имена своим рабам. Как твоя Клавдия, которая не морочила себе голову, а просто назвала служанок по номерам: Прима, Секунда, Терция. Так это Божье дело давать нам имена. А рабы именуют господ не по имени, а по титулу. Вот я и решил: буду молиться Богу, который над всем. Я не знаю, как его

собственное имя, но титул придумал не я, он общепринятый: Наилучший и Величайший. Если такая молитва возносится в храме Юпитера, - думал я, - пусть будет так. Если Величайший сочтет это нужным, Он Сам нам откроется. Ты согласен?

- Согласен. Я и сам так молюсь. Optimus et maximus. Пока не могу решить: неужели Бог, если Он Создатель всего мира, решил сделаться племенным предводителем иудеев, самого дрянного племени во вселенной? Это уж как-то недостойно Бога, согласись.

- Я бы согласился, - отвечал Корнелий, - Но тут произошли события. Во-первых, как-то я задремал после молитвы и услышал во сне голос: «Наилучший и Величайший слышит тебя, Корнилий. Но Я не Юпитер». Это произвело на меня очень серьезное впечатление. А потом произошла вот эта история, когда к нам по откровению пришел Петр, начальник учеников Иисуса, рассказал о нем. Из всех этих событий и разговоров складывается такая картина, что Бог Иисуса – это Бог всех народов, а не только еврейского. По крайней мере, так оно сделалось после распятия и воскресения Иисуса.

- Ты веришь в его воскресение? – спросил Понтий.
– Самого-то его еще не видел?

- Не видел. Но верю. Доселе еще никто не говорил о воскресшем из мертвых человеке, которого видел бы своими глазами. Иисус воскрес, а Он – Сын Бога, которому поклоняются евреи. Вот и ответ небес, чей Бог истинен. Я верю, мне достаточно. И рассказу Петра верю, и своим откровениям, которые сбылись. Мне ведь было сказано искать его в соседнем городе по известному адресу. И он там нашелся. Такого не бывает случайно. И сам Петр одновременно тоже

получил откровение идти ко мне. И приняли нас в ученики Иисуса без всей этой еврейской тягомотины про чистое и нечистое. Как своих, как Божиих, точнее. Ради Иисуса Петр все это оставил. В итоге получается, что в Иисусе Бог открылся, как Бог всех людей, равно. И это же правильно, - согласись. Многие философы понимали это задолго до нас.

- Так как же нам быть с богами отечества?

- Я думаю, нам надо воспринимать их, как плод несовершенного, еще детского восприятия мира. Может быть, разные проявления деятельности Единого Бога, Творца этого мира, мы облекли в такие образы, в такие метафоры, олицетворения. Может быть, наши предки обожествили своих предков-героев. Все это, наверняка было, но дело не в этом, а в том, что над всем миром, над всеми царями и правителями стоит один Бог, Который и создал весь этот мир, и всем назначил свои служения. Одним народам дал большие государства, власть, а другим народам дал лучшие законы и обычаи, каждому по силам. А затем в Иисусе, через веру в него, собирает всех людей, кто готов на это откликнуться, кто поверит в воскресение мертвых, в жизнь лучшую, которая открывается после этой нашей жизни. Племенных богов больше нет. Один Бог над всеми народами и над каждым человеком и устраивает судьбы всех по своей воле. И учитывая, конечно, способности и состояние этих людей и этих народов.

- В твоих словах много того, что внушает доверие. Я ведь сам об этом думал. Сам я тоже молюсь Наилучшему и Величайшему, не зная, куда направлена будет моя молитва в конечном итоге. Но главный вопрос все-таки практический. Если мы принимаем веру в еврейского Бога, то как нам

повести себя перед еврейским восстанием? Убивать своих новых единоверцев? Или предать свой народ и отечество?

- И над этим вопросом я думал много, - отвечал Корнелий. – Но в Иисусе решается и эта проблема. Дело в том, что ученики Иисуса точно не будут устраивать какие-либо мятежи и крамолы против Рима. Иисус сильно их от этого отговорил, а кроме того, предложил им (нам) нечто гораздо лучшее. Если я увижу бунтовщиков, то буду знать, что это не ученики Иисуса. А, кроме того, настоящие бунтовщики, как мне уже известно, люто ненавидят этих самых «галилеян» за их стремление поладить с нами мирно. Бунтовщики начнут резать именно своих, евреев, верующих Иисусу, как предателей их «великого еврейского дела» Вот почти очевидный, самый вероятный сюжет. И меч мой будет защищать и Рим, и этих моих единоверцев одновременно. Мы связаны теперь, римляне и евреи, верующие в Иисуса, связаны не только общим Господом, но и общим врагом.

- Да, Корнелий, похоже, что так. Слава Богу или богам, кажется, так оно и есть. Ты же знаешь, нас, римлян, здесь сосчитать по пальцам. Кроме вас, центурионов, мне положиться не на кого. И я никогда не пойду на предательство своего народа и цезаря.

- Слава Богу, - продолжил Корнелий, - этого не потребуется. Если не побрезгуешь личным советом под конец, постарайся мне поверить, что Бог все-таки предлагает нам нечто большее, чем просто благополучие государства. Надо искать в религии хоть чего-нибудь, кроме этого. В конце концов, не надо самим этим мятежным евреям уподобляться, которые думают, будто Бог их существует только для

того, чтобы обслуживать их народ и дать им великое царство. А в Иисусе, через такого посланника, Бог сказал им совсем другое. Они не верят. Вот и не стоит им подражать.

- Царство не от мира сего, - задумчиво произнес Понтий. — Да я слышал это, так сказать, в первоисточнике... Скажи, а к обрезанию-то они вас не принуждали?

- Нет, - ответил Корнелий, - так же, как и к своей диете.

- Ладно. Сейчас пообедаем по нашей диете, а потом пойдем в гимназий, поупражняемся. Военскую форму нужно держать.

За обедом все четверо просто отдохнули от только что прошедших насыщенных переговоров. И оба военачальника, и обе женщины были каждый по-своему нагружены всем тем, что сказали и услышали. Поговорили об урожае и погоде, о беспорядках в Иерусалиме, и делах здесь в Кесарии, об общих знакомых и новостях из Рима. Затем Понтий и Корнилий пошли к своему оружию. А Луция тихонько сказала Клавдии:

- Теперь отдохни, госпожа, а я с твоего позволения пару слов хочу сказать твоей Саломии.

- Ладно, скажи, - устало ответила Клавдия и пошла в спальню.

Луция же немало удивила Клавдииных служанок тем, что просто и умело помогла им прибрать стол, помыть посуду, расставить кресла. Только ее собственная служанка Анастасия не удивлялась. За этим делом, отозвав Саломию в сторонку, Луция расспросила ее, давно ли та приняла крещение, видела ли она кого-нибудь из Апостолов Иисуса. Спустя несколько минут они говорили уже, как давно

знакомые приятельницы. Среди прочего Луция спросила:

- А как твоя госпожа, она тебя не обижает?

- Больше уже нет. Я ею довольна.

- Я тебя очень попрошу, дорогая, стань ей во всем опорой. Ей очень трудно сейчас. Столько переживаний за мужа. Ей надо помочь. Ей тоже надо стать ученицей Иисуса. И она хочет этого, но просто должно прийти свое время. Ведь ей это труднее, чем всем нам. И кроме тебя, ей помочь в этом некому. Будь для нее надежной опорой и благовестницей, ладно? Ради Иисуса. Ты выполнишь мою просьбу?

- Ну, я постараюсь. Я уже все ей рассказывала, что видела в наших собраниях.

- Я верю тебе, сестрица. Будь умницей.

Между тем, Клавдия, перегруженная впечатлениями, никак не могла собраться со своими мыслями. Перед нею как бы приоткрылись светлые ворота, но что-то мешало в них войти. Она попробовала помолиться Богу, Отцу Иисуса. Молилась за мужа, и чтобы ей самой понять, что делать дальше. Помолившись, она присела и снова задумалась. Почему все так получается? Почему, услышав столько нового обо всем, она, Клавдия, больше всего удивлена поведением Луции со служанками и всеми ее рассуждениями именно на эту тему? Что-то темное лежало тут у Клавдии на душе, и вдруг она поняла. Дело не только в муже. Стать такой же сияющей, как Луция ей мешают и ее отношения с Саломией. Еврейка уверовала в Иисуса, и служит ей вроде бы хорошо. А ведь сколько презрения и унижений Клавдия выплеснула в свое время в ее адрес, столько ее наказывала, голодом морила. Допустим, это уже не продолжается, но все

равно, на душе было как-то беспокойно. Клавдия сама не знала, что делать, и как-то машинально позвала Саломию.

- Что прикажешь, госпожа?

- Да ничего... Просто присядь, я хотела тебя кое о чем спросить... Так ты приняла крещение?

- Да, госпожа, я же помнится, говорила об этом. Без этого я не могла бы войти в общину учеников Иисуса, а ты же меня туда посылала.

- Да, я помню, ты говорила. Я... я просто хочу узнать поточнее: ты уверовала искренно, что Иисус воскрес и хочешь, действительно быть Его ученицей?

- Да, я верю. Иисус стал главным, что есть сейчас в моей жизни. Он буквально спас меня.

- Вот как... Я раньше не интересовалась твоей собственной верой... Но ты знаешь,.. – Клавдия путалась в словах, сама не понимая, чего же она хочет от служанки. – А тебе нравится Луция?

- Да.

- И ты... Ты хотела бы... Ты не завидуешь ее служанке?

- Я радуюсь за Анастасию и за ее госпожу. Служанку Луции зовут Анастасия. Они приняли крещение в одной купели. И это имя дала Анастасии госпожа по ее же просьбе. В честь воскресения Христа. Теперь они друг друга называют сестрами.

И тут, наконец, Клавдию прорвало. Она заговорила тихо, прерывающимся голосом:

- Саломия, прости меня, я столько сделала тебе зла, я так издевалась над тобой. Я тоже хочу с тобой,.. ну как Луция с Анастасией... Скажи, ты можешь меня простить и принять, как сестру? Ради Иисуса. Я вижу, Он меня не простит, пока я не примирюсь с тобой.

Трудно описать, что тут произошло с Саломией. Она бросилась перед Клавдией на колени и, сбиваясь в речи, торопливо заговорила, давясь слезами:

- Госпожа, это ты прости меня, я перед тобой виновата больше. Я никогда прежде тебе этого не говорила. Но ты назвала заветное имя. И уже я не могу больше скрывать: я хотела убить тебя, я мечтала тебе отомстить. Я поначалу боялась, что и не сумею подкрасться к тебе, и что меня схватят и распнут. Но одно время я уже было совсем решилась. А ведь не подавала вида, подчинялась тебе покорно. Все решилось в тот день, когда ты послала меня в Храм, слушать Иисуса. А Он рассказал притчу, как работники хотят убить сына своего хозяина. Теперь я знаю, что Он это говорил о себе. Но вот тогда я услышала притчу и поняла, что это и про меня. И что этого нельзя делать, что мой замысел Богу противен. Мне это стало ясно, как день. А через три дня Иисуса распяли. Понимаешь, госпожа, распяли Его, а если бы Он тогда эту притчу не сказал, распять должны были меня. Ни меня, ни тебя тогда уже бы не было. Он спас нас. Прямо на краю. Я видела, как ты плакала в ту пятницу, и я тогда впервые пожалела тебя. Потом, помнишь, мы с тобой ходили к Его пустой могиле. И опять как будто кто-то мне повелел не делать тебе вреда. Потом уже я пробилась к одному из Его учеников, Симону, кажется, и спросила его прямо: как мне относиться к суровой госпоже римлянке? Он сказал, что я должна служить тебе честно. Ну, это я тебе не рассказывала. Тогда я бросила этот свой замысел, но никогда о нем никому не говорила. Теперь... теперь я должна тебе это сказать. Прости меня. Если хочешь, накажи меня розгами, я заслужила это...

- Нет, не надо, Саломия, не надо. Я прощаю тебя, и ты меня прости. Я сама же довела тебя до этого всего. Но ты ведь больше не сделаешь мне зла?

- Не сделаю, конечно, - Саломия обливала колени Клавдии своими слезами. – Поверь, госпожа...

- Сестра, - вдруг поправила Клавдия.

- Сестра, или лучше, матушка. Я же тебе в дочери гожусь. Поверь, матушка, Терции больше нет. Есть раба Божия Шломит, раба Иисуса и твоя раба – ради Иисуса.

- Сестра, не раба, - снова поправила Клавдия, глядя ее черные волосы, вытирая слезы и чувствуя, как тяжелая горькая тьма выходит из самой груди. – Если хочешь, я дам тебе вольную. Ты уже послужила мне, сделала для меня самое главное, дала мне узнать об Иисусе и поверить в него.

- Ты тоже веришь Ему, матушка?

- Да, конечно. Просто не могу пока к вам открыто присоединиться, ты понимаешь почему. Но я тоже хочу быть такой счастливой, как Луция. И чтобы ты была у меня, как у нее Анастасия.

- Нет, вольную я не прошу, - сказала Саломия, - мне просто некуда больше идти. Родители умерли, муж мой погиб в этой смуте, брата распяли за нее же, сестру продали в рабство, не знаю куда. У меня никого нет. И замужем-то я побыла несколько месяцев всего. Дом наш сгорел. Единственно, кто у меня теперь есть, - это ты, госпожа, то есть, матушка. Позволь мне остаться. Я буду теперь тебе верной до смерти.

- Хорошо, - закончила, Клавдия, кое-как совладав с переполнявшими чувствами. А теперь давай помолимся вместе в первый раз.

И, встав на колени, они поклонились на восток, в сторону Храма и благодарили Господа Иисуса, спасшего их жизни, и убившего их вражду. Они не понимали друг друга и не мешали друг другу. Одна шептала по-латыни, другая на иврите. Каждый человек молится на том языке, на котором думает и видит сны. Но молитва их была, действительно, общей. И Понимающий все языки, Слышащий все молитвы невидимо благословлял их, так не похожих друг на друга и так крепко соединенных теперь друг с другом.

Приблизился вечер. Корнелий с женой засветло отправились к себе. Понтий и Клавдия проводили их на крыльце. Клавдия невольно залюбовалась, как ловко Луция садится на коня и держится верхом. Клавдия завидовала подруге белой завистью, как сказали бы мы теперь, что все у нее складно получается, что она может любому помочь, любого утешить, для каждого легко найти нужное доброе слово и доброе дело, и что вообще, она стала такая светлая.

Между тем у самой Клавдии даже после примирения с Саломией такого порядка в душе все еще не было. Вечером, оставшись с мужем наедине, она сказала ему:

- Ну, как ты находишь Корнелия? Ты убедился, что он не предатель? По-моему, он остался вполне надежным.

- Ну, пока да, - отозвался муж. – Я надеюсь, что могу положиться на него. Но вообще, тревожно.

- А ты не заметил в них перемену к лучшему? Они стали сосредоточеннее, добрее, рассудительнее. Не знаю, как Корнелий, но Луция просто счастлива, ты

не заметил? — Она хотела бы даже прибавить: «красива», но вовремя прикусила язык, понимая, что есть слова, которые никогда нельзя произносить при муже.

Впрочем, ее предосторожность тут была уже поздней и бесполезной. Понтий раньше нее заметил, как красива Луция, и что теперь она стала еще привлекательней. Он уже давно оценил эту женщину и не раз позавидовал ее мужу. Вместе с тем, к Корнелию он чувствовал узы настоящей боевой дружбы, и сделать ему такую гадость, как покуситься на его жену, не мог себе позволить. Кроме того, он понимал, что она неприступна ни для кого. Поэтому он и старался не глядеть вообще на Луцию без нужды, поменьше с ней разговаривать и, разумеется, не говорить о ней с женой. Поэтому он пресек этот разговор, перейдя на другую тему.

- Клавдия, я все понимаю, к чему ты клонишь. Ты втайне веришь в Иисуса и хочешь быть с ними, и чтобы я был с вами. Все это хорошо, но пока еще не время. Я понял, что должен сделать. Я завтра же напишу цезарю особое подробное донесение обо всех этих событиях. Я испрошу его распоряжение (уже помимо своего) не преследовать этих галилеян, учеников Иисуса, где бы они ни появились. Это я могу, это мой долг. Не сумевши избавить Его самого, я постараюсь прикрыть Его людей. Конечно, о том, что мои центурионы понемногу сами примыкают к новому течению, я промолчу. Но это пока максимум, что я могу сделать. Мне нужно быть на своем месте, выполнять свое служение. Если на моем месте появится какой-нибудь тип вроде этого Ирода Антипы вам же всем будет хуже, - ты понимаешь. Я думаю так: если Иисус пожелает от меня еще что-то

сверх того, например, оставить свою должность, то он как-то даст мне это знать, правда?

- Спасибо, Понтий. Это уже очень хорошо. Я понимаю, что долг для тебя выше всего. И все же... Как это сказать... Ты чего-нибудь еще, кроме исполнения долга, Богу предложи, или пожелай от него, а? Ты ведь не только офицер служащий, ты еще и человек. Вот, Корнилию с Луцией ничего не мешает быть и верными долгу, и счастливыми.

Понтий вдруг посмотрел на жену, заметил ее отекавшие веки, красные от обильно пролитых слез (он не знал, по какому это было поводу) и внезапно почувствовал какое-то новое тепло, исходящее от его жены. Помимо всех ее переживаний за него и ожиданий грядущего гнева небес, он вдруг заметил за нею какое-то особое бескорыстие. Сам факт того, что Клавдия несколько раз обратила его внимание на Луцию, совершенно ясно вдруг показал Понтию, что она не ревнива, что если бы нужно было для блага мужа, она отдала бы за него не только все, что имеет, но и самые свои права на него, как на мужа. Чтобы спасти его, Понтия, от гнева небес, она готова просто испариться сама.

- Не берусь судить, как изменились к лучшему Корнелий и Луция, - сказал он, взглянув на жену с нежностью, - но я вижу, что ты изменилась. Вот ты точно стала добрее и рассудительнее (он тоже здесь хотел было вставить ключевое слово: не ревнива, и точно так же вовремя прикусил язык). Ты переживаешь за меня, больше чем, я сам. Я это вижу, понимаю. Может быть, другому показалось бы, что все эти скорби и волнения сгибают тебя, но для меня ты действительно, подарок судьбы и сокровище. Я ценю это, и ты все хорошеешь в моих глазах.

Понтий исполнил свое обещание и прямо с утра засел за послание к цезарю. Окончив работу, он позвал жену и прочитал ей примерно следующее:

«Спешу сообщить тебе, Принцепс, о новом религиозном течении, возникшем в здешних краях, к коему волею судеб я получил самое прямое отношение. Здесь появился очень странный человек по имени Иисус из Назарета...

- «Очень странный» замени на «удивительный», - вставила Клавдия.

- Хорошо, - отозвался Понтий и продолжил:

«... которому удавалось совершить множество чудес, прежде всего, исцеления больных, причем неизлечимо больных. До сих пор тому есть множество свидетелей, включая нашего центуриона Тита в Сепфорисе, по просьбе которого этот Иисус исцелил его ординарца. Странность же этого проповедника заключалась в том, что он называл себя царем, говорил, что приблизилось царство его Бога, и при этом призывал постоянно своих слушателей ни в коем случае не бунтовать против римской администрации. На прямой вопрос, а нужно ли платить подати цезарю, отвечал столь же прямо: отдавайте цезарю цезарево, а Богу – Божие. По-видимому, намекая на то, что римская держава (в отличие от Селевкидов) не мешает евреям чтить своего Бога по их законам. Никогда при нем не видели вооруженных людей. Не раз он принимал мытарей в свое общество и показывал пример доброго отношения к ним, что для нас очень важно, ибо именно мытари становятся первыми жертвами любого бунта, и подбирать людей на такие должности нам становится все труднее. Вообще, до

этого не было здесь пророка, который проповедовал бы такое миролюбие и так разрушал бы обыкновенное еврейское высокомерие над прочими народами.

По-видимому, именно эта черта его проповеди сильно не понравилась членам синедриона и они, арестовав, передали его мне на суд, настаивая на смертной казни. На допросе при свидетелях и под протокол Иисус вновь назвал себя царем, что само по себе является преступлением, заслуживающим смерти, и вновь отказался как-то внятно объяснить, в чем заключается его царство. Перед судом собралась большая толпа агрессивно настроенных евреев. Я попытался воспользоваться правом народной амнистии, чтобы отпустить его на свободу, но толпа единодушно требовала предать его смерти, причем угрожала бунтом. Не имея возможности противостать согласному требованию синедриона и народа, я утвердил ему их смертный приговор. Об этом сейчас я жалею и искренне раскаиваюсь, хотя и теперь не могу найти себе тех формально-юридических оснований, по которым я мог бы отменить его казнь. Это произошло в марте 16-го года твоего принципата.

Дело, однако, этим не закончилось. С моего дозволения иудеи поставили храмовую стражу на охрану его гробницы. Утром третьего дня эта стража прибежала к своим начальникам, рассказывая, что внезапно камень, закрывавший гробницу, отвалился сам собою, и тело казненного исчезло. Проведя расследование и отдельный допрос этих стражников, я убедился, что они говорят правду, которую, впрочем, я запретил им разглашать публично. Кроме того, с этого дня пошли упорные

слухи, что ученики видели его живым, ходящим в теле, которое можно потрогать, и вкушающим с ними пищу. Число этих людей с тех пор росло, по нескольким отдельным каналам я лично следил за этими людьми и их собраниями, и все они глубоко убеждены, что Иисус действительно воскрес из мертвых. Кроме того, они учат, что Он есть Сын их Бога, и что Он когда-то, возможно, вскоре, вернется и установит для всех добродетельных людей что-то вроде изначального золотого века, Сатурнова царства. (Вероятно, в таком именно смысле сам их Учитель и говорил о своем царстве).

Важнее то, что у этих людей пропадает чувство национальной гордости и исключительности. В их собраниях еврей, грек, самарянин и даже римлянин, становятся равно желанными. Сам Иисус и его ученики не слишком придерживаются тех кичливых еврейских обычаев, суть которых в гнушении всеми не евреями и за которые ты, Цезарь, столь справедливо повелел изгнать евреев из Рима. Поэтому я полагаю, что эту группу или секту в еврейском обществе преследовать не стоит, поскольку ее наставники, как и их казненный Учитель, по-прежнему нисколько не пытаются восстановить евреев против римлян, и даже проповедуют дружбу между нашими народами, за что именно от своих же евреев периодически подвергаются преследованиям и даже самочинным расправам. Эти расправы и самосуды я им жестко запретил, как то и велят наши законы. А за настроениями в их среде и среди их противников мои люди продолжают внимательно следить.

Полагаю необходимым донести все это тебе, поскольку это учение уже вышло далеко за пределы

Иудеи. Я точно знаю, что его последователи уже есть в Сирии и Египте. Уверен, что по всему еврейскому рассеянию по всей вселенной эта новость (они называют ее евангелием, благовестием) уже распространяется, и ты непременно обо всем этом вскоре услышишь не только от меня. Для меня было бы благом, если бы здесь, в Палестине побольше евреев приняли это учение, что принесло бы только спокойствие и процветание твоей державе».

- Ну, хорошо, спасибо, пусть Гармизий перепишет набело со всеми приветствиями, - и отсылай, - сказала Клавдия.

- Сам перепишу, ему не доверю, - отозвался Понтий и вновь засел за перо.

Ответ Тиберия не заставил себя долго ждать. Он высочайше повелел не преследовать сторонников Иисуса за их веру. Кроме того, до Понтия дошли слухи, будто Тиберий даже предлагал сенату включить Иисуса в пантеон богов, как сына божия, но сенаторы по каким-то причинам это отклонили⁶².

Глава 13. Самарийский мятеж

Еще некоторое время прошло в спокойствии. Понтий по-прежнему принимал доклады, проверял сбор налогов, лично следил за постройкой водопровода в Иерусалиме, который на радость всем был наконец завершен.

Гроза разразилась внезапно.

Воинский отряд, приданный Понтием Антипе, был отозван. Отряд Вителлия еще не подошел. Но этого было достаточно военачальникам Арефы, чтобы разбить войско Антипы близ границы. Назревал

скандал, грозивший дойти до слуха самого цезаря. Как и предсказывал Понтий, пламень царской любви оказался способен поджигать целые области. Но и это было еще не все.

К Понтию в Кесарию явились запыхавшиеся посланники синедриона и стали рассказывать о каком-то страшном восстании, готовящемся в Самарии. Якобы там появился свой лжепророк, пытающийся восстановить свой самарийский древний храм и под это начинание поднявший множество народа одновременно и против иудейского Храма, и против римского владычества. Синедрион сообщал, что по тревоге собраны все силы храмовой стражи и местной полиции, всего около двух тысяч человек, и просил Понтия немедленно двинуться им на соединение в сторону горы Гаризим, где и собрались новые повстанцы.

Понтий немедленно по тревоге поднял весь гарнизон. Краткий военный совет, если так можно выразиться, он провел в той же «группе четырех»: он с Корнилием и две их жены. Больше никого не было.

- Итак, у нас крайне мало сил, - докладывал сам Понтий. – Возможно, это снова еврейская провокация. Возможно, нас просто хотят выманить из Кесарии, а настоящий заговор мы уже проморгали здесь. Захватят резиденцию, запасы продовольствия и стрел, - и как хочешь, пробивайся в Сирию, к Антиохии через пустыню. Возможно, конечно, и там, в Самарии что-то серьезное. В любом случае Лонгин со своим отрядом необходим в Иерусалиме: там тоже могут без него захватить Антониеву крепость. Тит также остается в Галилее, да мы и не успеем его известить. У нас двести человек и пятьдесят лошадей. Здесь оставим человек двадцать под началом

декуриона Сатурнина. Женщины, оставайтесь здесь. Держитесь вместе с бойцами. Если что, дайте нам знать. Вооружите слуг. Луция, у твоих общинников найдутся кони и всадники?

- Они бы и сами согласились защищать нас от мятежников, только там мало людей, способных носить оружие.

- Ну, я знаю, что лучшие воины в этом отряде – это вы с Анастасией, - пошутил Понтий, но Луция в ответ кивнула очень серьезно:

- Выставим караулы, спать будем в доспехах, - ответила она. – С нами Бог и орлы. Стрел у нас тоже достаточно. Живыми не сдадимся.

- Ну, вот и хорошо. Хотя живыми вы пригодитесь нам лучше. Но гонцов с конями приготовьте на восточной окраине, чтобы в случае чего неслись за нами во весь опор. Мы с Корнелием все-таки должны выступить. Нас в десять раз меньше, чем евреев, но евреи самарян ненавидят, особенно в связи с альтернативным храмом. Я понимаю, что там готовится тяжелая резня. Ее нужно предотвратить, иначе большой мятеж, действительно станет неизбежным. Не знаешь, кто здесь более опасен: заявленный враг или заявленный союзник. Мне нужен надежный помощник-командир, способный принимать решения и контролировать воинов. Так что, Луция, прости, мужа твоего забираем в поход. Впрочем, старшему моему сыну тоже пора в его первый боевой поход.

Клавдия вздрогнула от этих слов, но она знала, что взрослому тогу на Марка уже надели, и, стало быть, время настало.

На том и простились, через полчаса трубачи уже играли сигнал к отходу.

Когда войско скрылось за горизонтом, Луция обратилась к Клавдии наедине:

- Госпожа моя, сестра моя, положение серьезное. Быть может, и вправду мы не проживем и нескольких дней. Ты не хотела бы...

Клавдия перебила ее:

- Дорогая, я все понимаю, о чем ты. Хотела бы. Действительно, наверное, уже настал момент, когда мне необходимо креститься. Но покидать резиденцию, ты понимаешь, нельзя.

- Моя догадливая госпожа! В этом нет необходимости. Бассейн у вас есть, - и довольно. Ворота все заперты, караулы выставлены. Анастасию пошлем в город на разведку, и чтобы позвала пресвитера.

- А это кто?

- Ну, старейшина общины. Нам сам Петр назначил двух из них. Так делает он в каждой общине в любом городе. Пресвитер руководит нашим собранием. И он же совершает крещение по возможности.

- А если нет возможности?

- Тогда крестить может любой крещеный ученик Иисуса.

- Даже женщина?

- Даже женщина. Но лучше все-таки пока спокойно позвать пресвитера. А я буду тебе восприемницей.

- А это что значит?

- Ну, типа свидетельницы. Ну, как на свадьбе подружка невесты.

На том и порешили. В ожидании возвращения Анастасии с пресвитером подруги молились, каждая, как могла. Пока все шло по задуманному. Пресвитера нашли, он немедленно пришел, понимая серьезность

дела. То был пожилой грек по имени Епимах, из давних прозелитов синагоги, принявший крещение от Петра вместе с Корнелием и его семьей. Спросив Клавдию о серьезности ее намерений, верит ли она в Иисуса и его воскресение из мертвых, он проследовал с Луцией, Клавдией и Саломией к бассейну, где помолился о прощении грехов новой рабы Божией и о даровании ей новой жизни во Христе Иисусе. Затем, оставшись в одной тунике, Клавдия сошла в воду и погрузилась...

Она не помнила своих чувств в ту самую минуту. И только потом, уже облаченная во все белое, осыпаемая поздравлениями Луции и слуг-сестер постепенно начала сознавать величие совершившегося момента. Слишком долго она привыкла жить, так сказать, под мойрами, в ожидании, что гнев небесный, отлагавшийся столько лет, все-таки разразится над ее головой. Даже в светлые моменты этих лет она могла позволить себе порадоваться только за других, а сама ощущала себя под гневом. И только теперь, в последующие часы и дни этот давний устоявшийся страх начал постепенно ее покидать.

Как бы окончательно рассеивая этот страх, Луция вдруг сообщила ей то, что слышала от Петра, но осознала и припомнила только сейчас:

- Клавдия, есть еще одно очень важное для тебя известие. Петр и другие ученики не могут припомнить за Иисусом, чтобы он хотя бы раз наказал кого-то из людей. Он обладал поистине божественной силой, исцелял, очищал прокаженных, давал прозрение слепым. Но ни разу Он не применил свою божественную силу против своих врагов. Ты слышала, наверное, что Он учил любить врагов?

- Слышала.

- Так вот, Он сам первым выполнил полностью свое это учение или поручение.

- Знаешь, Луция, я сама видела, как Он разгонял торговцев из Храма. Он всего лишь хлестнул кого-то куском веревки.

- Да. Нам рассказывал Петр. И это было самое тяжкое наказание с его стороны. Даже синяков не осталось ни у кого, наверное. Вот что меня потрясает больше всего. Стоять за такого Царя – это хорошо и правильно. Только такой человек может стать Царем всего мира. Итак, Клавдия, перестань теперь волноваться и ожидать небесной кары. Он не злопамятен и милость его бесконечна.

Клавдия впервые вздохнула с настоящим облегчением.

Уходил и страх грядущей опасности. Ночь прошла спокойно. И следующий день тоже. В городе не произошло никаких изменений. Если общинники Луции не были хорошими воинами, то, во всяком случае, ныне они повсюду дежурили по городу, готовясь о любом подозрительном движении народа доложить в резиденцию. Но повод волноваться пока не появлялся. Молились и тревожились наши подруги пока только за мужей и их отряд.

На четвертый день наступила суббота, спокойствие города было прежним, даже большим из-за того, что еврейская часть населения исчезла с глаз долой. Луция осторожно предложила Клавдии:

- Сестра, вроде все пока тихо, может быть, завтра рано утром сходим к нам домой, в наше собрание. Община должна собраться. День и час воскресения нашего Господа. Думаю, это не страшно. У нас есть еще двое крещеных воинов, возьмем их с нами.

Клавдия согласилась. С вечера, готовясь первый раз попасть в христианское собрание, она, конечно, волновалась про себя, хотя примерно знала от Луции, что ее там ждет. Пришла ей и мысль, что хранимую эти шесть лет погребальную плащаницу Иисуса она должна передать в церковь. Так будет правильнее. В этой общине не так много евреев, которых мог бы испугать вопрос ритуальной нечистоты. Остальным было бы полезно взглянуть на тот Лик, который тогда еще так поразил Клавдию.

Еще перед сном она достала свою реликвию, развернула, осмотрела, вновь тщательно завернула ее в отдельное широкое полотенце. Все делала сама и тайно от служанок.

Утром Клавдия несла этот сверток своими руками. Саломия хотела ей помочь, но Клавдия мягко отказалась:

- Тебе это нельзя, - и Саломия без слов догадалась, что лежит в свертке.

Вышли еще затемно. Улицы были тихи и пусты. Шли быстро, но спокойно. Тишина Божьего покрова повсюду сопровождала этих первых латинских христиан. Община почти собралась. О Клавдии все знали, ее ждали. Как-никак, но в городе она была первой дамой, и этого факта невозможно было игнорировать даже в христианской общине. Но было и еще нечто важное. Среди всех присутствующих здесь только Клавдия видела своими глазами и самого Иисуса, и суд над Ним, и Его опустевший гроб. И это тоже заранее знали все. Неудивительно, что все взгляды были устремлены на нее. Клавдии даже неловко было вот так сразу попасть в центр внимания того собрания, которое собралось вообще-то не ради нее, а по более важному поводу.

Приветствия и поздравления с крещением сыпались со всех сторон. Кивнув на все стороны, Клавдия сказала:

- Братья и сестры, я здесь все-таки впервые, и собрались вы не ради меня, а ради Господа нашего. Давайте действовать, как у вас принято.

Пресвитер Епимах сказал несколько вводных слов, поздравил и саму Клавдию от лица всех, затем предложил помолиться. Молился своими словами вслух, благодаря Господа. Затем все собрание пропело ту самую молитву, которая называется Отче наш и известна всякому христианину, а Клавдия слышала ее впервые. Затем Епимах обратился к Клавдии:

- Госпожа и сестра наша, мы все знаем, что ты своими глазами видела Иисуса и его опустевшую гробницу, может быть, ты сможешь поведать нам что-нибудь полезное по этому случаю?

- Прости, Епимах, простите, братья, - отвечала Клавдия, - мне по-прежнему очень тяжело вспоминать тот ужасный день, когда я видела Иисуса близко. Мне так хотелось бы вычеркнуть этот день из своей жизни, так что я скорее позавидую вам, что вы всего этого не видели, - она сделала небольшую паузу, во время которой развязывала шнурок своего свертка. — Но все-таки у меня есть для вас свидетельство, очень важное. Оно касается моего мужа и все-таки позволит вам лучше его понять. Он говорил мне, что после официального допроса под протокол и после того, как народ отказался Иисуса отпустить, жрецы, добиваясь осудительного приговора, сказали Понтию: «этот человек должен умереть, потому что выставлял себя сыном Божиим». Тогда он наедине спросил Иисуса, почему тот ничем

не хочет защититься. Понтий оправдал бы Иисуса на основании хотя бы какого-то опровержения с его собственных слов. Но Иисус ответил: «ты не имеешь надо мною никакой власти, кроме той, что дана тебе свыше, и больший грех не на тебе». Понтий переспросил: «ты стремишься умереть?» Иисус больше не отвечал, и это более всего обескуражило моего мужа. Он понял, и понял раньше нас всех, что Иисус идет на смерть сам, понимая, что такова воля Небес. Поэтому он и сдался, утвердив еврейский приговор в надежде, что сами небеса разверзнутся тут и вмешаются в дело. Так оно и получилось, хотя и другим путем.

Между тем, Клавдия развернула свою драгоценность и продолжила:

- Вот то погребальное полотно, в которое было завернуто его тело в гробнице. Я взяла его с собою. Ведь оно у евреев считается нечистым, и если бы я его не взяла, оно рано или поздно было бы сожжено. Теперь вот, посмотрите, - она открыла лик на полотне.

Вопль удивления и ужаса на нескольких языках прокатился по комнате вместе со все еще остающимся запахом смирны и благовоний. Никто вообще не думал, что такое полотно существует, что оно сохранилось. Говоря о погребении Иисуса, Петр, кажется и вовсе о нем не упомянул. Теперь же и сам лик, и весь вид двух отпечатков тела просто ошеломил всех присутствующих. Клавдия продолжила:

- В тот день я была так же поражена, как вы теперь. Тут же я поняла, что тело не было похищено. Ибо перевязывающие это полотно ленты были нетронуты. Никто их не разрезал и не развязал. Я

оставлю это вам, чтобы вы могли показать всякому человеку, кому нужно удостовериться, что Христос поистине воскрес.

Несколько возгласов *Христос воскрес!* на разных языках были ей ответом. Клавдию благодарили, славили Господа. Она, обессилев, присела на скамью, а когда смятение улеглось, когда все рассмотрели плащаницу, то пресвитеры вновь аккуратно свернули ее. Кто-то из евреев напомнил, что все-таки эта вещь – источник нечистоты. И тут неожиданно Саломия встала и что-то довольно резко ответила по-арамейски. Ее переспросили, что она сказала, и она перевела на греческий:

- Я говорю, что этот саван покрывал не просто мертвого, но воскресшего. И очищен самим его воскресением.

- Что Бог очистил, того ты не почитай нечистым, - напомнил Епимах, и все подхватили эту фразу, потому что именно в этой общине с нее и начиналось благовестие Петра⁶³.

- Ну да, - продолжила Саломия, - и пахнет она благовонием, а не мертвечиной.

Между тем, Луция, столь же удивленная, как и все остальные, движимая необъяснимым внутренним чувством, вдруг поцеловала находку, и, повернувшись ко всем сказала:

- Эта память об Иисусе не оскверняет, а освящает всякого.

С нею поспешили согласиться.

Наконец, собрание все-таки продолжилось. Главное было впереди. Это священная трапеза.

Принесли хлеб и чашу вина. Епимах взмолился с прерываниями в голосе, которые были теперь понятны и близки всем:

- Отче Небесный, мы благодарим тебя за эту жертву, что Ты послал в мир своего Сына. Иисусе, мы благодарим Тебя, что Ты пошел на это страдание, зная, куда идешь. Мы благодарим тебя и за это свидетельство, данное нам, за наших сестер и братьев, которых ты прилагаешь к своей церкви. Мы понимаем, что это все знак твой, что мы должны и дальше свидетельствовать и стоять за твою истину. Хлеб и вино приносим в воспоминание о страданиях твоих. Теперь и сей погребальный саван станет для нас постоянной памятью о твоём воскресении из мертвых, которого ждем и все мы, чтобы быть с тобою...

Он благодарил еще довольно долго. Вспоминал и последнюю вечерю Иисуса с учениками, благословив крестом хлеб и чашу. Хлеб преломили и передали всем по кругу. Пустили и чашу. Когда она дошла до Клавдии, та вдруг сказала со слезами:

- Господи, я же видела твою кровь!

- И эта кровь спасла и тебя, и меня, - вдруг подсказала под руку Саломия, и только одна Клавдия поняла, что она на самом деле имеет в виду. Отпила, и передала Саломии чашу.

Когда все приобщились святыни, Епимах продолжил молиться. Теперь было видно, что он произносит молитву, знакомую всем, и выученную наизусть:

- Благодарим Тебя, Отче наш о жизни и знании, которые Ты явил нам через Иисуса, отрока Твоего, Тебе слава во веки. Как был этот хлеб, нами преломленный, рассеян по горам, и, собранный, стал един, так да соберется церковь Твоя от концов земли в твое царствие, ибо Твоя есть сила и слава через Иисуса Христа во веки. Ты, Владыко Вседержитель,

создал все, имени Твоего ради, пищу и питье дал человекам в наслаждение, чтобы благодарили Тебя. Нам же Ты даровал духовную пищу, и питье, и жизнь вечную через Иисуса, Отрока твоего. Прежде всего, благодарим Тебя, ибо Ты силен, Тебе слава во веки!

Помяни Господи Церковь Твою, чтобы избавить ее от всякого лукавого, и усовершенить ее в любви твоей. И собери ее, от четырех ветров освященную в Царствие Твое, которое Ты уготовал ей, ибо твоя есть сила и слава во веки.

Да придет благодать, да прейдет мир сей! Осанна Богу Давидову! Если кто свят, да приходит, если кто не свят, да кается. Маранафа!⁶⁴

Собрание ответило: Аминь!

Между тем отряд Понтия благополучно встретился с еврейским отрядом, не доходя горы Гаризим. Еврейские разведчики уже выяснили, что самаряне собрали значительный вооруженный отряд у деревушки Тирафана, и что к ним еще ожидаются подкрепления. Понимая, что штурмовать высокую гору будет трудно и приведет к потерям, Понтий согласился с тем, чтобы действовать немедленно, не позволяя повстанцам соединиться вместе. Не дав когорте отдохнуть после трудного перехода, он выстроил ее и двинулся на мятежных самарян во главе конного отряда. На предложение немедленно разойтись, оставив оружие, повстанцы ответили бранью, хохотом и стрелами. Атака римлян была молниеносной. Против одного римского воина уже двое евреев или самарян имели неоспоримое преимущество, но построенный по правилам манипул, состоящий из вооруженных и прикрытых щитами и доспехами воинов, получал перевес и над

пятикратно превосходящим противником. Самаряне достаточно быстро были смяты, многие обратились в бегство.

Понтий впервые после многих лет вновь ощутил себя воином и командиром. Это был новый глоток жизни, какой-то очень настоящей жизни. После всех этих лет изнурительных любезностей с ненавидящими и ненавистными еврейскими старейшинами, после разбора судебных и финансовых дел, после всей этой осточертевшей префекту фальши и тягомотины, - вдруг хотя бы несколько минут побыть самим собою: воином, охотником, мужчиной. Он сам шел в бой в первых рядах, быстро отдавал команды. Тряхнул сединой и в метании дротиков, чем никогда не переставал заниматься в свободное время.

По ходу боя на подмогу подоспели и еврейские отряды. Когда преследователи ворвались в деревушку, уже невозможно было остановить резню и мародерство. Равно как и найти виновных в этом деле. Понтий с Корнелием как-то еще сумели справиться со своими легионерами, предупрежденными заранее о мародерстве, но все равно разгром самарян получился кровавее, чем их собственные замыслы. Были захвачены и пленные, из которых Понтий постарался найти только самых главных зачинщиков, казнив всего нескольких человек, причем обошелся без распытия. С известных пор этот вид казни был ему неприятен.

Мятеж был, и он был подавлен⁶⁵. Потери римлян были незначительны. Несколько человек были ранены. Ведь они столкнулись здесь не с обученным войском, а с плохо вооруженной бандой религиозных экстремистов. Казалось бы, можно было радоваться

победе. Даже предводители еврейского отряда были вполне довольны, что самарянское начинание по возведению альтернативного храма уничтожено в зародыше. Но предчувствие подсказывало Понтию, что опасность не миновала до конца. И он решил перестраховаться на всякий случай. С оставшимися у него пленными он провел разговор, надеясь понять, чего они хотят, есть ли что-то законное в их требованиях, или это просто мятеж против римской власти. Оказалось, что главарь восстания, выдававший себя за пророка (а он улизнул), хотел восстановить храм на горе Гаризим, и этим-то призывом и собрал народ под свои знамена. Пилат решил сделать угодное самарянам тем, что этих пленных мятежников, которые выдавали себя за обманутых, отпустил под честное слово. Более того, он нарядил из них депутацию к прокуратору Вителлию, дав им возможность изложить свои просьбы и получить таким образом разрешение мирным путем восстановить желаемый храм.

Действительно, то был красивый жест доброй воли. Ведь получилось так, что Понтий с войсками вторгся на неподконтрольную ему территорию, не известив предварительно своего непосредственного начальника. Просто дело было слишком неотложным, да и добраться до Самарии Пилату было намного проще и быстрее, чем легионам Вителлия.

Казалось бы, победа искупала все, ибо победителей не судят. И все же, Понтий счел нужным подстраховаться и со стороны самарян, и со стороны Вителлия. Однако случаются же в жизни такие моменты, когда у нас не остается возможности для выигрышных действий...

Возвращение Понтия в Кесарию было чем-то вроде маленького триумфа. Действительно, не так часто его когорта отличалась в таком достаточно большом для нее деле. Первая и последняя для Понтия настоящая победа в настоящем сражении. В Кесарии тоже все было спокойно, как и в Иерусалиме. Узнав о крещении Клавдии, Понтий не стал ругать жену, а сказал с усталой улыбкой:

- Этого и следовало ожидать от тебя в такой ситуации.

- Тебе не описать, Понтий, как изменилась моя жизнь за эти несколько дней. С меня свалился огромный камень. Поистине, шесть лет я жила под проклятием, которое окончательно разрушилось только теперь. Я и верила Богу евреев, Отцу Иисуса, я молилась Ему. Но этого всего было мало. Ты тоже ведь и молишься Ему, хотя бы иногда?

- Да. И что же изменилось?

- Теперь я не просто молюсь, но служу Ему. Как тебе понятнее сказать: я вступила в его когарту, а не просто наблюдаю за ней со стороны.

- И в чем твое служение теперь?

- Ну, и в молитве тоже, но теперь и в свидетельстве о нем, об Иисусе. Я ведь сама видела то, чего не видел из них никто.

И она рассказала мужу и о крещении своем, и о собрании верующих.

По совету Клавдии, да и по собственному рассуждению, Понтий немедленно отписал подробный отчет цезарю о всем произошедшем. Тягостные предчувствия не покидали его. Клавдия утешала мужа:

- Цезарь тебя еще помнит. Если твое письмо опередит возможный донос, он поверит тебе.

- Все это верно, Клавдия. Одного боюсь: Тиберий уже стар. Он может это письмо просто пропустить или забыть о нем, когда нужно станет его вспомнить.

Как бывает на войне, после удачной атаки в лоб и прорыва строя врагов победоносный отряд могут окружить и отрезать. В итоге это и получилось. Понтия окружили сразу три группы недоброжелателей.

Во-первых, самаряне, разумеется, были в большой обиде на него после такого поражения и представили Вителлию дело так, что они во всем верны Риму, и просто хотели построить храм, но злой Пилат на них напал и учинил ничем не вызванную резню. Великодушие Понтия к ним, побежденным, они сочли за слабость, которой и воспользовались⁶⁶.

Во-вторых, Вителлий выслушал их внимательно и доброжелательно. Как порядочный римлянин, и бывший консул, он рассудил, что и самаряне имеют право на свой храм, и что действия Пилата здесь явно превышают его полномочия. Кроме того, Вителлия раздражала сама дружба Понтия с Тиберием, и что этот совсем не высокий чиновник который раз обращается к цезарю с личными письмами через голову своего непосредственного начальника, то есть, его, Вителлия. Во всяком случае, рапорт Пилата о появлении христиан прошел мимо сирийского прокуратора и вызвал целую дискуссию в сенате и особый указ Тиберия – и все это прошло в обход Вителлия. Конечно, ни в какие времена и никакому начальнику такие действия подотчетных ему чиновников-руководителей никогда понравиться не могут.

И наконец, с третьей стороны опасность только усилилась. Главным недругом Понтия с известных

времен был все-таки синедрион, имевший к нему большие претензии за покровительство последователям Иисуса. А тут еще и такое странное предложение Понтия, как восстановить самарянский храм. Это было уже просто возмутительно! Пилата для того и вызвали, чтобы с его помощью выжечь каленым железом из всех самарянских мозгов самую такую мысль, а он – пожалуйста – чуть ли не ходатайствует о законном возведении их храма!

Разумеется, к Вителлию явилась не только самарийская, но и еврейская делегация. Обвинили Пилата, конечно, не в сочувствии самарянам, а опять же в жестокости, в тяжести налоговой политики.

Нетрудно догадаться, чем это все должно было кончиться. Вителлий лично прибыл в Иерусалим, принес через священников жертву в Иерусалимском Храме, дал евреям налоговое послабление на продажу овощей в городе, сделал некоторые другие жесты доброй воли. Его там встретили тепло, надеясь в дальнейшем разрешить оба вопроса, и христианский, и самарянский в желательном для себя направлении. Пока же, отставка Понтия была предрешена. Петля затянулась.

В Кесарию прибыл трибун Марцелл с указом от Вителлия к Понтию, чтобы тот сдал дела, а сам отправлялся на суд цезаря для ответа во всех возводимых на него обвинениях⁶⁷. А что эти обвинения цезарю уже были отправлены, удивляться не приходится.

Во мгновение ока первая семья в Кесарии стала одной из последних. Удар, к которому готовились семь лет, все-таки настиг Пилата. Ни сам Понтий, ни Клавдия, ни даже Корнелий с Луцией не удивились

указу Вителлия. Надеялись только, что суд Тиберия будет милосердным и справедливым.

Самым тяжелым для Клавдии стал выбор между мужем и детьми. Его невозможно было оставить здесь, а их невозможно было взять туда. Старший Марк уже был зачислен в когарту. Младший Друз еще только учился. В заботе и присмотре нуждались оба. С другой стороны, мужа ждала нелегкая судьба, его нужно было поддержать в трудную минуту.

Крепкое плечо подставила Луция. Она сама предложила Клавдии взять ее детей в свой дом. По сути, это решило весь вопрос. Клавдия решилась ехать с мужем и надеялась все-таки вернуться.

Для рассуждений о вере времени уже не было. Нужно было срочно продать какие возможно вещи, собрать все оставшиеся деньги, которые должны были пригодиться на черный день, столь вероятный и близкий. Тут помогла община. Понтий и Клавдия отпустили всех слуг (их просто не взяли бы на корабль). Община помогла и здесь, обещая куда-нибудь их пристроить.

Марцелл разрешил Понтию проститься с когартой. Выстроив гарнизон, Понтий поблагодарил всех за службу, испросил прощения за возможную жесткость и невнимательность, призвал слушаться Марцелла, как отца-командира и помолиться за него. Воины провожали Понтия с искренней грустью и благодарностью.

Уже у причала прощались только с самыми близкими. Прима и Секунда жалели госпожу, но в тайне не могли не радоваться своей свободе. Обе надеялись построить новую жизнь. Шломит не скрывала своей скорби: ее судьба виделась ей совсем

туманной. Кроме того за последние годы она успела привязаться к своей госпоже-сестре вполне искренне.

Понтий уллучил минутку и сказал Луции тихонько, чтобы никто не слышал:

- Спасибо тебе, дорогая, за все, за Клавдию, за заботу, за детей. Без тебя нам было бы гораздо труднее. Спасибо. – Взгляд его выразил явно нечто большее.

- Спасибо и тебе, командир, - отвечала она, - скажу тебе то, что можно сказать лишь в самую последнюю минуту. Я видела и замечала твое отношение ко мне. Я никогда не стала бы твоей любовницей, но зато смогу стать матерью твоих детей. Я тоже благодарна тебе, как командиру моего мужа и моему командиру. С тобой нам было хорошо. Буду молиться за тебя и за Клавдию. Цени ее, такая женщина – большой подарок для тебя.

- Ценю, конечно, - был ответ.

- Войди в Царство Иисуса, Понтий, - тихо добавила она, - и мы навсегда будем все вместе, там, где не женятся и не умирают. Прощай.

Луция, быстро взглянув на Понтия, украдкой поцеловала его - первый и последний раз в жизни - и быстрыми шагами подошла к мужу. Пора было грузиться на лодку и переплывать на корабль.

Глава 12. Ты не имеешь надо мной власти...

Глядя на остающуюся на востоке кесарийскую гавань, Понтий задал жене вопрос, мучивший его все эти дни:

- Все десять лет постоянно с ними общался, советовался, ничего против их воли не делал. Даже грешил по их указке. Отступал перед ними, испытывая твое долготерпение. Все время

оказывался каким-то отступающим и помятым. И при этом десять лет спокойно пребывал в должности. И вот, первая победа в настоящем бою, с настоящими мятежниками, первая настоящая демонстрация римской военной силы – и такой мгновенный финал. Как будто все навалилось на нас. Почему поражения давали нам место под солнцем, а победа молниеносно лишила нас всего?

- Откуда же мне знать, - ответила Клавдия. – Меня ведь тоже мучит похожий вопрос. Семь лет я жила внутри себя под занесенным мечом проклятия – а внешне все шло благополучно. И только после крещения, едва ушло это внутренне проклятие, как приходит беда снаружи. Такой же парадокс получается! И мне кажется, в еврейской борьбе против тебя главным стал вопрос об Иисусе. Самаряне подбросили им просто последний удобный повод.

- Да, я ошибался, - отозвался Понтий. – То не было еврейской провокацией, сознательно продуманной и подстроенной заранее. Самаряне затеяли все сами. Евреи только умело воспользовались удобным случаем. Надо думать, что все это было предreshено. Судьба.

Клавдия поделилась еще одной новостью:

- Когда мы собирались, на прощание пресвитер общины Епимах рассказал мне, что Иисус обещал своим ученикам, что за веру в него, как в Царя, его учеников будут преследовать, выгонят из синагог, а кого-то и убьют. Но Он утешал их, обещая, что их ждет настоящая, лучшая и вечная жизнь. А затем показал им и нам, что это такое, когда был воскрешен сам.

- Он подставляет под страдание тех, кого любит?

- Получается, так, - ответила Клавдия. – И это не значит, что Он их разлюбил. Это значит, лишь то, что будущее воскресение – намного прекраснее. Ради него следует рисковать. Ведь Иисус этот же путь прошел сам, прошел первым. Как настоящий воевода.

И чуть помолчав, она добавила:

- С какой стороны ни взглянуть, Иисус оказывается в центре. Хотим или нет, но пострадаем мы именно за Него. Это очевидно. И здесь высшая справедливость. Все судьбы – в его руках. И этот мой ушедший семилетний внутренний ужас наказания больше ко мне не возвращается. Иисус дал мне мир с небом.

Клавдия давно уже не высказывала мужу прямых призывов. Но и невысказанный призыв тут был ясен. Она снова помолчала и вдруг сказала о другом:

- Понтий, знаешь, я об одном тебя прошу. Пожалуйста, что бы ни случилось, не лишай себя жизни сам. Это грех.

- Так в твоей общине учат?

- Да. С собою покончил бывший ученик Иисуса, который его предал. С тех пор у нас там к этому отрицательное отношение.

- Ну, уж, как получится. Я учту, - пообещал Понтий.

Самая ужасная для них новость ожидала их на Итальянском берегу: цезарь Тиберий скончался, и наследовал ему Гай Калигула, один из самых ужасных императоров в истории Рима, правивший к счастью, недолго. Об этом наши супруги, разумеется, не могли знать, но сразу поняли, что защиты на суде уже не будет, отчет, посланный Тиберию, пропал, свидетелей защиты нет, зато свидетели обвинения

благополучно прибыли, так что на правосудие рассчитывать не приходилось.

Понтию еще, пожалуй, повезло, что судил его не сам новый цезарь, и весь суд проходил быстро и при малом составе присутствующих. Высказались и евреи, и самаряне, обвинившие Понтия в различных насилиях и в тяжелом налогообложении. Наконец, дали слово и обвиняемому.

- Обращу твое внимание, - обратился Понтий к судье, - что я совершенно лишен всякой судебной защиты. Своих свидетелей я привести не мог, чтобы опровергнуть все эти наветы. Сам факт наличия в этом зале свидетелей из самарян опровергает их слова о моей жестокости. Это они участвовали в вооруженном мятеже, подавленном мною, - и отпущены были мною на свободу, чтобы получили возможность ходатайствовать за постройку своего храма. Вместо этого они здесь. Славная получилась у них морская прогулка.

Слушаешь ты и евреев, которых цезарь Тиберий выселил из Рима. И они свидетельствуют против римского всадника и трибуна, получая власть его обвинять.

Но главное не в этом. Защититься по правилам суда я не смогу. Только открою тебе, судья, чтобы ты просто для себя знал, почему я оказался перед тобою.

У меня нет преступлений против цезаря, но был один тяжкий грех. Передо мною эти же евреи представили одного своего пророка и целителя, который обличал их лицемерие, и потребовали вынести ему смертный приговор. Его выдавали за бунтовщика только за то, что он называл себя царем. Но никакого мятежа он не устраивал, жил как нищий, на царя не походил никак. Но формально, одним

только этим словом «царь», он попадал под преступление. А защиты на суде у него не нашлось. И вот, я, понимая, что творю неправый суд, утвердил их преступный приговор, формально совершенно верный. Под конец я спрашивал этого человека: почему ты не защищаешься? Он ответил мне: *ты не имеешь надо мною никакой власти, кроме той, что дана тебе свыше*. Семь лет прошло с тех пор, и вот судьба настигла меня. Бог поставил меня в ту же самую ситуацию. Меня судит такой же судья, и точно так же у меня нет защиты, и формально закон не на моей стороне. А ты, вероятно, сочувствуешь мне, понимая, кто суть мои обвинители. Но и сейчас получается так, что ты не имеешь надо мною власти – власти поступить по совести, - кроме той власти, что дана тебе свыше - самим назначением в должность.

Грех мой настигает меня через семь лет. Я понимаю безвыходность твоего положения, а потому прощаю тебя. Тот пророк, (его звали Иисус), сказал мне так: большой грех на тех, кто предал меня тебе. Я и к тебе, судья, обращаю эти же слова. Но, как и тот Иисус не только умер на кресте, но и воскрес на третий день, чему полно свидетелей в Иерусалиме, а отчасти я и сам такой свидетель, так и теперь я надеюсь, понеся свое наказание, получить у него прощение и оказаться в его царстве. А Царь Он, как оказалось, не над земными царствами. Он царствует в мире усопших, давая им жизнь вечную. Если вы еще не слышали обо всем этом, то скоро обязательно услышите, но пока это речь не о юридическом вопросе и эти подробности неуместны в суде. Я кончил, благодарю за внимание к моим словам.

Понтий опустился на скамью. Он готовился в своем слове упомянуть о своем суде над Иисусом, но поймал себя на том, что конец своей речи он не готовил. Слова эти сами сложились у него в сердце, и он вынес их, как глубочайшее исповедание. И вдруг внутренний покой и ясность посетили его и охватили всю душу. Он поймал на себе восхищенный взгляд Клавдии, присутствовавшей тут же на заседании. Очевидно, и она не предполагала от него такого дерзновенного исповедания. И пока судья взял перерыв на размышление, Понтий вдруг понял, что можно бы сколько угодно крепиться, руководясь принципами философии, но эти принципы мертвы сами по себе. Они не пожалеют, они не одобряют, они не накажут, они не дадут сил. Они не дадут, наконец, и той вечной жизни, той победы над смертью, веру в которую он, Понтий, только что исповедал, сам еще толком не осознав. Просто пока он ощутил, что Бог его одобряет. Именно теперь это стало ему понятно. Бог словно поцеловал его в ум и в сердце. Прежде он старался спрятаться от Господа за философию, а теперь оказалось, что все гораздо проще: с Богом нужно было примириться через Иисуса, а не прятаться от Него. Само покаяние и исповедание вот так, в один момент излечили его давнюю душевную рану.

Понтий был приговорен к изгнанию на какой-то остров в Эгейском море. Видимо, на судью произвело впечатление его последнее слово, и приговор получился достаточно мягким по тем-то временам. Пока в ожидании корабля, он был заключен в тюрьме, Клавдия посещала его. Кроме того, она сумела выяснить, что последователи Иисуса есть уже и в столице, и смогла добраться до них.

Эпилог

Здесь нам пора закончить свою реконструкцию. Дальше жизнь и кончина наших главных героев пропадает во мраке полной неизвестности. Мне хочется увидеть их благополучными в вечности, - вот и все, что могу здесь о них сказать. Существует свидетельство Евсевия о самоубийстве Понтия, но оно ничем не подкрепляется, никакой ссылкой на ранние источники, и похоже, продиктовано просто чьим-то желанием показать отмщение «врагу Христа».

А о других персонажах кое-что известно.

В наших святцах стоят центурионы Корнелий и Лонгин. Согласно житиям, они оба приняли мученическую кончину за Христа. Причем Корнелий до этого успел стать епископом в Кесарии. Конечно, не все жития святых суть исторически достоверные источники. Однако на основании Евангелия и Деяний можно сделать очень вероятное предположение, что оба сотника действительно подвизались в проповеди и в свидетельстве о воскресшем Христе. Весьма вероятно и то, что Корнелий действительно стал епископом, - окончив свою воинскую службу, разумеется. Также весьма возможно, что оба центуриона были неприятными свидетелями для синедриона, и он желал бы их устранить. Самое к тому благоприятное время – это именно их выход в отставку. Без мечей и без своих отрядов центурионы становились беззащитны против наемных убийц или гнева фанатиков⁶⁸.

В нашем повествовании почти не употреблялось слово «христиане». Оно, согласно дееписателю Луке,

появилось несколько позже, примерно в конце 30-х – начале 40-х годов и не в Палестине, а в Антиохии Сирийской. Там же упоминается, что именно в Антиохии так стали называться верующие в Иисуса из необрезанных. И у читателя может сложиться впечатление, будто только там, в Антиохии впервые такие и появились. Но тот же Лука, описав обращение Корнелия, показывает, что такие же христиане из язычников появились в Кесарии раньше, только еще не приняли этого имени. И если задуматься, а кто же стал первым проповедником Христа среди не еврейского населения? Получается, что именно римские офицеры, подчиненные и боевые товарищи Понтия Пилата, а также члены их семей.

Роман Антипы с Иродиадой завершился войной против царя Арефы. Война была бы и большей, ибо Тиберий, поддерживавший Антипу, повелел Вителлию доставить его в Рим живым или мертвым. Вителлий двинул свои легионы в поход. И только последовавшая вскоре смерть Тиберия отложила этот план⁶⁹. Калигула же, сменивший Тиберия, низложил Антипу и сослал его в Испанию. Подтвердилась известная истина, что жениться по любви не может ни один король. Во всяком случае, сделать это безнаказанно.

А церковь продолжала расти, продолжала свидетельствовать, просвещала разные народы. Впереди для нее было осмысление евангельских событий, впереди было исповедание Иисуса Икупителем, а затем и Сыном Божиим, равным Отцу (мы нарочно не поднимаем эти темы, преждевременные для 30-х годов). Впереди были для Церкви и ужасные конфликты с государством Рима. Впереди были и Нерон, и Домициан, Декий и

Диоклетиан, и много чего еще. Впереди был и автор Апокалипсиса и Теруллиан и апологеты, - тоже разнообразные личности и тоже разные решения вопросов церковно-государственных отношений. Не все из этих решений хочется приветствовать из нашего прекрасного далека.

Но такого варианта отношений церкви и государства, как в первые семь лет при Тиберии, уже не будет никогда. Это было исключительное время – твердо скажем это тем, кто на все написанное выше посмотрит, изучив, положим, историю Нероновых времен и сочтет наше повествование неправдоподобным. Подобно тому, как богомладенца Иисуса оберегали в колыбели силы небесные, потому что не было рядом сил человеческих, так и младенца-церковь оберегал также сам Господь, создавший ей поначалу внешние условия наибольшего благоприятствования, не повторявшиеся потом никогда.

И последнее авторское самооправдание. В изложенной истории не следует искать ни малейших социально-политических параллелей с современностью. Описание беспорядков в Иерусалиме – это не намек на беспорядки где-нибудь в Москве или Париже, а воины первого Рима описываются без всяких проекций на воинов Рима третьего. И так во всем. Цель ставилась гораздо выше. Когда-то вы слышали всю эту историю с меньшими подробностями, и она поразила вас тогда, стала самой радостной вестью в вашей жизни. Но потом новость состарилась, обветшала в вашей душе. Пусть же сегодня она вернется к вам именно новостью, во всем ее прежнем, новом с иголки, эмоциональном облачении.

Примечания

Сокращения в написании первоисточников:

1. Свет. 3, 9 – Гай Светоний Транквилл. Жизнь 12 цезарей, книга 3, глава 9.
2. Древн. 18, 2, 2 – Иосиф Флавий. Иудейские древности, книга 18, глава 2, параграф 2.
3. Война 1, 7,8 – Иосиф Флавий. Иудейская война, книга 1, глава 7, параграф 8.

Без сокращений используются первоисточники:

4. Евсевий Памфил Церковная история СПб, «Амфора», 2005.
5. Дидахэ. Учение 12 апостолов// Писания мужей апостольских, М. 2003.

[В квадратных скобках] дается номер книги из списка литературы с указанием страницы.

¹ О Тиберии, как полководце Августа см. Свет. 3, 9; 3, 16-18. Еще подробнее об этом пишет Князький [2]. Его описание существенно шире, поскольку он ссылается на современника и соратника Тиберия – Веллея Патеркула, оставившего гораздо более подробное описание этих войн.

²Свет. 3, 32-34

³Наиболее подробное описание Кесарии и ее строительства – Война, 1, 21, 5-8.

⁴Имя заимствуется из апокрифических источников.

⁵Имя заимствуется из апокрифических источников.

⁶Война 1, 7, 6.

⁷Описывая расположение войск, Иосиф не раз упоминает про два легиона в Сирии на границе с Парфией, и ни разу не говорит, что хотя бы один легион в те времена был в Иудее. Более того, когда уже начинается восстание 66 года, у него же говорится, что Цестий подводит к

Иерусалиму 12-й легион с большими подкреплениями (Война, 2, 18, 9-11) и терпит поражение. Это значит, что собственных сил в Иудее у римлян никогда не набиралось на легион. Нормативная численность легиона во времена империи – около шести тысяч воинов, когорты – до тысячи, манипула – около сотни. Реальная численность частей и подразделений часто бывала меньше. Во главе манипулов стоят центурионы, во главе когорт – военные трибуны. Во времена Пилата мы видим у него в подчинении центурионов и не встречаем старших офицеров – трибунов. Отсюда и делаем вывод, что общая численность всех римских гарнизонов в Иудее, Галилее и Заиорданье исчислялась сотнями бойцов, что составляло приблизительно расширенную когорту. Едва ли больше полутора тысяч. Еврейское же население Палестины составляло сотни тысяч, приближалось к миллиону человек.

⁸Мятежи в Германии в расквартированных там четырех легионах последовали сразу после кончины Августа в 14 году. См. подробнее – [2, стр.151-167]

⁹Гибель легиона Цестия – см. Война. 2, 19, 1-9.

¹⁰Свет. 3, 16-18. О Паннонском восстании и ответе Батона Тиберию см. также [2, стр. 84].

¹¹Тиберий был заботливым полководцем. Князький описывает это со ссылками на Веллия Патеркула, биографа Тиберия, сражавшегося под его руководством непосредственно. См. напр.[2, стр. 47].

¹²Деян. 10, 1.

¹³О быте палестинских евреев того времени см.: [4, кн.1, гл. 7, стр. 57].

¹⁴Царствование Ирода Великого описано у Иосифа дважды и занимает практически всю первую книгу «Иудейской войны» (из семи), а также в «Иудейских древностях»: книга 14 с 26 главы, и книги 15-17 того же сочинения.

¹⁵Архелай сын Ирода Великого (37-4 г до н. э.) (от Мальфаки) и его непосредственный наследник (4 до н. э. –

6 н. э.). Ирод Антипа, сын тех же родителей, тетрарх Галилеи (4 до н. э. – 39 н. э.). Филипп, сын Ирода Великого и Клеопатры, тетрарх Трахонский (4 до н. э. – 39 н. э.). У Ирода Великого было 10 жен. В скобках – годы царствования. Мы согласно со всеми историками принимаем, что Иисус родился около 4 г до н.э., приблизительно в год смерти Ирода, 750 г от основания Рима, а впоследствии дата его рождения была вычислена неверно.

¹⁶Вторая и любимая жена Ирода Мариам имела от него сыновей Александра и Аристобула. Все трое вследствие интриг в разное время казнены самим Иродом. Гибель Мариам – Война 1, 22, 1-4, казнь Александра и Аристобула – Война, 1, 27, 1-6.

¹⁷Эта история описана у Иосифа – Война 1, 33, 2-4.

¹⁸Описание Храма тех времен – см.: Война, 5, 5, 1-8. Древн.: 15, 11, 3-7.

¹⁹Древн. 18, 2, 2.

²⁰*Пусть ни один язычник не войдет в освященное место за ограду, окружающую Храм. Всякий, кто будет здесь пойман, сам понесет ответственность за свою смерть.* Плита с этой надписью найдена в Иерусалиме в 1935 г. Другая плита с полной версией надписи хранится в музее в Анкаре [3, стр. 204]. См. также об этой надписи: Война, 6, 2, 4.

²¹Имя взято из церковного предания.

²²О личной скромности Тиберия см.: Свет. 3, 26-27.

²³Эпизод с изображениями цезаря описан у Иосифа – Война 2. 9, 2-3; Древн. 18. 3, 1.

²⁴Выселение евреев из Рима при Тиберии упоминается Светонием (3, 36), а также в Древн. 18, 3, 5.

²⁵Союз Иуды Маккавея с Римом – событие, по сути, открывающее повествование Иосифа об иудейской войне – см.: Война 1, 1, 4. Еще подробнее об этом повествуют книги Маккавейские, приводя даже текст послания Сената к Иуде – см. 1 Макк. 8, 17-32.

²⁶Об отношениях Августа с Иродом наиболее ярко описано здесь: Война, 1, 20, 1-4.

²⁷Война 1, 7, 1-6.

²⁸Война. 1, главы 16-18.

²⁹См. примеч. 3.

³⁰Древн. 18, 2, 1-3.

³¹Приводя историю первой жены Ирода Антипы и ее бегства от мужа (Древн. 18, 5, 1), Иосиф почему-то не приводит ее имени. В нашем тексте имя выдуманно.

³²Свет. 2, 62. Свет. 3, 7

³³Свет. 2, 34; 3, 33-35.

³⁴Имя центуриона выдуманно нами, потому что его нет в Новом Завете.

³⁵О восстании Иуды Галилеянина см.: Древн. 18, 1, 1-4. Краткое упоминание о сем есть также в речи Гамалиила, см.: Деян. 5, 37.

³⁶Древн. 18, 5, 2 – единственное упоминание у Иосифа об Иоанне Крестителе.

³⁷Лк. 3, 14.

³⁸Война 2, 9, 4.

³⁹О ессеях см.: Древн. 18, 1, 5, а также более подробно: Война 2, 8, 2-13.

⁴⁰Пс. 49. Цитата не дословная.

⁴¹Торговля жертвенным скотом в Храме подробно описывается у Эдершейма [4, кн. 3 гл. 5 стр. 249-251]

⁴²Количество священников Эдершейм оценивает в 20 тысяч человек [4, кн.2 гл.3 стр.92]

⁴³Альтернативный Храм в Александрии все-таки был построен и презираем священниками и раввинами Палестины [4, кн. 1. гл. 5 стр. 42]

⁴⁴Смерть Ливии, жены Августа, матери Тиберия, последовала в 29 году. Еще ранее Тиберий переселился из Рима на Капри.

⁴⁵Смерть Германика, внука Тиберия, последовала в 23 г при очень странных обстоятельствах. Германика любили все римляне, он был молод и перспективен, рассматривался как наследник престола, причем

единственный. Очень вероятно, что он был отравлен, но так и не ясно, кем и для чего.

⁴⁶Лк. 7, 1-10. Потрясает стих 5: *он любит народ наш и построил нам синагогу*. Как римский центурион мог бы построить синагогу в Капернауме?! В каком смысле *построил*? Это вызывает недоумение. Мы предлагаем смягченное, правдоподобное разрешение его выше – гл.4, стр.63.

⁴⁷Описание бунта по поводу водопровода приводится Иосифом дважды, причем с расхождением в важных деталях. Так по тексту «Иудейской войны» читаем: (Пилат) «вызвал волнения тем, что употребил священную казну, называемую Корбан, на строительства акведука длиной в 400 стадий. Это привело народ в ярость, и во время посещения Пилатом Иерусалима они окружили суд, где он заседал, заглушив все своими криками. Однако Пилат предвидел беспорядки заранее, и его воины, переодетые в обыкновенное платье, под которым было спрятано оружие, смешались с толпой, получив от Пилата приказ не пускать оружие в ход, но успокоить смутьянов дубинками. Он из зала суда подал им сигнал, и евреи были избиты до такой степени, что многие умерли от побоев, а другие затоптаны насмерть во время бегства» (Война, 2, 9, 4).

Описание в «Древностях» отличается. Во-первых, длина водопровода сокращается до 200 стадий, вполосину, во-вторых, и главное: стычка происходит не у зала суда, а прямо на местности: «около рабочих, занятых сооружением водопровода». А дальше Пилат тоже переодевает солдат, вооружает дубинами и окружает толпу со всех сторон (см.: Древн. 18, 3, 2).

Иосиф настаивает, что воины были в гражданском, и имели только дубинки или самое легкое оружие. Но спрашивается, как мог бы Пилат составить такой заведомо провальный план разгона демонстрации, участники которой наверняка тоже имели дубинки, а главное, неимоверно превосходили римлян числом (сам Иосиф в

тексте Древн. говорит о «многих десятках тысяч иудеев» - совсем уж фантастическая цифра! «Многих десятков тысяч» не составляли и все 20 римских легионов по всей империи!). Рассеять своих почти безоружных воинов среди толпы значило просто отдать их на верную смерть. Вся сила римлян была именно в строю и в доспехах, а тут командир разоружает своих воинов и рассеивает их. Откуда такая глупость?

Мы приводим вариант, как разрешить это недоумение. Римляне, действительно, могли быть в гражданском и почти безоружными посреди толпы. Но как? – Именно по случайному стечению обстоятельств! А еще потому, что они принимали участие в строительстве, как это делали римские воины практически везде.

И, конечно же, не подлежит ни малейшему сомнению, что Пилат не мог самовольно взять средства на строительства из сокровищницы Храма. Он мог только **вынудить** синедрион **поделиться** на это столь необходимое городу строительство.

⁴⁸ См.: Лк. 13, 1

⁴⁹ Ис. Гл. 66.

⁵⁰ Ис. Гл. 61.

⁵¹ Ис. Гл. 60.

⁵² Мф. 21, 33-41.

⁵³ Лк. 23, 12.

⁵⁴ Здесь прямая цитата из синаксаря Великой Субботы. Древний христианский автор вкладывает в уста Пилата именно эти слова. Считаю их в высшей степени уместными.

⁵⁵ Мы исходим из подлинности Туринской плащаницы, и рассматриваем ее самое общее описание. Существует уже огромный пласт научных исследований плащаницы, называемый синдонологией, и один из важнейших вопросов в этой науке как раз и касается ритуальной нечистоты этого предмета в еврейских глазах. Может быть, прикоснуться к плащанице не сочли бы чем-то страшным ученики и ученицы Христа, но едва ли они

решились бы **сохранять у себя** заведомо нечистую вещь. Тем не менее, она до нас дошла. В таком случае, чьею рукою она могла быть изъята из гробницы? Причем, сделать это нужно было буквально в первые же часы, как только все стало известным. Можно сделать и следующее, более шаткое предположение: такой предмет мог быть изъят именно, как оберег, а не только как память, и в этом случае здесь вероятнее действует женская рука, нежели мужская.

Первые часы, женщина и не еврейка – кто же? И здесь считаем нашу реконструкцию вполне обоснованной. Лишь потом из церкви, преимущественно не еврейской, она попадет (с благословения апостолов) в другую, тоже не еврейскую церковь – в город Эдессу.

⁵⁶ Ис. 53.

⁵⁷ Прем. 1, 13.

⁵⁸ Главный первоисточник здесь – Древн. 18, 5, 1-3. В одном параграфе кратко описаны события, которые, вообще-то, должны быть разделены семью-девятью годами. Действительно, Ирод Антипа женится на Иродиаде, его законная жена, названная у нас Марьям, бежит к отцу, аравийскому царю Арефе. Арефа собирает армию и наносит поражение Антипе. Но тут же есть и продолжение:

«Ирод отписал об этом Тиберию. Император разгневался на образ действий Арефы, послал Вителлию приказ объявить ему войну и представить ему Арефу либо живым в оковах, либо прислать ему его голову».

Рассказ идет далее. Вителлий собирает два легиона и движется на Аравию. Иудеи просят его обойти через Заиорданье, чтобы не проходить по самой Иудее с большим количеством своих орлов при римском войске (вот, наглость!). Вителлий исполняет эту просьбу! Легионы идут круглым путем, а сам Вителлий приезжает в Иерусалим один. И, вероятно, именно в этот приезд, он смещает Пилата. Кроме того, он приносит жертву в Храме и всячески демонстрирует любовь к евреям. Но до войска

Арефы он так и не доходит, потому что приходит известие о смерти Тиберия, а новый принцепс Гай Калигула приказа громить аравийцев не давал. Вителлий возвращается с легионами в Антиохию.

Возникает вопрос хронологии. Брак Антипы с Иродиадой предшествует казни Крестителя и тем более пасхе страданий нашего Господа. То есть, относится к концу 20-х годов. Месть Арефы и его успешный поход против Антипы «зависают» в промежутке от 28 до 37 годов, когда умер Тиберий. Спрашивается: как долго ждал Арефа момента для своей мести, и что его сдерживало? Ответ очень прост: наверняка сдерживало его хотя бы символическое присутствие римских войск на стороне Антипы у его границы. Как только по каким-то причинам орел исчез из вида аравийских разведчиков, Арефа и решается нанести удар. Вполне возможно, что он довольно долго ждал. Гораздо меньше времени должно было потребоваться Вителлию, чтобы поднять свои два легиона.

⁵⁹Optimus et maximus, наилучший и величайший, - обычное обращение римлян к Юпитеру. И единственно возможное обращение для тех из них, кто только еще «нащупал» свою веру в Единого Бога.

⁶⁰Сатурново Царство – золотой век человечества. Его ожидали поэты-пророки Рима в связи с победой Октавиана-Августа и окончанием гражданских войн. См. об этом подробнее [1, стр. 62-75].

⁶¹Свет. 4, 5. Есть к этому и такой комментарий современного историка: «Не должно удивляться и столь крайним проявлениям скорби римского народа, как швыряние камней в храмы, сокрушение алтарей богов. Римская религия допускала гнев на богов, обманувших ожидания жертвователей. Во здравие Германика римляне совершили множество жертвоприношений. Смерть же его стала вопиющим опровержением важнейшего римского постулата: «Do ut des» - «Даю, чтобы ты дал». Потому имели право римляне негодовать на богов, пренебрегших

их щедрыми пожертвованиями и не уберегших всенародно обожаемого Германика от смерти. Гнев на богов вовсе не отменял их почитания. Да и чувства римлян могли быстро меняться». [2, стр. 233].

⁶²Письмо Понтия Пилата Тиберию, как подлинный документ древности имеет подтверждения у древних же авторов. Так в «Церковной истории» Евсевия Памфила читаем: «По издревле укоренившемся обычаю, областные управители должны были сообщать лицу, облеченному верховной властью, о всех местных новостях, чтобы ничто не ускользало от императорского глаза. Пилат сообщил императору Тиберию, что по всей Палестине идет молва о воскресении спасителя нашего Иисуса, что ему известны и другие его чудеса, и что в Него, воскресшего из мертвых, многие уже уверовали, как в Бога. Тиберий, говорят, доложил об этом сенату, но сенат отверг это известие под тем предлогом, что он не занимался предварительно его рассмотрением. По издревле укоренившемся закону, никто не мог быть признан богом у римлян иначе, как по голосованию и декрету сената. В действительности же спасительное учение божественной проповеди не нуждалось в человеческом одобрении и покровительстве. Хотя римский сенат и отверг известие, сообщавшее о Спасителе нашем, но Тиберий сохранил свое прежнее мнение и не замышлял против Христова учения ничего несообразного».

И далее Евсевий цитирует Тертуллиана, виднейшего из христианских авторов рубежа II-III века: «Когда Тиберию, при котором имя христиан вошло в мир, пришло известие из Палестины (Палестина – его родина) об этом учении, он сообщил о нем сенату, дав понять, что это учение ему нравится. Сенат, однако, отверг его, как не рассмотренное заранее. Тиберий остался при своем мнении и угрожал смертью тем, кто доносил на христиан» (Церковная история, кн. 2, гл. 2; Тертуллиан, Апология, V, 1-2).

Тертуллиан не тот человек, который поверил бы слухам и, тем более, стал бы их приводить в Апологии – обращении к императору и сенату, у которых в его время была возможность проверить архивы. Обратим внимание, что позднюю историю про девушку, показывавшую Тиберию красное яичко, древние авторы не рассказывают. Так что сам факт наличия письма Понтия Пилата к Тиберию можно считать вполне надежным. Даже если сохранившийся документ под таким названием (Asta Pilata) является подделкой IV-Vвека (с чем мы не собираемся спорить), самого факта наличия одного письма это не отменяет. Подлинное письмо было, и оно было утрачено. Мы его реконструируем.

И совершенно не подлежит сомнению, что если Тибериус сохранил такое расположение к христианам, то и само письмо Пилата представляло христиан в весьма благожелательном свете! Да и с чисто прагматической точки зрения какая-то оппозиция правящему синедриону, притом именно мирная, не разбойничья, была объективно выгодна Риму, не забывшему правила: разделяй и властвуй. И только когда христианство стало самостоятельным и охватило уже всю империю, – лишь тогда такое отношение Рим пересмотрел.

⁶³Деян. 10, 15.

⁶⁴Эта молитва взята полностью из Дидахэ, гл. 10. «Учение 12 апостолов» - древнейший христианский документ, восходящий к середине первого века. Современная библеистика последовательно приходит ко все более ранней его датировке. В любом случае, именно этот документ содержит самую раннюю дошедшую до нас евхаристическую молитву. Признаем, что наша проекция этого документа прямо в 30-е годы слишком смела, но допускаем, что какая-то молитва такого рода могла быть передана непосредственно апостолом Петром новой общине в Кесарии. Поэтому ознакомить читателя с нею в нашем тексте считаем уместным.

⁶⁵ Самарийский мятеж см.: Древн. 18, 4, 1.

⁶⁶ Древл. 18, 4, 2.

⁶⁷ Там же. Это последнее у Иосифа упоминание о Понтии Пилате.

⁶⁸ Страдание мучеников Корнилия и Лонгина в их житиях отражают скорее реалии III или IV века. Сложно представить, будто их, бродящих по свету, некий областной правитель будет заставлять поклониться римским богам – и это в 30-е годы первого века! Наверняка для них самих еще не было проблемой исполнять все отеческие обычаи, к которым они привыкли в армии. Да и в голову не могло бы прийти некому гонителю христиан принуждать римских центурионов к почитанию отеческих богов. Очень мягкое отношение христиан к идоложертвенной пище отражено в 1 Кор., а это приблизительно 55-56 годы. Даже тогда отношение к идоложертвенному не становилось еще тестом на выявление христиан, – что же говорить о более раннем периоде. Да и не могли мешать отставные ветераны римской армии наследникам своего боевого служения лишь тем, что оставались верны повелению почившего цезаря Тиберия. Напротив того, гораздо больше у нас оснований провести логическую связь между успехом проповеди апостола Павла перед проконсулом Сергием Павлом на Кипре (Деян. 13, 7), перед проконсулом Галлионом в Коринфе (Деян. 18, 14) – с тем, что римские местные начальники по какой-то инерции относятся к христианским проповедникам еще достаточно мирно. Даже драматический эпизод в Филиппах (Деян. гл.16), закончившийся извинениями перед апостолами со стороны городских воевод, вписывается в этот же ряд.

⁶⁹ См. примеч. 58

Литература

1. Зелинский Ф. Римская империя, «Алетейя», СПб, 1999.
2. Князький И. Тиберий. ЖЗЛ, М. 2018

3. Эванс К. Иисус глазами ученых. М. ЭКСМО, 2011
4. Эдершейм А. Жизнь и времена Иисуса Мессии М.
«Весть» 2004.

Оглавление

Предисловие.....	3
Глава 1. Завещание Валерия Грата.....	7
Глава 2. В Иерусалим.....	17
Глава 3. Изображения цезаря.....	29
Глава 4. В Галилее.....	52
Глава 5. Новые пророки.....	64
Глава 6. Водопровод.....	77
Глава 7. Иисус в Иерусалиме.....	90
Глава 8. Страшный суд.....	101
Глава 9. Тело пропало.....	121
Глава 10. После пасхи.....	134
Глава 11. Духовные поиски.....	148
Глава 12. Новообращенные.....	168
Глава 13. Самарийский мятеж.....	193
Глава 14. <i>Ты не имеешь надо мной власти</i>	211
Эпилог.....	216
Примечания.....	219